

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-08-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-08-2025

Founder: Danilenko Vasiliiy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»).
115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kraigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Marek - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галышина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет , Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kraigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

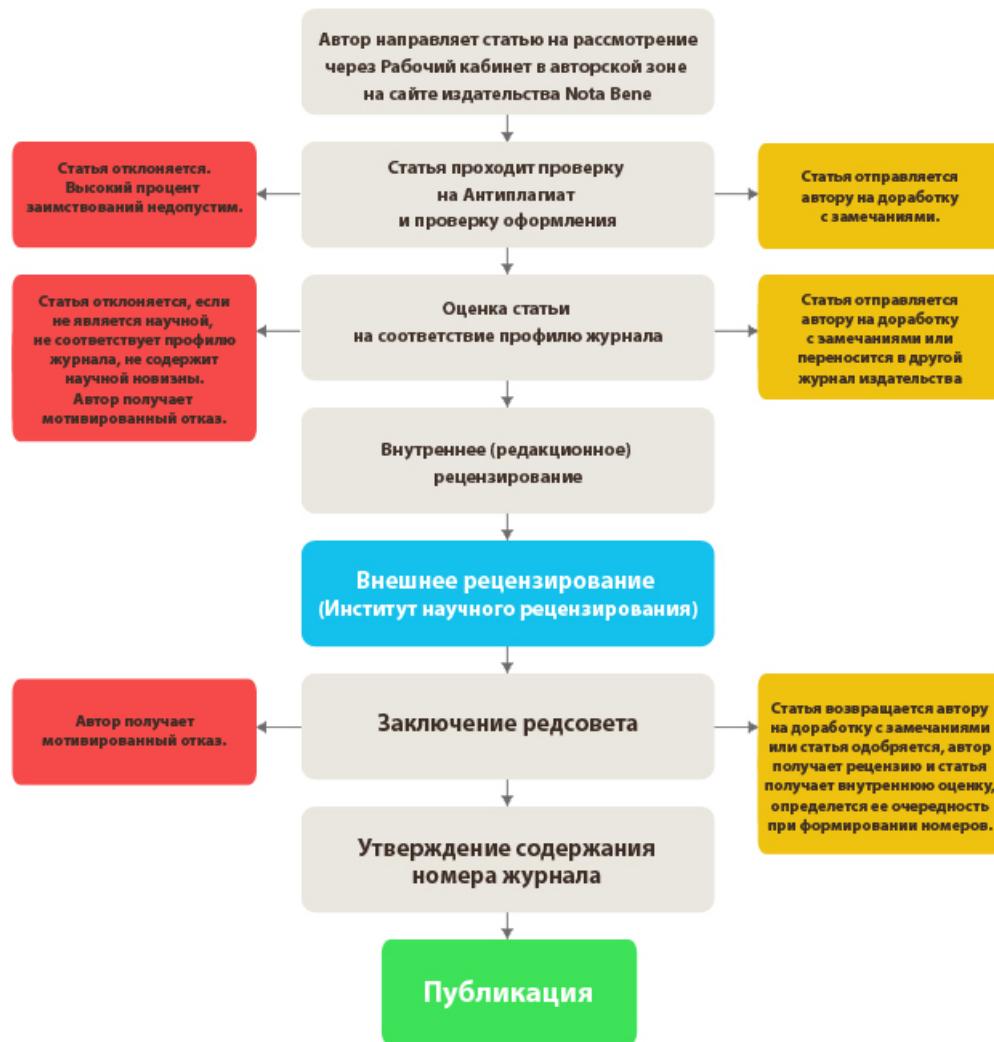
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Устюкова В.В. О расширении понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности	1
Белоусов А.А. Регулирование генеративного искусственного интеллекта в иностранных юрисдикциях и России: сравнительно-правовой анализ	13
Никитина А.Е. Правоприменительный подход к переходу права собственности на земельный участок при покупке части здания у публично-правового образования	29
Поярков С.Ю. Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма	40
Равинская А.В. О взаимосвязи криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования	61
Александров А.Р. Налоговый контроль и правоохранительная система: коллизии компетенций и пути их разрешения	79
Джумагулов Д.Д. Электронная форма соглашения: правовые проблемы идентификации лица, выразившего волю	89
Англоязычные метаданные	107

Contents

Ustyukova V.V. On the expansion of the concept of ecogenic harm to health caused by the use of agricultural products that do not meet safety requirements	1
Belousov A.A. Regulation of generative artificial intelligence in foreign jurisdictions and Russia: a comparative legal analysis	13
Nikitina A.E. The law enforcement approach to the transfer of ownership of a land plot when purchasing part of a building from a public legal entity	29
Poyarkov S.Y. The crisis of democratic institutions and the weakening of the rule of law as elements of the transformation of modern constitutionalism	40
Ravinskaya A.V. On the relationship between the forensic characteristics of crimes committed against minors, in particular, with the use of information and telecommunication technologies, and the peculiarities of their investigation	61
Aleksandrov A.R. Tax control and law enforcement system: conflicts of competencies and ways to resolve them	79
Dzhumagulov D.D. Electronic Form of Agreement: Legal Problems of Identifying the Person Who Expressed Will	89
Metadata in english	107

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Устюкова В.В. О расширении понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности // Юридические исследования. 2025. № 7. С. 1-12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.75016 EDN: CSPNFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75016

О расширении понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности**Устюкова Валентина Владимировна**

ORCID: 0000-0002-3118-4805

доктор юридических наук

главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

[✉ ustyukova.v@yandex.ru](mailto:ustyukova.v@yandex.ru)[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.7.75016

EDN:

CSPNFQ

Дата направления статьи в редакцию:

26-06-2025

Дата публикации:

03-07-2025

Аннотация: В современном мире вопросы безопасности в самом широком смысле приобретают особое значение. Не последняя роль отводится проблемам обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Производство качественной и безопасной сельскохозяйственной продукции и обеспечение ее доступности для населения отвечает национальным интересам Российской Федерации. Употребление в пищу растениеводческой продукции, произведенной на загрязненных пестицидами и агрохимикатами землях, а также продукции животного происхождения, изготовленной из сельскохозяйственного сырья, не отвечающего требованиям безопасности (к примеру,

мяса зараженных животных), может нанести серьезный вред здоровью человека. Целью исследования является выявление соотношения понятий «экологический вред» и «экогенный вред», а также значение и возможность применения последнего для обеспечения безопасности сельскохозяйственной продукции животного происхождения. В статье с использованием общенаучных и специальных методов (анализа, обобщения, формально-юридического, сравнительного-правового и др.) раскрыты доктринальные подходы ученых к вопросам обеспечения безопасности сельскохозяйственной продукции, определения экогенного вреда, сформулированы предложения по уточнению данного понятия. В статье определено, что сфера животноводства имеет дело с живыми организмами. И хотя формально-юридически сельскохозяйственные животные не относятся к животному миру, а являются с точки зрения гражданского законодательства «имуществом», от этого они не перестают быть частью природы, своеобразным «природным ресурсом», компонентом природной среды, подобно тому, как земля, признанная недвижимым имуществом, остается при этом природным объектом и природным ресурсом. Научная новизна статьи состоит в обосновании целесообразности расширения понятия «экогенного вреда», сформировавшегося в теории экологического права, посредством отнесения к нему не только вреда здоровью, причиненного «негативным воздействием окружающей среды», как это принято сейчас, но и вреда, возникшего в результате совершения экологических и смежных с ними «экологизированных» правонарушений (ветеринарных, санитарно-эпидемиологических и др.), что в большей степени соответствует норме ст. 42 Конституции РФ.

Ключевые слова:

продовольственная безопасность, охрана окружающей среды, сельскохозяйственная продукция, пищевая продукция, техническое регулирование, продукция животного происхождения, экогенный вред, экологическое правонарушение, правовое регулирование, ветеринарные правила

Статья подготовлена с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс»

1. Введение

Вопросам обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции уделяется достаточно много места как в законодательстве, так и в юридической литературе (научные труды Н.О. Ведышевой, И.А. Владимира, Н.В. Ворониной, Е.В. Ельниковой, Е.Л. Мининой, М.С. Пашовой и др.). То же можно сказать и о проблеме возмещения вреда, причиненного экологическими правонарушениями. В разное время о возмещении экологического вреда или об отдельных разновидностях такого вреда писали такие известные ученые, как В.Б. Агафонов, А.П. Анисимов, С.А. Боголюбов, М.М. Бринчук, М.И. Васильева, Г.В. Выпханова, А.К. Голиченков, Н.Г. Жаворонкова, И.О. Краснова, Н.С. Куделькин, Г.А. Мисник, В.В. Никишин, В.В. Петров, Т.В. Редникова, А.Я. Рыженков и др.). Однако в этой сфере по-прежнему ряд вопросов являются дискуссионными.

В последние годы интерес к названным выше проблемам усилился, и к их анализу подключаются современные исследователи. Это обусловлено общей тенденцией усиления внимания к вопросам обеспечения национальной безопасности, в том числе таких ее составляющих, как продовольственная и экологическая безопасность.

Актуальность и научная новизна настоящей статьи состоит в попытке соединить оба этих направления научных исследований и обосновать возможность отнесения вреда, причиненного здоровью человека в результате потребления им сельхозпродукции животного происхождения, не отвечающей требованиям безопасности, к экогенному вреду.

Методологической основой исследования являются общенаучные и специальные юридические методы познания (анализа, обобщения, формально-юридического, сравнительного-правового и др.), что позволило раскрыть доктринальные подходы в аграрном и экологическом праве к вопросам обеспечения безопасности сельхозпродукции, определения экогенного вреда, а также сформулировать предложения по уточнению данного понятия.

2. Основная часть

Доктрина продовольственной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20, предполагает, что каждому гражданину гарантируется физическая и экономическая доступность пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, т.е. являющейся качественной и безопасной.

Производство качественной и безопасной сельскохозяйственной продукции и ее использование отвечает таким национальным интересам России, обозначенным в п.25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, как сбережение народа России, повышение качества жизни и благосостояния граждан; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование.

Сельскохозяйственная продукция животного и растительного происхождения может выступать в качестве продуктов питания как в сыром, так и в переработанном виде. Требования к качеству и безопасности продуктов питания установлены прежде всего Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», а также рядом других Федеральных законов, посвященных отдельным видам продукции (органическая продукция и т.п.) или отдельным видам деятельности (ветеринария, пчеловодство, виноградарство и т.п.).

Названный Закон характеризует качество пищевых продуктов как совокупность характеристик безопасных пищевых продуктов, отвечающих требованиям, установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации, условиям договора, образцу, документам по стандартизации, технической документации, определяющим их потребительские свойства, пищевую ценность, аутентичность, сортность (калибр, категорию и иное), и удовлетворяющих физиологические потребности человека. Исходя из этого определения предполагается, что качественные продукты – это всегда (обязательно) безопасные продукты. При этом определение понятия безопасности продуктов в Законе отсутствует.

В то же время в Законе указано, что запрещается обращение пищевых продуктов, которые являются опасными и (или) некачественными по органолептическим показателям. Запрещен также оборот пищевых продуктов, которые не соответствуют представленной информации, в том числе имеют в своем составе нормируемые вещества в количествах, не соответствующих установленным в законодательстве РФ значениям, и (или) содержат предметы, частицы, вещества и организмы, которые образовались или были добавлены (внесены) в процессе производства пищевых продуктов (загрязнители),

наличие которых может оказать вредное воздействие на человека и будущие поколения, информация о которых до потребителя не доведена. Такие продукты также признаются опасными и утилизируются или уничтожаются без проведения экспертизы в случаях, установленных Правительством РФ.

Вопросы обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции регулируются и на наднациональном уровне. В рамках Таможенного союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) принято несколько технических регламентов, действие которых распространяется на сельскохозяйственную продукцию, главным образом животного происхождения. Это Технические регламенты Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» ТР ТС 021/2011; «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции, в том числе диетического лечебного и диетического профилактического питания» ТР ТС 027/2012; «О безопасности мяса и мясной продукции» ТР ТС 034/2013; «О безопасности молока и молочной продукции» ТР ТС 033/2013; Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности рыбы и рыбной продукции» ТР ЕАЭС 040/2016 и другие (СПС «КонсультантПлюс»).

В юридической литературе отмечалось, что показатели безопасности продукции «устанавливаются в основном методами, используемыми в технических отраслях знаний, затем закрепляются в праве. В силу того, что существует вероятность причинения вреда от использования определенных товаров (работ, услуг), государство осуществляет регулирующее воздействие на процессы создания, реализации и эксплуатации такой продукции (работ, услуг) при помощи системы технического регулирования» [\[1, с. 85\]](#). Несоблюдение требований технических регламентов влечет административную ответственность по статье 14.43 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Согласно ст. 2 Технического регламента «О безопасности пищевой продукции» ТР ТС 021/2011 целями принятия настоящего технического регламента являются: защита жизни и (или) здоровья человека; предупреждение действий, вводящих в заблуждение приобретателей (потребителей); защита окружающей среды. Подобные нормы содержатся и в других технических регламентах.

Как отмечалось выше, многие Федеральные законы содержат нормы, которые прямо или косвенно направлены на обеспечение производства безопасной сельскохозяйственной продукции, в том числе посредством установления требований по охране окружающей среды при ее производстве, транспортировке, хранении. В частности, учеными неоднократно обращалось внимание на тесную взаимосвязь состояния сельхозземель (в первую очередь, сельскохозяйственных угодий и почв) и качества и безопасности сельхозпродукции [\[2, с. 182, 8; 3, с.74; 4, с.85 и др.\]](#). Такая взаимосвязь обусловлена тем, что «природа, ее ресурсы в сельском хозяйстве, как ни в какой другой отрасли экономики, являются основой соответствующей деятельности», а потому «экологически чистые и безопасные продукты питания могут быть выращены, произведены только в условиях благоприятного состояния природы, с использованием экологически безопасных технологий» [\[5, с. 13, 14\]](#).

В последние годы законодатель предпринял важные шаги в этом направлении. В частности, в начале 2020-х годов в Федеральный закон «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» внесены существенные изменения, направленные на совершенствования порядка применения в сельском хозяйстве этих опасных для окружающей среды и здоровья человека веществ. Обстоятельный анализ этих

изменений был проведен Е.В. Ельниковой [6, с. 60-70]. Соответственно, опасной для здоровья может быть признана продукция растительного происхождения, в которой присутствуют остаточные количества пестицидов и агрохимикатов и других вредных веществ выше предельно допустимых концентраций.

Что касается продукции животного происхождения, то согласно ст. 15 Закона РФ от 14 мая 1993 г. № 4969-1 «О ветеринарии» она по результатам ветеринарно-санитарной экспертизы должна соответствовать установленным требованиям безопасности для здоровья населения и происходить из благополучной по заразным болезням животных территории. Обеспечивать выполнение этих требований обязаны организации и граждане, осуществляющие производство, переработку, перемещение, хранение и реализацию такой продукции. Тем не менее нередки, к сожалению, случаи, когда потребителям предлагается продукция, не удовлетворяющая этим требованиям и являющаяся опасной. Употребление такой продукции в пищу может нанести вред здоровью людей.

В науке экологического права сформировалось понятие «экогенный вред», под которым большинство ученых понимают вред, причиненный здоровью человека или имуществу граждан и юридических лиц негативным воздействием окружающей среды [7, с. 5-23; 8, с. 5-22; 9; 10; 11, с.9-105; 12, с. 97-109]. Мы разделяем такой подход, однако он тем не менее является дискуссионным, так как существуют и другие точки зрения.

Так, некоторые ученые отождествляют экогенный вред с экологическим вредом или включают экогенный вред в состав экологического [13, с. 52-67; 14, с. 321-326; 15, с. 77-85; 16, с. 54-60], другие разделяют эти понятия. Интерес представляет позиция М.М. Бринчука, который первоначально рассматривал названные два термины как синонимы. В частности, он писал, что «вред, причиняемый нарушением правовых экологических требований, называется в доктрине права окружающей среды экологическим или экогенным вредом». При этом под экологическим вредом он понимал «любое ухудшение состояния окружающей среды, произошедшее вследствие нарушения правовых экологических требований, и связанное с ним любое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, включая жизнь и здоровье человека, имущество физических или юридических лиц» [17, с. 494-495]. Позднее М.М. Бринчук скорректировал свою точку зрения и уже не включал «экогенный вред» в состав экологического [18, с. 41-43].

Как отмечалось выше, в доктрине экологического права существуют различные подходы к определению понятия (состава) экогенного вреда. Так, отдельные авторы, например, не включают в него вред, причиненный имуществу. Мы в настоящей работе его тоже не рассматриваем, но не потому, что не относим его к экогенному, а потому, что это выходит за рамки темы статьи, поскольку в ней идет речь о безопасности сельскохозяйственной продукции и вреде, причиненном здоровью человека опасной продукцией.

Соответственно, если мы говорим о продукции растительного происхождения, произведенной на загрязненных сельскохозяйственных угодьях, в которой обнаруживается превышение нормативов по пестицидам и агрохимикатам, то вред, причиненный здоровью человека, может быть охарактеризован как экогенный вред, поскольку он причинен «негативным воздействием окружающей среды». Однако возникает вопрос, можно ли отнести к экогенному вред, причиненный (или который может быть причинен) здоровью человека некачественной и небезопасной продукцией

животного происхождения, если в ней обнаруживаются остаточные количества антибиотиков или других вредных веществ, т.е. в случаях возникновения такого вреда в результате нарушения ветеринарного, санитарно-эпидемиологического, фитосанитарного, но не в чистом виде экологического законодательства, т.е. тогда, когда вред причиняется не негативным воздействием окружающей среды?

По нашему мнению, на этот вопрос можно дать положительный ответ. При этом можно привести следующие аргументы.

Во-первых, ст. 42 Конституции РФ в право на благоприятную окружающую среду включает право на возмещение ущерба, причиненного здоровью граждан или имуществу экологическим правонарушением. Соответственно, точнее в конституционно-правовом аспекте было бы говорить об экогенном вреде, как вреде, причиненном здоровью человека или имуществу граждан и юридических лиц именно экологическим правонарушением. При этом последнее понятие можно трактовать очень широко. В частности, к экологическим можно относить не только административные правонарушения, включенные в главу 8 КоАП РФ («Административные правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными»), но и правонарушения, предусмотренные, например, главой 10 КоАП РФ (правонарушения в сфере сельского хозяйства, ветеринарии и мелиорации земель). Многие из них очень часто имеют «экологическую» составляющую и могут повлечь причинение вреда и окружающей среде, и здоровью человека.

В частности, это может иметь место при нарушении правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил (ст. 10.6), нарушении ветеринарно-санитарных правил перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства, в том числе правил сбора, утилизации и уничтожения биологических отходов (ст. 10.8). А в появившейся в КоАП РФ в 2024 г. статье 10.8.1 («Несоблюдение требований к обращению побочных продуктов животноводства») часть 3 в качестве квалифицирующего признака данного деяния специально предусматривает «причинение вреда здоровью людей или окружающей среде». И это положение корреспондирует п. 5 ст. 51.1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (введена в 2022 г.), согласно которой «при обращении с побочными продуктами производства (складировании (хранении), транспортировке, обработке (переработке), в том числе обезвреживании, использовании) не допускается загрязнение окружающей среды и ее компонентов, в том числе почв, водных объектов и лесов». То есть в данном случае ветеринарные и экологические требования особенно тесно связаны.

Если же обратиться к Уголовному кодексу РФ, то в нем ст. 249 («Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений») непосредственно размещена в главе 26 «Экологические преступления». Ответственность за нарушение ветеринарных правил наступает в случаях, когда они повлекли по неосторожности распространение эпизоотий или иные тяжкие последствия. Вред здоровью в данной статье не упоминается, однако сферой ее применения является «деятельность по охране жизни и здоровья населения, сельскохозяйственного производства, в первую очередь животноводства...», а тяжкими последствиями «могут быть массовая гибель домашних животных, не подпадающая под признаки эпизоотии, распространение заболевания среди диких животных данного региона и их гибель, передача заболеваний, общих для животных и людей, хотя бы одному человеку» [\[19\]](#). Аналогичную позицию занимает А.И. Чучаев [\[20\]](#) и многие другие авторы [\[21\]](#).

Во-вторых, сфера животноводства имеет дело с живыми организмами. Формально-юридически сельскохозяйственные животные не относятся к животному миру (не подпадают под сферу действия Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»), а являются с точки зрения гражданского законодательства «имуществом». Однако от этого они не перестают быть частью природы, своеобразным «природным ресурсом», компонентом природной среды, подобно тому, как земля, признанная недвижимым имуществом, остается при этом природным объектом и природным ресурсом. Так почему причинение вреда здоровью в результате загрязнения земель – это экогенный вред, а тот же вред, возникший в результате использования сельскохозяйственного сырья животного происхождения (к примеру, мяса зараженных животных) – нет? Ведь и в том, и в другом случае причиняется (или может быть причинен) вред здоровью человека. А человек, как подчеркивает М.М. Бринчук, – «органическая часть природы, являющейся публичным благом. С учетом места и роли человека в обеспечении общественного, социально-экономического развития обществу и государству небезразлично состояние здоровья их членов. Соответственно здоровье – не только личный, частный вопрос» [\[18, с.43\]](#).

В-третьих, учеными еще 20 лет назад был сделан вывод, что «в целях увеличения объема производства и реализации качественной сельскохозяйственной продукции крайне необходимо экологизировать весь процесс выращивания растениеводческой и животноводческой продукции» [\[2, с. 182\]](#). Он сохраняет свою актуальность и сегодня. И, как правильно указывает Н.П. Воронина, «правовое регулирование экологизации сельского хозяйства носит полисистемный характер, в силу того что охватывается нормами как аграрного (продовольственного) права, так и права об охране окружающей среды. Поэтому модель правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений представляет собой систему политico-правовых (стратегических) и нормативных правовых актов, предусматривающих обеспечение продовольственной безопасности и достижение показателей продовольственной независимости, исходя не только из объема продовольствия, но и его безопасности как для здоровья человека, так и для окружающей среды» [\[22, с. 31\]](#).

3. Выводы

С учетом сказанного, т.е. тесной взаимосвязи норм экологического права с «экологизированными» нормами иных отраслей законодательства представляется целесообразным уточнить понятие экогенного вреда и относить к нему вред здоровью, причиненный нарушениями экологического, ветеринарного, фитосанитарного, санитарно-эпидемиологического и иного смежного с экологическим законодательства. При этом, как отмечалось, в определении такого вреда следует указывать на причинение вреда не «негативным воздействием окружающей среды», а именно экологическими и перечисленными выше смежными «экологизированными» правонарушениями. Такой подход в большей степени соответствовал бы норме статьи 42 Конституции РФ.

Библиография

1. Панова А.С. Качество товаров, работ, услуг как правовая категория // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 85. EDN: NDLWTL.
2. Правовое обеспечение развития сельского хозяйства в России / Отв. ред. С.А. Боголюбов. М.: Юристъ, 2005. С. 182. С. 186.
3. Максимов Е.Л. Рациональное использование и охрана земель сельскохозяйственного назначения: эколого-правовые проблемы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3. С. 74; DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.072-080 EDN: SPJIMD.

4. Осипова Н.В. Нормативно-правовое обеспечение контроля за использованием сельскохозяйственных угодий // Аграрное и земельное право. 2023. № 11. С. 85; DOI: 10.47643/1815-1329_2023_11_85 EDN: GCOANR.
5. Бринчук М.М., Селиванова К.А. Экологизация аграрного законодательства как актуальная задача // Аграрное и земельное право. 2020. № 5. С. 13, 14. EDN: LUXXLP.
6. Ельникова Е.В. Правовое обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции // Современный юрист. 2022. № 3. С. 60-70. EDN: AROXNE.
7. Васильева М.И. Право граждан СССР на здоровую окружающую среду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 5-23; EDN: ZJOOBOV.
8. Мисник Г.А. Экологическое страхование: понятие, функции, основные элементы // Экологическое право. 2006. № 6. С. 15-22; EDN: KWGGPF.
9. Никишин В.В. Теоретические проблемы возмещения экологического вреда: идеи В.В. Петрова и современность // Экологическое право. 2009. № 2/3, Специальный выпуск.
10. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (постатейный) / Под ред. О.Л. Дубовик // СПС "КонсультантПлюс". 2015.
11. Гаевская Е.Ю. Институт возмещения вреда как обеспечительный экономико-правовой механизм реализации требований экологической безопасности // Хозяйство и право. 2023. № 1. С. 96-105; DOI: 10.18572/0134-2398-2023-1-96-105 EDN: RTFVZP.
12. Краснова С.А. Возмещение экологического вреда: взгляд сквозь призму деликтного права // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 97-109; DOI: 10.18572/0134-2398-2023-5-97-109 EDN: XXULMG.
13. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex russica. 2018. № 3. С. 52-67; DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.052-067 EDN: WAVSLR.
14. Кравцова Е.А. Проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 321-326.
15. Рыженков А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3. С. 77-85; DOI: 10.17803/2311-5998.2020.67.3.077-085 EDN: GIONUA.
16. Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Проблемы правового регулирования возмещения вреда при добыче полезных ископаемых в Арктической зоне России // Право и экономика. 2023. № 12. С. 54-60 и др. EDN: OSJIME.
17. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды). Учебник для высших юридических учебных заведений. М.: Юристъ, 1998. С. 494-495. EDN: XSDUWD.
18. Бринчук М.М. Экологоправовая ответственность - самостоятельный вид ответственности // Lex Russica. 2016. № 6. С. 41-43; DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.026-047 EDN: WYMHUJ.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 3-е изд., дополненное и измененное. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2000 // СПС "КонсультантПлюс".
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2013 // СПС "КонсультантПлюс".
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 9-е издание, переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2021 // СПС "КонсультантПлюс".
22. Воронина Н.П. Экологоправовые требования к сельскохозяйственной продукции в контексте обеспечения продовольственной безопасности (на примере стран Европы и Азии) // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2021. № 5 (15). С. 31.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема расширения понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обосновывается. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Однако возникает вопрос, можно ли отнести к экогенному вреду, причиненный (или который может быть причинен) здоровью человека некачественной и небезопасной продукцией животного происхождения, если в ней обнаруживаются остаточные количества антибиотиков или других вредных веществ, т.е. в случаях возникновения такого вреда в результате нарушения ветеринарного, санитарно-эпидемиологического, фитосанитарного, но не в чистом виде экологического законодательства, т.е. тогда, когда вред причиняется не негативным воздействием окружающей среды? По нашему мнению, на этот вопрос можно дать положительный ответ. При этом можно привести следующие аргументы. Во-первых, ст. 42 Конституции РФ в право на благоприятную окружающую среду включает право на возмещение ущерба, причиненного здоровью граждан или имуществу экологическим правонарушением. Соответственно, точнее в конституционно-правовом аспекте было бы говорить об экогенном вреде, как вреде, причиненном здоровью человека или имуществу граждан и юридических лиц именно экологическим правонарушением. При этом последнее понятие можно трактовать очень широко. В частности, к таковым можно относить не только административные правонарушения, включенные в главу 8 КоАП РФ («Административные правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными»), но и правонарушения, предусмотренные, например, главой 10 КоАП РФ (правонарушения в сфере сельского хозяйства, ветеринарии и мелиорации земель). Многие из них очень часто имеют «экологическую» составляющую и могут повлечь причинение вреда и окружающей среде, и здоровью человека"; "Во-вторых, сфера животноводства имеет дело с живыми организмами. Формально-юридически сельскохозяйственные животные не относятся к животному миру (не подпадают под сферу действия Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»), а являются с точки зрения гражданского законодательства «имуществом». Однако от этого они не перестают быть частью природы, своеобразным «природным ресурсом», компонентом природной среды, подобно тому, как земля, признанная недвижимым имуществом, остается при этом природным объектом и природным ресурсом. Так почему причинение вреда здоровью в результате загрязнения земель – это экогенный вред, а тот же вред, возникший в результате использования сельскохозяйственного сырья животного происхождения (к примеру, мяса зараженных животных) – нет?"; "С учетом сказанного, т.е. тесной взаимосвязи норм экологического права с «экологизированными» нормами иных отраслей законодательства представляется целесообразным уточнить понятие экогенного вреда и относить к нему вред здоровью, причиненный нарушениями экологического,

ветеринарного, фитосанитарного, санитарно-эпидемиологического и иного смежного с экологическим законодательства. При этом, как отмечалось, указание в определении на причинение вреда не «негативным воздействием окружающей среды», а именно экологическими и перечисленными выше смежными «экологизированными» правонарушениями в большей степени соответствовало бы норме ст. 42 Конституции РФ" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что вводная часть статьи отсутствует. В основной части работы автор исследует дискуссионное понятие экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности, выявляет соответствующие проблемы его трактовки и предлагает свое видение вопроса. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Мы в настоящей работе его тоже не рассматриваем, но не потому, что не относим его к экогенному, а потому, что это выходит в рамки темы настоящей статьи, поскольку в ней идет речь о безопасности сельскохозяйственной продукции и вреде, причиненном здоровью человека опасной продукцией" - "выходит", "за рамки" (опечатки).

Ученый отмечает: "Соответственно, если мы говорим о продукции растительного происхождения, произведенной на загрязненных сельскохозяйственных угодьях, в которой обнаруживается превышение нормативов по пестицидам и агрохимикам, то вред, причиненный здоровью человека, может быть охарактеризован как экогенный вред, поскольку о причинен «негативным воздействием окружающей среды» - "он" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 22 источниками (монографией, диссертационной работой, научными статьями, комментариями, учебником). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Н. Г. Жаворонкова, М. М. Бринчук и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("С учетом сказанного, т.е. тесной взаимосвязи норм экологического права с «экологизированными» нормами иных отраслей законодательства представляется целесообразным уточнить понятие экогенного вреда и относить к нему вред здоровью, причиненный нарушениями экологического, ветеринарного, фитосанитарного, санитарно-эпидемиологического и иного смежного с экологическим законодательства. При этом, как отмечалось, указание в определении на причинение вреда не «негативным воздействием окружающей среды», а именно экологическими и перечисленными выше смежными «экологизированными» правонарушениями в большей степени соответствовало бы норме ст. 42 Конституции РФ"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере экологического права, гражданского права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования,

обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«О расширении понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих в связи с причинением экогенного вреда посредством использования сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, правовая регламентация экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать сравнительно-правовой метод, который позволил сопоставить понятия экологического и экогенного вреда; формально-юридический метод, использованный для анализа структуры соответствующих правовых норм и их системного толкования; метод моделирования, способствовавший выработке предложений о понятии экогенного вреда. Вместе с тем характеристика использованной методологии имеет некоторые недостатки, на которые будет указано ниже.

Актуальность разработки заявленной темы представляется достаточно высокой: тема связана с обеспечением национальной безопасности, частью которой, безусловно, является продовольственная безопасность. Актуальность избранной темы, как верно отмечено автором, «состоит в попытке соединить оба этих направления научных исследований и обосновать возможность отнесения вреда, причиненного здоровью человека в результате потребления им сельхозпродукции животного происхождения, не отвечающей требованиям безопасности, к экогенному вреду».

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором с учетом избранной методологии предлагается расширение понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности. Интересными представляются соответствующие финальные формулировки исследуемого явления: «представляется целесообразным уточнить понятие экогенного вреда и относить к нему вред здоровью, причиненный нарушениями экологического, ветеринарного, фитосанитарного, санитарно-эпидемиологического и иного смежного с экологическим законодательства».

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично. Библиография по содержанию и оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Автор, характеризуя методологию исследования, объединяет в одну совокупность достаточно далеко отстоящие друг от друга общенаучные и специально-научные методы юридической науки: «Методологической основой исследования являются общенаучные и специальные юридические методы познания (анализа, обобщения, формально-юридического, сравнительного-правового и др.)...». Кроме того, он ошибочно относит к

этой совокупности методов сравнительно-правовой метод, который входит в группу частнонаучных методов юридической науки, о которых в статье вовсе не сказано.

Не вполне понятна практическая значимость расширения понятия экогенного вреда здоровью, причиняемого использованием сельхозпродукции, не отвечающей требованиям безопасности, предложенного автором, для развития нормативной правовой базы и юридической практики. Этот момент рекомендуется артикулировать во вступительной или заключительной части статьи.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в исследованиях в области экологического и земельного права. Полагаю, что статья после соответствующей доработки может быть рекомендована к публикации

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Белоусов А.А. Регулирование генеративного искусственного интеллекта в иностранных юрисдикциях и России: сравнительно-правовой анализ // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.75067 EDN: EZQMKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75067

**Регулирование генеративного искусственного интеллекта
в иностранных юрисдикциях и России: сравнительно-
правовой анализ****Белоусов Александр Александрович**

доктор исторических наук, кандидат экономических наук

профессор; Юридический институт; Российский университет дружбы народов им. Патрика Лумумбы

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 6

 belousovaa2026@mail.ru[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.7.75067

EDN:

EZQMKK

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Дата публикации:

11-07-2025

Аннотация: В рамках представленной статьи исследуется опыт России, СНГ, КНР и ЕС в области регулирования применения генеративного ИИ. Данное исследование охватывает практический блок вопросов в части обязательных требований для поставщиков услуг генеративного ИИ, основные формы ответственности за нарушение национального и наднационального законодательства. Кроме того, исследуется разница в части определения генеративного ИИ и основной блок доктринальных исследований в представленных юрисдикциях. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по последующему совершенствованию отечественного регулирования применения генеративных моделей ИИ. Предметом исследования выступают общественные отношения с применением генеративных моделей ИИ в частно правовом и

публичном поле. Объект исследования – нормативные документы, рекомендации и иные документы, регламентирующие применение генеративных моделей ИИ в странах ЕС, КНР, РФ и модельный закон СНГ, академические публикации по исследуемой проблематике, а также отдельные примеры судебной практики. Методология исследования включает комплекс философских, общенациональных, специально-научных методов познания, включая, диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический) и др. В рамках представленного исследования, как указано в названии статьи, особый акцент делается на проведении сравнительно-правового исследования регулирования применения генеративных моделей ИИ. В рамках представленного исследования глубоко (по статейно) проанализирована нормативно правовая база исследуемых стран и наднациональных объединений в контексте регулирования генеративного ИИ. Определены отличительные черты регулирования как на уровне дефиниций, так и на уровне требований к поставщикам услуг генеративного ИИ. В выявленных отличиях в регулировании применения генеративного ИИ, сформулированы потенциальные предложения по имплементации ряда зарубежных регулятивных подходов для России, с учетом специфики становления отечественного регулирования генеративных моделей ИИ. Представленные в результате проведенного исследования предложения могут найти свое отражение в законодательной и правоприменительной практике соответствующих органов власти осуществляющих контроль и надзор за деятельность поставщиков услуг генеративного искусственного интеллекта в России, а также будут интересны для юристов практиков занимающихся сопровождением проектов использующих генеративный ИИ.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, генеративный ИИ, безопасный ИИ, регулирование ИИ, информационное право, сравнительное исследование ИИ, административное право, ChatGPT, ИИ закон ЕС, КНР и ИИ

Глубина проникновения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на повседневном уровне растет с каждым годом. Особое место в пользовательском поле использования технологий ИИ занимают общеизвестные генеративные модели текста (chatgpt, deepseek), изображения (например, DALL·E 2), видео (например, Synthesia) или искусство (например, Stable Diffusion) и т.д.

Вместе с тем нельзя не отметить, что вопрос регулирования данных технологий на уровне пользовательского контента в частноправовом смысле регулируется пользовательским или лицензионным соглашением, а в публично-правовом контексте сильно варьируется от законодательства страны, где данная технология используется.

В рамках доктринального блока исследований необходимо отметить монографию А.Р. Атабекова и О.А. Ястребова, где детально исследовано действующая регуляторная политика в отношении технологии ИИ в разрезе различных правовых систем^[1]. Вместе с тем, данное исследование не в полной мере охватывает действующие формируемые регуляторные инициативы в отношении технологии генеративного ИИ. В этой связи автором данной статьи предлагается провести сравнительно-правовой анализ регулирования систем генеративного ИИ в странах-членах ЕС, Китая и России. Отдельно будут рассмотрены перспективы модельного закона СНГ для технологии ИИ.

Для проведения представленного научного исследования предлагается использовать диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический) методы.

В рамках системного и структурно функционального метода предлагается проанализировать позицию государства и права в контексте регулирования общественных отношений, связанных с применением технологии ИИ, определения границ юридической ответственности для поставщиков и пользователей услуг генеративного ИИ.

Герменевтический метод в рамках представленной статьи используется для анализа и толкования правоприменительной и судебной практики в отношении противоправного применения генеративного ИИ со стороны поставщиков услуг.

Сравнительно-правовой метод направлен на определение отличительных подходов к регулированию генеративного ИИ как на уровне понятийно-категориальный аппарат, так и на уровне требований к поставщикам и пользователям услуг генеративного ИИ в зарубежных юрисдикциях (ЕС, КНР, СНГ) и России.

Рассматривая опыт ЕС, необходимо отметить следующие интересные аспекты в регулировании. Центральным документом в контексте регулирования ИИ на наднациональном уровне выступает EU AI Act^[2] (далее - Закон об ИИ ЕС). Одним из центральных акцентов данного документа является риск ориентированная модель регулирования для различных систем ИИ (ИИ с неприемлемым риском (гл.2), высоким риском (гл. 3) и модели общего назначения (гл.5). Согласно преамбуле данного закона (п. 104) генеративный ИИ (далее - Gen AI) определяется как модели ИИ общего назначения, способные генерировать текст, изображения и иной контент. В преамбуле отмечается, что для данных моделей требуется доступ к большому объему баз данных с текстом, изображениями, видео и т.д. При этом, согласно директиве ЕС 2019/790, в случае если автор того или иного произведения может исключить свое произведение из общедоступной базы данных, на которых обучается GenAI. Поставщик решений в этом случае обязан получить разрешение от правообладателей. (исключение для генеративных моделей ИИ, используемых в научных целях).

Раздел 2 и 3 Главы 5 Закона об ИИ ЕС разделяет регулирование генеративных моделей в двух направлениях:

- Ст. 53- 54, Приложение 11,12 Закона об ИИ ЕС фиксирует следующие требования для поставщиков решений Gen AI: вести техническую документацию, где описаны процессы обучения, тестирования, оценки валидности. Кроме того, в документации раскрывается, какие задачи решает ИИ, какие субсистемы использует ИИ, локальные нормативные акты поставщика, которые обеспечивают использование ИИ в пределах заявленных областей, форматы исходных и пускаемых ИИ данных. Отдельно необходимо отметить, также что помимо раскрытия порядка работы самих данных, поставщик раскрывает блоки данных, где происходит смещение рекомендаций ИИ от целевого результата, а также предполагаемое потребление энергии моделью ИИ. При этом, если техническое решение представлено поставщиком из третьих стран, компания предоставляющее свое решение в области Gen AI должна назначить уполномоченного представителя, зарегистрированного в ЕС. Данный уполномоченный ведет и хранит вышеуказанную техническую документацию (в течении 10 лет), предоставляет органам ЕС и иным органам власти по запросу необходимую информацию и документацию в отношении функционирующего ИИ размещенному на рынке ЕС. Данные требования не

распространяются на поставщиков решений, которые распространяют продукт по свободной и открытой лицензии (за исключением моделей с системным риском).

2. Ст. 51, 55, Приложение 11, 12 Закона об ИИ ЕС фиксирует следующие требования для поставщиков решений Gen AI с системным риском. Следует отметить, что к данным моделям относят технические решения, которые обладают высокими возможностями воздействия, оцененными на основе соответствующих технических инструментов, индикаторов и контрольных показателей (совокупный объем вычислений, используемых обучения превышает 10^(^25)). В ряде случаев, по запросу профильных органов ЕС может быть вынесено решение об отнесении предлагаемого продукта к решениям ИИ с системным риском, на основе запрошенных данных, включающих в себя количество параметров моделей ИИ, количество и качество используемых баз данных, объем вычислений, контрольные показатели и оценки возможностей ИИ.

Особый акцент в рамках запроса профильных органов также будет делаться на влиянии продукта на внутренний рынок ЕС (когда им пользуется более 10 000 корпоративных пользователей) и количество зарегистрированных конечных пользователей.

Помимо вышеуказанных требований, установленных ст. 53-54, для указанных поставщиков моделей GenAI с системным риском предписано проведение технических аудитов, документирование процедуры тестирования ИИ, обязанность уведомления профильных органов о серьезных инцидентах и возможных корректирующих мерах по их устранению, а также обеспечение надлежащего уровня кибербезопасности и защиты физической инфраструктуры модели.

Общая санкция (штраф) для поставщиков моделей искусственного интеллекта общего назначения установлена ст. 101 Закона об ИИ ЕС составляет до 3 % от их годового мирового оборота за предыдущий финансовый год или 15 000 000 евро, в зависимости от того, что больше. Комиссия ЕС вправе налагать указанный штраф только в случае, если поставщик намеренно или по халатности не соблюдает закрепленные законом требования, не предоставил доступ к модели ИИ или документацию по запросу профильного органа.

В контексте правоприменения необходимо отметить, что практические кейсы рождаются на уровне стран членов ЕС. Так, в 2023 и 2024 годах в Италии (Итальянский орган по защите данных - DPA) был выдан временный запрет для технологии ChatGPT и для ее разработчика Open AI в части нарушения закона о защите персональных данных.[\[3\]](#)

DPA оштрафовала Open AI на €15 000 000 за непрозрачную обработку персональных данных. В рамках контрольно-надзорных процедур было установлено, что в марте 2023 года техническая ошибка в сервисе ChatGPT привела к тому, что пользователи в течение ограниченного периода времени могли просматривать историю чатов других пользователей вместо своей собственной, включая адреса электронных почт, срок действия кредитных карт и т.д.

Следует отметить, что анализ законодательства ЕС находится в контуре активного внимания правительства США и Китая, поскольку действующие меры ЕС распространяются для технических решений с иностранной юрисдикцией.

Основополагающий контур исследований относительно применения закона об ИИ ЕС направлен на вопросы регулирования авторского права, обеспечения защиты персональных данных и гармонизации правовой системы ЕС.

Одним из значимых вопросов внутри систем актов ЕС, является вопрос авторского права, регулирующегося Директивой об авторском праве на едином цифровом рынке и имплементация его положений с учетом закона об ИИ ЕС.

Жуан П. К. отмечает, что действующие регуляторные меры требуют лицензирования и фиксации сборов при формировании, охраняемых законом РИД с использованием технологией ИИ^[4].

Гейгер К. и Иайя В., в своем исследовании отмечают, что вопрос практического применения директивы ЕС 2019/790 (в особенности ст. 4.3.) позволяет управлению ИИ имеет право давать рекомендации и контролировать соблюдение регламента для поставщиков моделей ИИ. Вместе с тем, национальные институты на уровне стран членов ЕС (в особенности в части авторского права), пока не готовы в полной мере синхронизировать свои усилия, с учетом постоянной актуализации Закона о цифровых рынках, Закона об управлении данными и Европейского закона о свободе СМИ^[5].

Дусольер С. и др. отмечают, что в текущей итерации детализации сферы действия исключения для интеллектуального анализа текста и данных, конкретизация положений 53(1)(c,d) Закона об ИИ с точки зрения правоприменения, фиксации привилегий для исследований и для моделей с открытым исходным кодом^[6].

Понсе А. отмечает, что действующая норма Закона ЕС об ИИ содержит необходимость раскрытия энерго потребления моделей генеративного ИИ, что впоследствии может быть оформлено в юридическое обязательство поставщиков информировать пользователей о влиянии индивидуальных запросов на окружающую среду^[7].

Говоря о регулировании правоотношений связанных с генеративным ИИ в КНР необходимо отметить, что Управление киберпространства Китая совместно с другими профильными органами власти опубликовали Временные меры по управлению услугами генеративного ИИ. Данный документ является первым публично-правовым регламентом, функционирующим на территории КНР, вступившим в силу 15 августа 2023 года.^[8]

В дополнении к вышеуказанному документу в сентябре 2025 года вступают в силу новые «Правила маркировки», которые сделают обязательным неявное маркирование контента, созданного ИИ, и явное маркирование, где это применимо.^[9] В ноябре того же года дополнительно вступают в силу три национальных стандарта в области генеративного ИИ включающих требования безопасности для процессов маркировки данных, используемых при обучении моделей ИИ^[10], спецификацию для данных используемых для предварительной подготовки и настройки генеративного ИИ^[11] и стандарты оценки безопасности пользовательских данных^[12].

Следует отметить, что основные дефиниции представлены в ст. 22 Временных мер по управлению услугами генеративного ИИ:

1 . Под генеративным ИИ понимаются модели и связанные технологиями, которые генерируют текст, изображение, аудио-видео материалы и иной контент.

2 . Поставщиками услуг генеративного ИИ могут выступать как физические, так и юридические лица, которые предоставляют услуги по использованию вышеуказанных моделей.

3. Пользователями также выступают физические и юридические лица, которые используя

генеративный ИИ создают контент.

Для поставщика решений установлены следующие основные требования:

- При обработке данных модели должны соблюдать действующее законодательство (в т.ч. о персональных данных, интеллектуальной собственности (Статьи 4 и 7.)
 - Обеспечить модерацию содержания выдаваемого контента со стороны ИИ и не допускать разглашение личной информации (статья 9)
 - Разъяснить применяемые способы использования ИИ, направлять пользователей к научному и рациональному пониманию и использованию генеративных моделей ИИ, а также предотвратить риск зависимости детей от данного типа технологий (статья 10).
 - Помогать пользователям законно и ответственно использовать предлагаемую технологию, защищать пользовательскую информацию и обрабатывать запросы пользователей на доступ, копирование, исправление, дополнение и удаление их личной информации (статья 11)
 - Оперативно решать проблему незаконного контента и создать механизм подачи жалоб и отчетности для получения отзывов пользователей (статья 13-15)
- о Здесь детализируется обязанность незамедлительно удалять любой незаконный контент, применять меры по обучению оптимизации моделей и сообщать о случаях в соответствующие органы.
- о Кроме того, создать механизм жалоб и отчетности, в рамках которого они будут принимать и обрабатывать жалобы и сообщения от общественности, а также предоставлять обратную связь о результатах рассмотрения.
- Сотрудничать с соответствующими органами власти во время надзорных проверок, предоставляя необходимую техническую, информационную и иную поддержку и помочь (статья 19).

Основным регулятором выступает Управление киберпространства Китая (ст. 16), которое имеет право проводить оценку безопасности технологии, осуществлять выездные проверки и привлекать к административной ответственности (штрафы). Следует отметить, что ст. 21 указанных мер содержит отыскочный характер в части санкций для поставщиков решений на Закон о защите личной информации, Уголовный кодекс Китая (ст. 253 и 291) и т.д.

В контексте Закона о защите личной информации, ст. 66 установлена административная ответственность за нарушение порядка обработки персональных данных в виде штрафов (до 50 миллионов юаней), изъятия доходов юридического лица (до 5 процентов годового дохода) и прекращение деятельности юридического лица.

В контексте генеративных моделей ИИ нельзя не отметить трансграничную интерпретацию технических решений с технологиями deepfake. В этом ключе интересным представляется судебное дело в отношении генеративного ИИ, который использовал голос дублера для обучения генеративного ИИ. Суд постановил, что использование ответчиком голоса дублера для обучения генератора голоса ИИ нарушило права личности дублера из-за сходства выходного сигнала генератора голоса с голосом дублера, и установил компенсацию в размере 250 000 юаней [\[13\]](#).

Следует отметить, что китайские ученые активно исследуют опыт регулирования

генеративного ИИ в сравнительно-правовом аспекте. В научном сообществе для этого прорабатывается комплексный закон о регулировании ИИ по аналогии с опытом ЕС^[14]. Так, в статье Донг Х., Чен Д. в своем исследовании отмечают, что КНР идет своим путем регулирования генеративного ИИ, но при этом фрагментарное регулирование должно перейти к комплексному «метарегулированию» охватывающему не только поставщиков решений, но и регулирование для пользователей, заинтересованных сторон, регуляторов и т.д. Авторы предлагают также действующий регуляторный механизм дополнить инструментами саморегулирования, исходя из уровня автономности ИИ и выработки механизмов предиктивного уведомления регуляторов при распространении соответствующего контента.^[15]

Йе С. əи др. отмечают, что применение генеративных моделей ИИ в КНР требует перенятия передового опыта регулирования при защите персональных данных. Авторы отмечают, что текущая система защиты персональных данных в КНР ориентирована на индивидуальный контроль. Данная система не подходит для режимов обработки данных генеративным ИИ, необходимы срочные институциональные инновации для достижения цели «надежного ИИ», поскольку действующие меры частного права в КНР не работают^[16].

Ряд ученых, активно исследуя опыт регламентации ИИ в странах членах ЕС и действующие нормативно-правовые акты Китая, отмечают отсутствие различий и четкого правового статуса между различными игроками в цепочке создания стоимости генеративного ИИ может привести к двусмысленности в подотчетности, потенциально подрывая управление^[17]; изучение опыта зарубежных стран в части защиты персональных данных, субъектного состава и регуляторных мер иностранных юрисдикций, позволит минимизировать издержки КНР при развитии комплексного регулирования ИИ^{[18][19]}.

Рассматривая регуляторные инициативы в области применения технологии ИИ в России необходимо отметить, что на текущий момент централизованного федерального закона как для ИИ, так и для генеративного ИИ нет.

Базовым документом выступает обновленная стратегия, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» в которой есть ряд интересующих блоков вопросов касаемо генеративного ИИ.

В первую очередь, представлено более детализированное определение генеративных моделей (по сравнению с ЕС и Китаем), где указывается, что ИИ способен интерпретировать (предоставлять информацию, исходя из содержания запроса, не ограничиваясь только текстом) и создавать мультимодальные данные на уровне, эквивалентном человеческой интеллектуальной деятельности или превосходящей его (пп. н п. 5).

В п. 17 4 отмечается, что данные модели опасны для государства, поскольку способны нарушать авторские права, генерировать deepfake и распространять запрещенный к обороту гигантский объем информации.

В рамках нормативно-правового контура отмечается, что Правительству до 2030 года необходимо устранить необоснованные нормативно-правовые ограничения для разработки, внедрения и использования отечественных генеративных моделей и создать

единые правила работы с ними для разработчиков и пользователей (пп. в, м п.51 11).

В контексте федеральных законов, регулирующих особый порядок применения ИИ, необходимо отметить Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ и Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Данные документы содержат порядок регулирования отношений в рамках специального экспериментального правового режима для субъектов Российской Федерации и г. Москвы. Вместе с тем, при анализе данных документов, а также Постановлений Правительства Российской Федерации^[20], было установлено отсутствие специальных нормы в отношении генеративного ИИ (как отдельного или включенного в общую архитектуру решений элемента).

Кроме того, в рамках этического регулирования использования технологии ИИ, Комиссия по реализации Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, в дополнении к базовому кодексу этики, издала Декларацию об ответственном генеративном ИИ^[21]. Данный документ носит рекомендательный характер для пользователей и разработчиков генеративного ИИ. Для разработчиков рекомендуется разработать системы мониторинга, привлекать команду экспертов для проверки генерируемого ИИ контента, системы оповещения пользователей о факте использования генеративного ИИ (включая системы маркировки). Отдельно разработчикам рекомендуется разработать и разместить в сети «Интернет» пользовательское соглашение, форму обратной связи, инструменты для проверки скрытой маркировки информации. В самом пользовательском соглашении требуется прописать правила для всех категорий пользователей (включая несовершеннолетних). Для пользователей рекомендуется использовать генеративный ИИ в рамках действующего законодательства и общепринятых норм нравственности, информировать разработчика о некорректной работе ИИ разработчика, при использовании ИИ помнить о персональной ответственности (в контексте авторского и иного права). Данный декларативный свод требований, в случае его нарушения, прямо не влечет к гражданской, административной или уголовной ответственности, однако при выявлении соответствующей недобросовестной практики со стороны правонарушителей могут быть использованы положения главы 13 КоАП РФ и главы 28 УК РФ.

Следует также отметить, что на 58-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ был принять закон «О технологиях искусственного интеллекта» (разработан ОИПИ НАН Беларусь) который в последствии будет внедрен в национальном законодательстве стран СНГ^[22]. Данный документ в открытом доступе представлен в усеченной форме и не содержит раскрытия положений статей^[23], в особенности в контексте регулирования генеративного ИИ, однако положения глав 5, 7 и 8 могут существенным образом дополнить действующее законодательство Российской Федерации.

В контексте доктринального блока исследований имплементации генеративного ИИ в сферу общественных правоотношений необходимо отметить позицию ученых, отмечающих правовой вакуум в отношении маркировки данных^[24] и неоднородности действующего регулирования применения ИИ в финансовой сфере, которое потенциально ведет к дискриминации^[25] и необходимости использования опыта ЕС^[26] и КНР^[27], в т.ч. в контексте рассмотрения судебных споров при применении технологии

генеративного ИИ и deepfake^[28].

На основании проведенного сравнительного анализа регулирования технологий генеративного ИИ в различных юрисдикциях можно сделать следующие выводы:

1. Глубина регулирования технологий генеративного ИИ в странах и наднациональных объединениях представлена неравномерно.

В странах ЕС регулирование представлено общим законом, который охватывает и детализирует правила регулирования как самого ИИ, так и генеративного ИИ. Данный подход имеет свои недостатки, в основном упирающиеся на специфику национального регулирования и гармонизации наднационального и национального законодательства.

КНР в рамках выработки единых регуляторных правил, поэтапно охватывает ключевые субсистемы ИИ (генеративные модели, deepfake, deep learning), от которых выстраивает поэтапное комплексное регулирование ИИ в общем. Данный подход обусловлен, так же тем, что правоведы КНР активно изучая опыт ЕС, пришли к выводу об эффективности подхода от частного к общему в контексте технологии ИИ. При этом, как отмечают китайские ученые регулирование генеративных моделей в КНР, также может быть улучшено с учетом детализации трансграничных точек, для определения ответственности участников правоотношений.

2. Для целей регулирования ИИ в России, по нашему мнению, возможно перенять опыт ЕС и КНР в части:

- введения обязательных требований для разработчиков генеративного ИИ из иностранных государств в части предоставления технической документации, создания представительства в форме юридического лица, контроль и мониторинг количества юридических лиц-пользователей иностранных генеративных моделей;
- фиксации для разработчика из иностранной юрисдикции обязанности автоматического удаления противоправного контента по предписанию органов власти (без судебного рассмотрения дела);
- фиксации для всех поставщик услуг генеративного ИИ наличия обязательной формы по обработке жалоб со стороны пользователей и предоставления им обратной связи в установленные законом сроки.
- дополнения 4.2. и 4.3. КоАП РФ (и УК РФ в соответствующей части определения вины/ответственности) в части обстоятельств, отягчающих или смягчающих административную ответственность для поставщиков услуг генеративного ИИ. В рамках внедрения обозначенной выше формы, орган, уполномоченный осуществлять производство по делу об административном правонарушении, при анализе действий со стороны поставщика услуг генеративного ИИ учитывает, количество, скорость и качество (препринятые меры по устранению жалобы) обработанных им жалоб со стороны пользователей, предшествующих потенциальному правонарушению.

Библиография

1. Атабеков, А. Р., Ястребов, О. А. Стратегическое позиционирование искусственного интеллекта в сфере государственного управления и практика правового регулирования. Москва : ООО Издательство Юнити-Дана, 2024. – 447 с. EDN: LZXXJT.
2. The Artificial Intelligence Act, Official Journal version of 13 June 2024. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explorer/> (дата обращения: 04.07.2025).

3. Garante per la protezione dei dati personali (Italy)-10085455. URL: [https://gdprhub.eu/index.php?title=Garante_per_la_protezione_dei_dati_personali_\(Italy\)_-_10085455](https://gdprhub.eu/index.php?title=Garante_per_la_protezione_dei_dati_personali_(Italy)_-_10085455) (дата обращения: 04.07.2025).
4. Quintais, J. P. Generative AI, copyright and the AI Act // Computer Law & Security Review. – 2025. – Т. 56. – С. 106-107.
5. Iaia, V., Geiger, C. Towards an Independent EU Regulator for Copyright Issues of Generative AI: What Role for the AI Office (But More Importantly: What's Next)? // Available at SSRN 4914938. – 2024.
6. Dusollier, S. et al. Copyright and generative ai: Opinion of the european copyright society // Available at SSRN. – 2025.
7. Ponce, A. Exposing generative AI: human-dependent, legally uncertain, environmentally unsustainable // ETUI Research Paper-Policy Brief. – 2024.
8. Временные меры по администрированию услуг генеративного искусственного интеллекта. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 04.07.2025).
9. Уведомление о принятии мер по выявлению синтетического контента, созданного искусственным интеллектом. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/14/c_1743654684782215.htm (дата обращения: 04.07.2025).
10. Cybersecurity technology-Generative artificial intelligence data annotation security specification. URL: https://content.mlex.com/Attachments/2025-05-23_CZT297CHX8R49J68/SAMR_NSA_GenAI_data_annotation_security_specification.pdf (дата обращения: 04.07.2025).
11. Cybersecurity technology-Security specification for generative artificial intelligence pre-training and fine-tuning data. URL: https://content.mlex.com/Attachments/2025-05-23_CZT297CHX8R49J68/SAMR_NSA_Security_Specification_GenAI_pre-training_fine-tuning_Data.pdf (дата обращения: 04.07.2025).
12. Cybersecurity technology-Basic security requirements for generative artificial intelligence service. URL: https://content.mlex.com/Attachments/2025-05-23_CZT297CHX8R49J68/SAMR_NSA_Basic_Security_Requirements_GenAI_service.pdf (дата обращения: 04.07.2025).
13. China's Beijing Internet Court Recognizes Personality Rights in Generative AI Case. URL: <https://www.chinaiplawupdate.com/2024/04/chinas-beijing-internet-court-recognizes-personality-rights-in-generative-ai-case/> (дата обращения: 04.07.2025).
14. Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars). URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-law-draft/> (дата обращения: 04.07.2025).
15. Dong, H., Chen, J. Meta-regulation: An ideal alternative to the primary responsibility as the regulatory model of generative AI in China // Computer Law & Security Review. – 2024. – Т. 54. – С. 106-016. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106016 EDN: W WFGHF.
16. Ye, X. et al. Privacy and personal data risk governance for generative artificial intelligence: A Chinese perspective // Telecommunications Policy. – 2024. – Т. 48. – №. 10. – С. 102851.
17. Pi, Y. Missing Value Chain in Generative AI Governance China as an example // arXiv preprint arXiv:2401.02799. – 2024.
18. Franks, E., Lee, B., Xu, H. Report: China's new ai regulations // Global Privacy Law Review. – 2024. – Т. 5. – №. 1.
19. Zou, M., Zhang, L. Navigating China's regulatory approach to generative artificial intelligence and large language models // Cambridge Forum on AI: Law and Governance. – Cambridge University Press, 2025. – Т. 1. – С. e8.
20. Регуляторика. Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL:

- <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (дата обращения: 04.07.2025).
21. Декларация об ответственном генеративном ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru/genai-declaration/> (дата обращения: 04.07.2025).
22. Россия и СНГ вступили в юридическую гонку за контроль над искусственным интеллектом. URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-sng-vstupili-v-yuridicheskuyu-gonku-za-kontrol-nad-iskusstvennym-intellektom.html> (дата обращения: 04.07.2025).
23. Основные положения модельного закона "Об искусственном интеллекте". URL: <https://libeldoc.bsuir.by/handle/123456789/54718> (дата обращения: 04.07.2025).
24. Бодров, Н. Ф., Лебедева, А. К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18. – №. 4 (68). – С. 348-357. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001 EDN: AUYZZI.
25. Сиземова, О. Б. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в банковской деятельности // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2024. – №. 9 (121). – С. 132-140. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.132-140 EDN: GTPGTZ.
26. Карцхия, А. А., Макаренко, Г. И. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в России // Правовая информатика. – 2024. – №. 1. – С. 4-19. DOI: 10.21681/1994-1404-2024-1-4-19 EDN: NONHLC.
27. Харитонова, Ю. С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – №. 8 (165). – С. 66-75. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075 EDN: YRUSGI.
28. Шевелев, И. В. Субъектный состав авторов произведений, созданных посредством технологий генеративного искусственного интеллекта: антропоцентрический концепт в судебной практике КНР и России // Вестник Удмуртского университета. Серия "Экономика и право". – 2024. – Т. 34. – №. 2. – С. 360-366. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-360-366 EDN: RVIJFW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, регулирование генеративного искусственного интеллекта в России и иностранных юрисдикциях. Автор сосредоточил внимание на сравнительно-правовом анализе проблемы. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым. Аббревиатуру в заголовке необходимо расшифровать. Все аббревиатуры при их первом использовании нуждаются в расшифровке. Кроме того, в работе сначала описывается регулирование генеративного ИИ в зарубежных странах, и только потом — в России. Это нужно отразить в заголовке статьи.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Глубина проникновения технологий ИИ на повседневном уровне растет с каждым годом. Особое место в пользовательском поле использования технологий ИИ занимают общезвестные генеративные модели текста (chatgpt, deepseek), изображения (например, DALL·E 2), видео (например, Synthesia) или искусство (например, Stable Diffusion) и т.д. Вместе с тем нельзя не отметить, что вопрос регулирования данных технологий на уровне пользовательского контента в частно правовом смысле регулируется пользовательским или лицензионным соглашением, а в

публично правовом контексте сильно варьируется от законодательства страны, где данная технология используется". Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "В рамках доктринального блока исследований необходимо отметить монографию А.Р. Атабекова и О.А. Ястребова, где детально исследовано действующая регуляторная политика в отношении технологии ИИ в разрезе различных правовых систем[1]. Вместе с тем, данное исследование не в полной мере охватывает действующие формируемые регуляторные инициативы в отношении технологии генеративного ИИ. В этой связи автором данной статьи предлагается провести сравнительно-правовой анализ регулирование систем генеративного ИИ в странах членах ЕС, Китая и России, отдельно рассмотрев также перспективы модельного закона СНГ для технологии ИИ".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "1. Глубина регулирования технологий генеративного ИИ в странах и наднациональных объединениях представлена неравномерно. В странах ЕС регулирование представлено общим законом, который охватывает и детализирует правила регулирования как самого ИИ, так и генеративного ИИ. Данный подход имеет свои недостатки, в основном упирающиеся на специфику национального регулирования и гармонизации наднационального и национального законодательства.

КНР в рамках выработки единых регуляторных правил, поэтапно охватывает ключевые субсистемы ИИ (генеративные модели, deepfake, deep learning), от которых выстраивает поэтапное комплексное регулирование ИИ в общем. Данный подход обусловлен, так же тем, что правоведы КНР активно изучая опыт ЕС, пришли к выводу об эффективности подхода от частного к общему в контексте технологии ИИ. При этом, как отмечают китайские ученые регулирование генеративных моделей в КНР, также может быть улучшено с учетом детализации трансграничных точек, для определения ответственности участников правоотношений. 2. Для целей регулирования ИИ в России, по нашему мнению, возможно перенять опыт ЕС и КНР в части: - введения обязательных требований для разработчиков генеративного ИИ из иностранных государств в части предоставления технической документации, создания представительства в форме юридического лица, контроль и мониторинг количества юридических лиц-пользователей иностранных генеративных моделей;

- фиксации для разработчика из иностранной юрисдикции обязанности автоматического удаления противоправного контента по предписанию органов власти (без судебного рассмотрения дела); - дополнения 4.2. и 4.3. КоАП РФ (и УК РФ в соответствующей части определения вины/ответственности) в части обстоятельств, отягчающих или смягчающих административную ответственность, - наличие обязательной формы у поставщика систем генеративного ИИ по обработке жалоб со стороны пользователей и предоставления им обратной связи в установленные законом сроки". Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует регулирование генеративного искусственного интеллекта в некоторых зарубежных государствах и в России, выявляет соответствующие теоретические и практические проблемы, а также предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Вместе с тем нельзя не отметить, что вопрос регулирования данных

технологий на уровне пользовательского контента в частно правовом смысле регулируется пользовательским или лицензионным соглашением, а в публично правовом контексте сильно варьируется от законодательства страны, где данная технология используется" - "Вместе с тем нельзя не отметить, что вопрос регулирования данных технологий на уровне пользовательского контента в частноправовом смысле регулируется пользовательским или лицензионным соглашением, а в публично-правовом контексте сильно варьируется от законодательства страны, где данная технология используется" (см. на орфографию).

Ученый отмечает: "В этой связи автором данной статьи предлагается провести сравнительно-правовой анализ регулирование систем генеративного ИИ в странах членах ЕС, Китая и России, отдельно рассмотрев также перспективы модельного закона СНГ для технологии ИИ" - "В этой связи автором данной статьи предлагается провести сравнительно-правовой анализ регулирования систем генеративного ИИ в странах-членах ЕС, Китая и России. Отдельно будут рассмотрены перспективы модельного закона СНГ для технологии ИИ" (см. на орфографию и стилистику).

Автор указывает: "Рассматривая опыт ЕС необходимо отметить следующие интересные аспекты в регулировании" - "Рассматривая опыт ЕС, необходимо отметить следующие интересные аспекты в регулировании" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 28 источниками (монографией, научными статьями, нормативными и аналитическими материалами). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Глубина регулирования технологий генеративного ИИ в странах и наднациональных объединениях представлена неравномерно. В странах ЕС регулирование представлено общим законом, который охватывает и детализирует правила регулирования как самого ИИ, так и генеративного ИИ. Данный подход имеет свои недостатки, в основном упирающиеся на специфику национального регулирования и гармонизации наднационального и национального законодательства.

КНР в рамках выработки единых регуляторных правил, поэтапно охватывает ключевые субсистемы ИИ (генеративные модели, deepfake, deep learning), от которых выстраивает поэтапное комплексное регулирование ИИ в общем. Данный подход обусловлен, так же тем, что правоведы КНР активно изучая опыт ЕС, пришли к выводу об эффективности подхода от частного к общему в контексте технологии ИИ. При этом, как отмечают китайские ученые регулирование генеративных моделей в КНР, также может быть улучшено с учетом детализации трансграничных точек, для определения ответственности участников правоотношений. 2. Для целей регулирования ИИ в России, по нашему мнению, возможно перенять опыт ЕС и КНР в части: - введения обязательных требований для разработчиков генеративного ИИ из иностранных государств в части предоставления технической документации, создания представительства в форме юридического лица, контроль и мониторинг количества юридических лиц-пользователей иностранных генеративных моделей;

- фиксации для разработчика из иностранной юрисдикции обязанности автоматического удаления противоправного контента по предписанию органов власти (без судебного

рассмотрения дела); - дополнения 4.2. и 4.3. КоАП РФ (и УК РФ в соответствующей части определения вины/ответственности) в части обстоятельств, отягчающих или смягчающих административную ответственность, - наличие обязательной формы у поставщика систем генеративного ИИ по обработке жалоб со стороны пользователей и предоставления им обратной связи в установленные законом сроки"), но некоторые из них нуждаются в уточнении и конкретизации. В частности, необходимо указать, какие именно изменения в КоАП РФ и УК РФ предлагает внести автор (речь идет о формулировках соответствующих правовых норм).

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, административного права, информационного права при условии ее доработки: уточнении заголовка работы, раскрытии методологии исследования, введении дополнительных элементов дискуссионности, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устраниении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Регулирование генеративного искусственного интеллекта в иностранных юрисдикциях и России: сравнительно-правовой анализ».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам регулирования генеративного искусственного интеллекта. Автором анализируются правовые положения Европейского Союза и КНР, предлагаются варианты их толкования, а также формулируются позиции, которые могут быть полезны в целях совершенствования законодательства и практики в России. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства разных стран, мнения ученых, эмпирические данные и практика.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о сопоставлении регулирования генеративного искусственного интеллекта в иностранных юрисдикциях и России, предложении конкретных идеи для реформирования отечественного законодательства. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Как, например, указано в статье «Герменевтический метод в рамках представленной статьи используется для анализа и толкования правоприменительной и судебной практики».

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся сравнительно-правовой метод исследования, который позволил

сопоставить законодательство и практику его применения в разных странах. Например, следующий вывод автора: «Основным регулятором выступает Управление киберпространства Китая (ст. 16), которое имеет право проводить оценку безопасности технологии, осуществлять выездные проверки и привлекать к административной ответственности (штрафы). Следует отметить, что ст. 21 указанных мер содержит отсылочный характер в части санкций для поставщиков решений на Закон о защите личной информации, Уголовный кодекс Китая (ст. 253 и 291)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема регулирования генеративного искусственного интеллекта сложна и неоднозначна. В действительности в настоящий момент во многих странах мира существуют дискуссии по поводу того, как регулировать искусственных интеллект. Ведутся споры применительно к частноправовым или публично-правовым моментам данной сферы. Россия в этом плане не является исключением. Опыт других юрисдикций для предложенной сферы может оказаться полезным. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Глубина проникновения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на повседневном уровне растет с каждым годом. Особое место в пользовательском поле использования технологий ИИ занимают общеизвестные генеративные модели текста (chatgpt, deepseek), изображения (например, DALL·E 2), видео (например, Synthesia) или искусство (например, Stable Diffusion)».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «КНР в рамках выработки единых регуляторных правил, поэтапно охватывает ключевые субсистемы ИИ (генеративные модели, deepfake, deep learning), от которых выстраивает поэтапное комплексное регулирование ИИ в общем. Данный подход обусловлен, так же тем, что правоведы КНР активно изучая опыт ЕС, пришли к выводу об эффективности подхода от частного к общему в контексте технологии ИИ».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности, необходимы «дополнения 4.2. и 4.3. КоАП РФ (и УК РФ в соответствующей части определения вины/ответственности) в части обстоятельств, отягчающих или смягчающих административную ответственность для поставщиков услуг генеративного ИИ. В рамках внедрения обозначенной выше формы, орган, уполномоченный осуществлять производство по делу об административном правонарушении, при анализе действий со стороны поставщика услуг генеративного ИИ учитывает, количество, скорость и качество (предпринятые меры по устраниению жалобы) обработанных им жалоб со стороны пользователей, предшествующих потенциальному правонарушению».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с регулированием

генеративного искусственного интеллекта.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в полной мере достиг поставленной цели исследования, предложив на основании иностранного опыта конкретные идеи по совершенствованию российского законодательства.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Атабеков А.Р., Карцхия А.А, Сиземова О.Б., Харитонова Ю.С., Ястребов О.А., Ponce A., Zou M., Zhang L. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области вопросов регулирования искусственного интеллекта.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам регулирования искусственного интеллекта в России.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Никитина А.Е. Правоприменительный подход к переходу права собственности на земельный участок при покупке части здания у публично-правового образования // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.75142 EDN: ATNCHK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75142

Правоприменительный подход к переходу права собственности на земельный участок при покупке части здания у публично-правового образования**Никитина Алла Евгеньевна**

Начальник юридического отдела; Юридический отдел; ООО «НБК Финанс»
практикующий юрист; частная практика

610025, Россия, Кировская обл., г. Киров, ул. Ивана Попова, д. 66, кв. 62

✉ 89536737596@mail.ru

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.7.75142

EDN:

ATNCHK

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2025

Дата публикации:

19-07-2025

Аннотация: В статье исследуется проблема формирования судебной практикой необоснованного исключения из принципа единства судьбы земельных участков и недвижимости и норм о переходе права собственности на землю при отчуждении недвижимости в случаях, когда продавцом части здания выступает публично-правовое образование. Прослеживается динамика рассмотрения конкретного дела при первичном и повторных рассмотрениях в судах всех инстанций. Автором сопоставляется правоприменительный подход в нормами права и позицией ученых в правовой доктрине, а также выявляется существенное отличие. Целью исследования является анализ коллизии между законодательным закреплением равенства субъектов гражданских правоотношений и судебной практикой, создающей изъятия из этого принципа в пользу

публично-правовых образований, а также оценка последствий такого подхода. Методология исследования основана на детальном анализе конкретного судебного дела, сравнительно-правовом анализе противоречивых судебных актов и обзоре доктринальных позиций. Наряду с этим выделены ключевые проблемы: формирование судебной практикой привилегированного положения государства-продавца без надлежащего законодательного регулирования; использование судами вырванных из контекста фраз судебных актов ВС РФ. Научная новизна заключается в доказательстве тезиса о подмене законодательного регулирования судебной практикой: впервые на материале «цепочки» взаимосвязанных судебных актов (2024–2025 гг.) раскрыт алгоритм формирования привилегий для государства через некорректное цитирование и контекстуальное искажение правовых позиций ВС РФ, что ведет к нарушению принципа верховенства закона и требует незамедлительного законодательного ответа. Сделан вывод о недопустимости установления таких изъятий судебной практикой в обход закона и о необходимости законодательного разрешения выявленной коллизии путем внесения четких поправок в ст. 552 ГК РФ или специальный федеральный закон для закрепления соответствующих исключений, что обеспечит правовую определенность и соблюдение принципа верховенства права, а также единства судебной практики.

Ключевые слова:

переход права, земельный участок, здание, встроенное помещение, публично-правовое образование, судебная практика, гражданин, приоритет, принцип равенства, исключения

Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим противоречием между законодательным закреплением принципа равенства субъектов гражданских правоотношений и судебной практикой, фактически создающей необоснованные исключения для публично-правовых образований в вопросах перехода прав на земельные участки при отчуждении недвижимости. На примере конкретного судебного дела, прошедшего все инстанции вплоть до Верховного Суда РФ, выявляется системная проблема: суды, опираясь на противоречивые позиции ВС РФ, отказывают частным лицам в праве собственности на землю при покупке части здания у государства, игнорируя императивные нормы. Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа указанной коллизии, оценки механизмов формирования судебных исключений в пользу публичных субъектов и их последствия для стабильности гражданского оборота. Методология интегрирует case study (детальная реконструкция судебной динамики по конкретному делу), сравнительно-правовой анализ противоречивых актов ВС РФ (включая № 304-ЭС22-2566 и № 308-ЭС22-13775) и критический обзор доктринальных позиций о пределах судебного усмотрения. Научная новизна заключается в доказательстве тезиса о подмене законодательного регулирования судебной практикой: впервые на материале «цепочки» взаимосвязанных судебных актов (2024–2025 гг.) раскрыт алгоритм формирования привилегий для государства через некорректное цитирование и контекстуальное искажение правовых позиций ВС РФ, что ведет к нарушению принципа верховенства закона и требует незамедлительного законодательного ответа.

Общая теория права

Как известно, «гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений» (п. 1 ст. 1 ГК РФ), при этом участники, они же

субъекты гражданского правоотношения, могут быть различными. В правовой доктрине классически [1, с. 6] выделяются частно-правовые и публично-правовые субъекты правоотношения, однако в гражданском праве субъекты исходя из п. 2 ст. 1 ГК РФ разграничиваются на граждан (физических лиц) и юридических лиц.

При этом публично-правовые субъекты правоотношений применительно к гражданскому праву с точки зрения ГК РФ рассматриваются как юридические лица в определённой организационно-правовой форме исходя из главы 4 ГК РФ. Следует отметить, что гражданское законодательство в рамках специального правового регулирования может устанавливать неравенство участников гражданско-правового отношения, что не является нарушением принципа равенства участников в случае, если это специально установлено законом. Например, согласно Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», устанавливаются дополнительные гарантии и права потребителей, являющихся гражданами в отличие от потребителей, являющихся юридическими лицами.

Однако, во всех остальных случаях, в отсутствие специального установления различий в объеме прав и обязанностей между субъектами гражданского правоотношения действует принцип равенства. По крайней мере данный вывод следует из нормы закона.

Правоприменительный подход

Судебная практика, напротив, может формировать собственное распределение прав и обязанностей участников гражданского правоотношения, в том числе самостоятельно делать исключения из общего правового регулирования для отдельных субъектов.

Речь идет о конкретном примере. Согласно обстоятельствам дела, рассмотренным во всех инстанциях судов общей юрисдикции, установлено следующее:

Некий гражданин (далее - покупатель) приобрел по договору купли-продажи у государства, т.е. публично-правового образования, в лице территориального управления МТУ Росимущества (далее – продавец) 2 встроенных помещения в нежилом отдельно стоящем здании. В момент продажи вторым собственником, оставшейся части здания, был физическое лицо. МТУ Росимущества продажу проводило в рамках Федерального закона от 21.12.2001 N 178-ФЗ, как раз специализирующегося на продаже государственного имущества. Сделка состоялась, переход права собственности был зарегистрирован в установленном законом порядке. В момент заключения сделки стороны не разрешили вопрос о правах на земельный участок, занятый проданными встроенными помещениями, который находился в собственности продавца.

После регистрации перехода права собственности покупатель обратился в МФЦ с заявлением о перерегистрации права собственности на часть земельного участка, занятую его помещениями, однако получил отказ после длительной приостановки. На аналогичное заявление продавец также ответил отказом, в связи с чем покупатель обратился с иском в суд, за признанием за ним права собственности на долю в земельном участке.

Покупатель (далее – истец) обосновывал свои доводы следующими нормами закона:

¾ п. 2 ст. 552 ГК РФ - «в случае, когда продавец является собственником земельного участка, на котором находится продаваемая недвижимость, покупателю передается право собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования, если иное не предусмотрено законом»;

¾ пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ – «принцип единства судьбы земельных участков и прочно

связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами»;

¾ п. 2 ст. 555 ГК РФ - «если иное не предусмотрено законом или договором продажи недвижимости, установленная в нем цена здания, сооружения или другого недвижимого имущества, находящегося на земельном участке, включает цену передаваемой с этим недвижимым имуществом соответствующей части земельного участка или права на нее»;

¾ пп. 1 п. 4 ст. 35 ЗК РФ - «Отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком;

¾ ч. 1 ст. 28 ФЗ О приватизации - «приватизация зданий, строений и сооружений, а также объектов, строительство которых не завершено и которые признаны самостоятельными объектами недвижимости, осуществляется одновременно с отчуждением лицу, приобретающему такое имущество, земельных участков, занимаемых таким имуществом и необходимых для их использования, если иное не предусмотрено федеральным законом».

Принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанного с ним объекта недвижимости не оспаривается в правовой доктрине, с чем единогласно согласны В. В. Устюкова, И. П. Кожокарь [\[2, с. 69-88\]](#), Т. В. Белова [\[3, с. 84-93\]](#), Киселев В. С. [\[4, с. 385-389\]](#). Однако вопрос принципа единства судьбы части земельного участка и прочно связанного с ним объекта недвижимости – части здания, когда собственником является публично-правовое образование в правовой доктрине в целом не поднимался и не имеет научной разработанности.

Вопреки указанным нормам закона решением Зуевского районного суда Кировской области от 15.05.2024 по делу № 2-135/2024 в удовлетворении требований было отказано со ссылкой на то, что законом не предусмотрен переход права собственности на земельный участок в случае продажи не всего объекта недвижимости, а только части встроенных помещений.

Истец с данным решением не согласился, направился в суд апелляционной инстанции сославшись на определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31.03.2016 № 303-ЭС15-13807, от 23.11.2017 № 307-ЭС17-5707, от 10.09.2018 № 305-ЭС18-5945, но главное на Определение ВС РФ от 21.06.2022 № 304-ЭС22-2566 по делу № А46-23123/2020 в которых указано, что к правоотношениям по купле-продаже встроенных помещений применяются аналогичные нормы права, как и в случае продажи здания целиком.

Суд апелляционной инстанции согласился с позицией истца и заявленные требования удовлетворил, признав право собственности на долю в земельном участке за истцом (Апелляционное определение Кировского областного суда от 30.07.2024 по делу № 33-4591/2024). Казалось бы, законность истина восторжествовали, но - нет.

Ответчик обратился в суд кассационной инстанции сославшись на Определение ВС РФ от 22.11.2022 № 308-ЭС22-13775, в котором дословно указана фраза: «Поскольку действующее законодательство не предусматривает возможности поступления земельного участка в общую долевую собственность публично-правового образования и частного лица, при продаже помещения в здании (части здания), расположенному на публичном участке, положения земельного и гражданского законодательства об

одновременной передаче покупателю недвижимости права собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью, не распространяются (пункт 2 статьи 552 Гражданского кодекса, подпункт 1 пункта 4 статьи 35 Земельного кодекса)». Надо отметить, что в правовой доктрине данное определение также истолковано поверхностно, а фраза вырвана из контекста без учета всего содержания, что следует из опубликованного обзора правовых позиций ВС РФ, подготовленном рядом авторов, а именно: Е.Д. Автонова, С.В. Гвоздева, А.Г. Карапетов, О.И. Романова, Ю.В. Сбитнев С.В. Трофимов, Е.М. Фетисова [\[5, с. 23-50\]](#).

Суд кассационной инстанции, вероятно не изучая указанное определение ВС РФ от 22.11.2022, принял вырванную фразу из контекста за истину, отменил предыдущий судебный акт и направил дело на новое рассмотрение (кассационное определение БКСОЮ от 09.12.2024 по делу № 88-28049/2024). Важно отметить, что суд кассационной инстанции вопреки положениям ст. 379.7 ГПК РФ как основание для отмены решения суда в кассационной инстанции сослался не на норму материального либо процессуального права, а на то, что апелляционное определение не соответствует правовой позиции ВС РФ.

К сожалению, ВС РФ не счел данное «нарушение» - нарушением, а также отверг иные доводы Истца и отказал в отмене кассационного определения (Определение ВС РФ от 03.03.2025 № 10-КФ25-16-К6), не передав дело для рассмотрения в судебном заседании.

Закономерно доводы суда кассационной инстанции были поддержаны при повторном рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, что следует из апелляционного определения Кировского областного суда от 30.01.2025 № 33-420/2025, в котором была процитирована вторично цитата из Определения ВС РФ от 22.11.2022 № 308-ЭС22-13775.

Однако, следует обратить внимание на тот факт, что при рассмотрении дела в судебных заседаниях 09.12.2024, 30.01.2025, а также при подаче кассационной жалобы в ВС РФ истец указывал на невозможность применения указанного определения ВС РФ постольку, поскольку фраза вырвана из контекста. В частности, определение ВС РФ от 22.11.2022 № 308-ЭС22-13775 было вынесено при рассмотрении аналогично спора только между двумя публично-правовыми образованиями, без участия в гражданском правоотношении граждан. А, значит, ВС РФ, вынося данное определение исходя из содержания судебного акта в совокупности с иными доводами, приведенными в нем, устанавливал ограничение для перехода права собственности на земельный участок в случае отчуждения здания (встроенного помещения) от одного публично-правового образования к другому. Речи о гражданах в судебном акте не было. Однако, по всей вероятности, сама по себе вырванная из контекста фраза, которую использовали суды кассационной и апелляционной инстанции содержала описку, и должна была быть указана в следующей редакции:

«Поскольку действующее законодательство не предусматривает возможности поступления земельного участка в общую долевую собственность **одновременно нескольких публично-правовых образований**, при продаже помещения в здании (части здания), расположенному на публичном участке, положения земельного и гражданского законодательства об одновременной передаче покупателю недвижимости права собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью, не распространяются (пункт 2 статьи 552 Гражданского кодекса, подпункт 1 пункта 4 статьи 35 Земельного кодекса)». ВС РФ рассматривал спор между двумя публично-правовыми образованиями и вынес судебное постановление, которым запретил переход права

собственности на земельный участок при отчуждении здания (части здания) иному публично-правовому образованию, а, значит, выделенная описка, действительно является только опиской.

Однако суды первично кассационной инстанции, а потом и апелляционной инстанции не разобрались в конкретном деле и использовали вырванную из контекста фразу, содержащую описку, чем породили порочную судебную практику.

Истец пытался раскрыть содержание данной описки и донести ошибки предыдущих судебных инстанций в очередной кассационной жалобе. К счастью истца, при вынесении кассационного определения БКСОЮ от 14.04.2025 по делу № 33-420/250, суд согласился с тем, что Определение ВС РФ от 22.11.2022 № 308-ЭС22-13775 к данному делу не применимо, что счел однако не достаточным основанием для отмены судебных актов и указав, что удовлетворение иска повлекло бы нарушением принципа, установленного в ст. 1 ЗК РФ (платность использования земли), т.к. истцом не оплачен переход права собственности на земельный участок.

Получается, что суд кассационной инстанции в определении от 09.12.2024 и суд апелляционной инстанции в определении от 30.01.2025 отменили абсолютно законное и обоснованное определение Кировского областного суда от 30.07.2024 года, что фактически признал суд кассационной инстанции в определении от 14.04.2025 года.

Однако по неявным мотивам, суд кассационной инстанции не удовлетворил требования истца, сославшись на отсутствие оплаты именно земельного участка. Данный довод, в особенности в редакции суда именно кассационной инстанции выглядит абсурдным, т.к. прямо противоречит п. 2 ст. 555 ГК РФ, в котором указано, что, если не установлено иное, цена здания включает в себя цену передаваемого земельного участка. Важно, что в определении от 30.07.2024 года данная норма была выделена и обозначена.

Истец, не согласившись с очередным судебным актом обратился снова в ВС РФ, в надежде на вынесение законного определения, однако вновь получил отказ.

В очередном определении ВС РФ от 10.06.2025 г. № 10-КФ25-16-К6 суд обосновал свои доводы тем же, что указывал изначально суд первой инстанции «действующее законодательство не предусматривает переход права собственности на земельный участок, находящийся в государственной собственности при продаже встроенных помещений в здании». При этом не ясно, суд делал акцент, что были проданы именно встроенные помещения, либо то, что продавцом выступало государство. Явно видно, что ВС РФ своим определением перечеркнул доводы судов, использованные как мотивы для отказа в определения от 09.12.2024, от 30.01.2025, от 14.04.2025, но обозначил иной довод, который счел достаточным для оставления в силе отказа заявленных требований.

Сущность противоречия

Рассмотрим подробнее. Так, в судебной практике ВС РФ, а именно в Определении ВС РФ от 21.06.2022 № 304-ЭС22-2566 по делу № А46-23123/2020 четко прописано, что положения ГК РФ и ЗК РФ о переходе права собственности на земельный участок в равной степени распространяются как в случае покупки встроенных помещений, т.е. части зданий, так и зданий целиком. Следовательно, акцент в отказном определении на то, что имели место именно встроенные помещения, а не здание целиком противоречит позиции собственного самого ВС РФ.

А значит, в данном случае (акцент на встроенные помещения) имеет место противоречие

судебной практики ВС РФ, что, впрочем, не такая уж и редкость.

В другом случае имеет место нарушение принципа равенства субъектов гражданского правоотношения, а именно: публично-правовому образованию отдается приоритет в правоотношении, за счет того, что сформировалась в судебной практике исключение из п. 2 ст. 552 ГК РФ, пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, пп. 1 п. 4 ст. 35 ЗК РФ, ч. 1 ст. 28 ФЗ о приватизации. Данное исключение основано исключительно на выявленных примерах судебной практики и полностью противоречит действующему законодательству.

Значит, что государство, являясь продавцом объектов недвижимости не обязано одновременно передавать право собственности на земельный участок при продаже части здания, а впрочем, и здания целиком.

Обозначенный подход ошибочно распространяется и на иные суды, что следует из множественной судебной практики (апелляционное определение Камчатского краевого суда от 06.06.2024 по делу N 33-984/2024, постановление 7ААС от 27.02.2025 N 07АП-1512/2023(3) по делу № А03-3148/2022, постановление 10ААС от 20.04.2023 N 10АП-2123/2023 по делу N A41-49394/2022, постановление 11ААС от 14.11.2024 N 11АП-14708/2024 по делу N A55-32202/2023, постановление 11ААС от 17.09.2024 N 11АП-12067/2024 по делу N A55-7247/2024, постановление АС СКО от 21.08.2023 N Ф08-5012/2023 по делу N A15-1237/2022, постановление АС СКО от 08.06.2023 N Ф08-4026/2023 по делу N A53-37738/2022 и др.). Данный подход в очередной раз подтверждает недопустимость использования судебной практики как источника права, т.к. она может быть ошибочна и противоречива. В данном контексте целесообразно отметить мнение, господствующее в правовой доктрине: судебные акты ВС РФ, хоть и не являются источником права, оказывают существенное влияние на судебную практику, формируют основу, для вынесения иных судебных актов, что следует из комплексных исследований таких ученых как Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева [6, с. 38-45], Т. К. Андреева [7], В. М. Лебедев [8], С. Л. Савельев [9, с. 101], Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов [10, с. 12-23], И. М. Суходольский [11, с. 160-167], В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [12, 5-22], В. А. Вайпан [13, с. 3-29] и др.

С одной стороны, данное ограничение могло бы вписываться в политику государства в части сохранности земельного фонда, а также в части обеспечения удовлетворения материальных интересов государства, как наиболее значимого и экономически сильного субъекта гражданского правоотношения. Но, с другой стороны, подобные ограничения из федерального законодательства не могут формироваться судебной практикой, а должны быть урегулированы федеральным законодательством.

Однако в правовой доктрине уже неоднократно отмечались попытки установления привилегированного положения публичной стороны гражданско-правовых договоров в правоотношениях. Так, Е. А. Капитонова отмечает привилегированное положение публично-правового образования при исполнении государственного (муниципального) контракта [14, с. 24-29], О. Ю. Варшавский отмечает аналогичную ситуацию в земельных правоотношениях [15, с. 222-231]. Важно, что привилегированное положение следует не из нормы закона, а формируется судебной практикой.

Выводы

Таким образом, демонстрируемые подходы судов в рассмотренном деле скорее формируют неправовой подход, в котором выносится решение в пользу государства, как особого участника гражданского правоотношения без учета норм официального

федерального законодательства, что ведет к беззаконию и утрате доверия граждан. Безусловно, подход в установлении более привилегированного положения для государства, как участника правоотношения имеет место быть и обоснован государственной политикой, функциями и многими другими факторами. Но это теория. На практике же, закон должен быть единым для всех. Изначально следовало бы нормативно закрепить исключение из п. 2 ст. 552 ГК РФ для публично-правовых образований, и только после этого возможно вынесение подобных, как были ранее рассмотрены, судебных актов.

Вплоть до внесения изменений в п. 2 ст. 552 ГК РФ демонстрируемая судебная практика является прямо противоречащей действующему законодательству и демонстрирует, что суды, не очень удачно с точки зрения мотивированной части, пытаются установить привилегированное положение для публично-правовых образований, как участников гражданских правоотношений.

Библиография

1. Хакимова А. Ф. Гражданско-правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве: автореферат дис. ... к.ю.н. – Казань, 2024. – 27 с. EDN: QQDGPZ.
2. Устюкова В. В., Кожокарь И. П. Принцип единства судьбы земельного участка и недвижимости на нем: его конкретизация и соотношение с концепцией единого объекта // Труды Института государства и права РАН. 2021. – № 2. – С. 69-88. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-kozhokar-ustyukova. EDN: MIUMFY.
3. Белова Т. В. Правоприменительный аспект взаимовлияния принципа единства земельного участка и исполнительского иммунитета на прекращение права собственности гражданина // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. – № 3. – С. 84-93. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-84-93. EDN: HPAKDG.
4. Киселев В. С. О злоупотреблении исключительным правом выкупа земельного участка собственником объекта недвижимости: теория, проблематика, способы противодействия // Аграрное и земельное право. 2025. – № 2. – С. 385-389. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_385. EDN: DNXMGT.
5. Автонова Е. Д., Гвоздева С. В., Карапетов А. Г., Романова О. И., Сбитнев Ю. В., Трофимов С. В., Фетисова Е. М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за ноябрь 2022 года // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. – № 1. – С. 23-50. EDN: AMAADZ.
6. Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева и др.; отв. ред. В. В. Молчанов. Москва: Статут, 2023. – 480 с. EDN: DYOPSN.
7. Андреева Т. К. Верховный Суд должен заниматься не исправлением судебных ошибок, а выработкой правовых позиций: Интервью номера // Закон. 2021. – № 7. – С. 12-13. EDN: RRSYJE.
8. Доклад Председателя ВС РФ В. М. Лебедева к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов 9 февраля 2022 г. URL: www.vsf.ru.
9. Савельев С. Л. Прецедент в России: унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2020. – 272 с.
10. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023. – 384 с. EDN: DLWAMW.
11. Суходольский И. М. Участие государства в процессе несостоятельности

- (банкротства): монография. М.: Юстицинформ, 2024. – 264 с. EDN: TDDZTG.
12. Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал российского права. 2022. – № 9. – С. 5-22. DOI: 10.12737/jrl.2022.091. EDN: PNEGCP.
13. Вайпан В. А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. – № 1. – С. 3-29. EDN: JBQYVV.
14. Капитонова Е. А. Проблемы взаимодействия заказчика и строительного подрядчика при исполнении государственного (муниципального) контракта // Юрист. 2021. – № 4. – С. 24-29.
15. Варшавская О. Ю. Формирование цены в обязательствах с участием публичных образований // Власть Закона. 2016. – № 2. – С. 222-231. EDN: WWHYCR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Правоприменительный подход к переходу права собственности на земельный участок при покупке части здания у публично-правового образования».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам судебной практики применительно к проблеме перехода права собственности на земельный участок при покупке части здания у публично-правового образования. Автором рассматриваются противоречия, имеющиеся в решениях судов по отдельным вопросам перехода права собственности на земельный участок. Выявляется проблема нарушения баланса между частными и публичными собственниками. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа указанной коллизии, оценки механизмов формирования судебных исключений в пользу публичных субъектов и их последствия для стабильности гражданского оборота». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Так, как отмечается в самой статье, «Методология интегрирует case study (детальная реконструкция судебной динамики по конкретному делу), сравнительно-правовой анализ противоречивых актов ВС РФ (включая № 304-ЭС22-2566 и № 308-ЭС22-13775) и критический обзор доктринальных позиций о пределах судебного усмотрения».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-логический метод, который позволил провести анализ законодательства и выявить правильное понимание правовых норм, прежде всего гражданского законодательства России. В частности, отметим следующий авторский вывод: «публично-правовые субъекты правоотношений применительно к гражданскому

праву с точки зрения ГК РФ рассматриваются как юридические лица в определённой организационно-правовой форме исходя из главы 4 ГК РФ. Следует отметить, что гражданское законодательство в рамках специального правового регулирования может устанавливать неравенство участников гражданско-правового отношения, что не является нарушением принципа равенства участников в случае, если это специально установлено законом. Например, согласно Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», устанавливаются дополнительные гарантии и права потребителей, являющихся гражданами в отличие от потребителей, являющихся юридическими лицами».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема судебной практики применительно к проблеме перехода права собственности на земельный участок при покупке части здания у публично-правового образования сложна и неоднозначна. В действительности суды принимают различные решения по одним и тем же вопросам, по-разному толкуют нормы законодательства в рассматриваемой сфере, что требует анализа в научной литературе. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим противоречием между законодательным закреплением принципа равенства субъектов гражданских правоотношений и судебной практикой, фактически создающей необоснованные исключения для публично-правовых образований в вопросах перехода прав на земельные участки при отчуждении недвижимости. На примере конкретного судебного дела, прошедшего все инстанции вплоть до Верховного Суда РФ, выявляется системная проблема: суды, опираясь на противоречивые позиции ВС РФ, отказывают частным лицам в праве собственности на землю при покупке части здания у государства, игнорируя императивные нормы».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «демонстрируемые подходы судов в рассмотренном деле скорее формируют неправовой подход, в котором выносится решение в пользу государства, как особого участника гражданского правоотношения без учета норм официального федерального законодательства, что ведет к беззаконию и утрате доверия граждан. Безусловно, подход в установлении более привилегированного положения для государства, как участника правоотношения имеет место быть и обоснован государственной политикой, функциями многими другими факторами».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению судебной практики, что может быть полезно практикующим юристам.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с реализацией на практике гражданского и земельного законодательства.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел

заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, сформулировать конкретные выводы по работе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Автонова Е. Д., Гвоздева С. В., Карапетов А. Г., Романова О. И., Сбитнев Ю. В., Трофимов С. В. Фетисова Е. М. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области частного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Поярков С.Ю. Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.74914 EDN: JUDTAR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74914

Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

□ psu70@bk.ru[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.7.74914

EDN:

JUDTAR

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2025

Аннотация: Современный этап развития государственности характеризуется нарастанием процессов институционального размывания демократических норм и правовых ограничений, ранее считавшихся неотъемлемой частью либерального конституционализма. Во многих странах, формально сохраняющих демократические процедуры, наблюдается устойчивая тенденция к эрозии сдержек и противовесов, утрате реальной независимости судебной власти и ослаблению парламентского контроля. Эти процессы особенно наглядны в рамках так называемой «мягкой автократии», при которой внешняя правовая оболочка используется для легитимации антидемократической практики. Указанные явления нельзя сводить исключительно к внутренним сбоям в правоприменении — они представляют собой системную трансформацию основополагающих конституционных принципов. В данном контексте усиливается интерес к исследованию трансформации верховенства права и его подмены имитационными механизмами. Предметом настоящего исследования выступают

кризисные проявления в функционировании демократических институтов и деградация правовой государственности как выражение перехода от субстантивного к формальному конституционализму. На этом фоне актуализируется задача концептуального переосмысливания роли публичных властей, институтов гражданского общества и правовых процедур в условиях «постлиберального поворота». Методологическая основа исследования включает сравнительно-правовой, институциональный и критико-нормативный подходы, позволяющие проанализировать эволюцию конституционных режимов с точки зрения устойчивости демократических практик. Новизна исследования заключается в попытке системного осмысливания кризиса демократии и права не как изолированных отклонений, а как следствия более глубокой трансформации политико-правового порядка. Предлагается рассматривать данные явления сквозь призму концепции адаптивного конституционализма, способного выявлять признаки имитации и скрытой деконституционализации. Установлено, что формальное соблюдение процедур не гарантирует подлинной реализации принципов правового государства. Более того, юридические инструменты всё чаще становятся объектом политической инструментализации. В работе акцентируется внимание на роли конституционных судов как потенциальных акторов правового сопротивления трансформации, при условии их институциональной независимости и социальной легитимности. Также рассматриваются возможности гражданского общества в восполнении дефицита представительности и подотчётности власти. В заключение подчёркивается необходимость переоценки традиционных моделей конституционного анализа с учётом текущих вызовов демократической эрозии.

Ключевые слова:

конституционализм, верховенство права, демократический откат, институциональная эрозия, мягкая автократия, судебная независимость, имитация демократии, постлиберализм, кризис представительства, правовая деконструкция

Введение

Современный этап развития государственности ознаменован нарастающим кризисом демократических институтов и постепенной эрозией фундаментального принципа верховенства права, что отражает более широкие трансформации внутри конституционного правопорядка. В условиях ускоряющейся политической турбулентности, нарастающей институциональной нестабильности и кризиса доверия к традиционным формам представительной демократии наблюдается возврат к практикам концентрации власти, политической инструментализации правовых институтов и селективного правоприменения. В частности, M. Đuković указывает на уязвимость в современных условиях правовой системы перед лицом политических ограничений, таких как этнополитическое разделение, партократия, гегемония и «стабилократия»^[1]. Эти процессы охватывают как молодые, так и зрелые демократии, порождая феномен, который в западной литературе обозначается как «эрозия верховенства права»^[2]. Именно в этом контексте, по мнению R. Dixon, обостряется необходимость переосмысливания конституционализма не только как нормативной конструкции, но и как динамически меняющегося политико-правового явления^[3].

Актуальность настоящего исследования определяется как внутренними, так и внешними факторами: с одной стороны, наблюдается тенденция к демонтажу институциональных

сдержек, обеспечивающих баланс властей, с другой — усиливается тенденция к нормализации правового популизма, подменяющего подлинные механизмы народного представительства формальной демократической риторикой [4]. Эти явления пронизывают современную правовую систему государств, провоцируя деградацию ключевых элементов конституционного строя. Примеры Венгрии, Польши, Турции, а также политические процессы в США и Бразилии последних лет, наглядно демонстрируют, как в рамках формально действующих демократических процедур происходит постепенная институциональная трансформация, ведущая к ослаблению механизмов правового контроля и нарушению принципа независимости судебной власти [5].

Вопрос не только в частных отклонениях от модели «правового государства», но в более глубинной проблеме — исчерпании, по мнению ряда исследователей (M. J. Lindsay, A. Vermeule и др.), ресурса классического конституционализма, основанного на либерально-правовой традиции [6, 7]. Этот классический конституционализм, как известно, формировался в эпоху Просвещения, на идеалах ограничения власти, суверенитета народа и защиты неотъемлемых прав личности (А. Гамильтон, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескьё). Однако современные реалии — в условиях глобализации, цифровизации, транснациональных угроз и растущей нестабильности — требуют переосмысливания этих оснований. При этом не происходит их отмены, но наблюдается процесс их переопределения в рамках новых политico-правовых координат. Здесь и проявляется феномен, который в настоящем исследовании обозначается как «адаптивный конституционализм» — особая форма адаптации правовых и политических институтов к кризису традиционного демократического порядка.

Целью настоящей работы является выявление механизмов и направлений этой трансформации, в частности, через призму двух ключевых феноменов: кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права. Эти явления, как будет показано, не являются автономными или случайными, напротив, они формируют устойчивую тенденцию, которая требует концептуального осмысливания и научной интерпретации в рамках доктрины современного конституционного права. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт не просто об отклонении от идеала, а о переопределении самого содержания конституционализма, что находит своё выражение в институциональных практиках, юридической доктрине и изменении правового дискурса.

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке и введении в научный оборот категории «адаптивный конституционализм» как аналитической модели, позволяющей комплексно осмыслить происходящие сдвиги в правовых системах различных государств. В отличие от привычного противопоставления «либерального» и «авторитарного» конституционализма, предлагается рассматривать трансформацию как внутренне противоречивый, но закономерный процесс, в котором размываются традиционные границы между формально-демократическими и авторитарными режимами.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятийно-категориального аппарата современного конституционного права. В частности, предлагается пересмотреть устоявшиеся дефиниции таких понятий, как «верховенство права», «демократическое устройство», «институциональный контроль», «суверенитет народа», дополнив их современными интерпретациями, отражающими гибридные формы взаимодействия права и власти в эпоху постмодерна. Это особенно важно в условиях, когда традиционные правовые инструменты перестают обеспечивать надёжную защиту от

злоупотреблений и требуют доктринальной ревизии.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов при выработке стратегий институционального реагирования на кризисные явления, укреплении механизмов конституционного контроля и восстановлении подлинного содержания принципа верховенства права. В частности, предложенный теоретический подход может быть применён при разработке правовых реформ, направленных на укрепление независимости судебной системы, повышение прозрачности политических процедур и институционализацию правового мониторинга. Кроме того, исследование может быть полезно для международных организаций, занимающихся оценкой состояния демократии и правового государства. Таким образом, предлагаемая статья ставит перед собой задачу не только анализа текущих правовых реалий, но и формулирования новой исследовательской перспективы, способной объяснить глубинные изменения в структуре конституционного порядка, выявить их причины и предложить адекватные правовые средства для обеспечения его устойчивости в XXI веке.

Теоретико-методологические основы исследования трансформации конституционализма

Историко-правовой анализ развития идеи конституционализма позволяет выявить ключевые парадигмы, на основе которых на протяжении столетий строилось нормативное понимание устройства государственной власти. Классическая модель конституционализма, оформленная в эпоху Нового времени, базировалась на трёх фундаментальных опорах: доктрине ограничения власти, принципе разделения властей и идее естественных, неотчуждаемых прав человека. Эти принципы, сформулированные в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Дж. Мэдисона и других мыслителей, положили начало эпохе правового государства и рациональной организации публичной власти, ограниченной законом. Конституционализм выступал не просто юридическим институтом, а идеологией, утверждающей приоритет закона над произволом и обеспечивающей институциональные гарантии автономии личности. В этом контексте Конституция рассматривалась как акт высшей юридической силы, задающий пределы и формы осуществления власти, создавая условия для формирования свободного и ответственного политического сообщества.

Однако в ходе эволюции правовых систем в XX–XXI веках наблюдается процесс, обозначаемый как «модернизация» конституционализма, заключающаяся в переходе от формальной модели — сосредоточенной на структуре и процедурах, — к субстантивному, или содержательному, пониманию. В рамках формального конституционализма государство считается конституционным в силу наличия определённой организационной формы, провозглашённого разделения властей и внешнего соблюдения демократических процедур. Однако, как отмечает D. J. Elazar [81], подобная модель способна сохраняться даже при эрозии демократического содержания и утрате реальных механизмов сдержек. В противоположность ей, субстантивный подход исходит из оценки того, в какой мере государственные институты реально обеспечивают права и свободы граждан, действуют в условиях транспарентности и подотчётности, и соответствуют идеалам справедливости. Именно субстантивное измерение становится центральным для оценки конституционного порядка в современных условиях, когда формальное соблюдение процедур всё чаще используется для легитимации антидемократических практик.

Методологически исследование трансформации конституционализма требует опоры на несколько взаимосвязанных теоретических рамок. Одной из них является

институциональный подход, развивающийся в работах D. C. North^[9]. Согласно этой традиции, правовые и политические институты рассматриваются как формальные и неформальные правила, устойчиво воспроизводящие определённый порядок общественного взаимодействия. Трансформация конституционализма, следовательно, может быть интерпретирована как институциональное изменение — не всегда открытое или радикальное, но часто кумулятивное и эволюционное, приводящее к смещению центра тяжести от публичной ответственности к бюрократической или харизматической легитимации.

Не менее важной методологической опорой служит теория правового государства. Она позволяет акцентировать внимание на нормативной природе публичной власти и её ограниченности через закон. Однако современные вызовы, включая рост нелиберальных режимов, заставляют переосмысливать и эту доктрину — в частности, в направлении исследования механизмов имитации правового государства и инструментализации права в условиях авторитарного правления. В этой связи особое значение приобретает подход, предложенный S. Levitsky и D. Ziblatt^[10], где они описывают феномен «мягкой автократии» — постепенного демонтажа демократических институтов при формальном сохранении их структуры и функционирования.

Комплементарной к данной теоретической рамке является концепция «эрозии демократии», активно обсуждаемая в работах Y. Mounk^[11], J. Kyle^[12] и других. Исследователи подчёркивают, что в современных условиях подрыв демократических механизмов происходит не посредством откровенных переворотов, а через «институциональный дрифт», в рамках которого элиты приспосабливают правила игры под собственные интересы, не разрушая формально правовую оболочку системы. Это приводит к парадоксальной ситуации, когда внешне демократическое государство сохраняет все признаки конституционного устройства, однако по сути утрачивает подлинную демократичность, плюрализм и подотчётность.

В этом контексте особое внимание заслуживает переосмысление самого понятия «трансформация». Традиционно в правовой науке трансформация связывалась с формальными изменениями в правовой системе: принятием новых конституций, реформами институтов, переходом от одного режима к другому. Однако современные процессы требуют иного подхода: трансформация чаще всего проявляется не в смене форм, а в подмене содержания. Речь идёт о явлении, когда институциональная оболочка — парламент, суды, выборы — сохраняется, но наполняется иным смыслом: парламент превращается в инструмент доминирующей партии, суды — в механизм легитимации решений исполнительной власти, а выборы — в ритуал подтверждения лояльности. Эта ситуация ярко описана A. Innes^[13] и который называет её «захватом государства».

Таким образом, теоретико-методологическая основа исследования трансформации конституционализма должна учитывать множественность подходов, в том числе институциональный, субстантивный, критико-правовой и сравнительно-правовой анализ. Только при комплексном рассмотрении можно адекватно зафиксировать и объяснить глубокие изменения, происходящие в структуре публичной власти и в механизмах правового регулирования в современных государствах. Это открывает пространство для формирования нового понятийного аппарата, позволяющего описывать постдемократические, гибридные и квазиправовые режимы, которые всё чаще становятся реальностью в глобальной политико-правовой системе.

Кризис демократических институтов: симптом или новая парадигма?

Современное состояние демократических институтов всё чаще оказывается в центре научных дискуссий, фокус которых смещается от классической интерпретации кризиса как временного функционального сбоя к восприятию происходящего как системной трансформации, затрагивающей саму природу представительной демократии. В традиционном понимании кризис демократии представлялся отклонением от нормы, требующим корректирующих мер и институционального «ремонта». Однако на рубеже XX–XXI веков перед исследователями открылась иная картина: наблюдаемые явления всё чаще не носят характер исключения, а становятся устойчивыми признаками новой политico-правовой реальности, в которой прежние механизмы репрезентации и сдержек утрачивают свою нормативную и практическую значимость.

Одним из центральных симптомов этого явления становится институциональный кризис представительной демократии, выражающийся в прогрессирующей делегитимации органов парламентского представительства. Согласно данным исследовательского центра Pew Research Center, в большинстве демократических государств наблюдается устойчивое снижение доверия граждан к парламентам как к эффективному и подотчётному институту. В частности, ежегодное исследование «Public Trust in Government: 1958–2024» демонстрирует устойчивое снижение доверия к Конгрессу, правительству и судам в США — всего 22% взрослого населения ныне высказывают доверие федеральному правительству. Аналогичную тенденцию фиксируют и в Европе. Так, доклад «Trust, public engagement and UK Parliament» (май 2024): демонстрирует рост доли людей с «низким или нулевым» доверием к депутатам (с 54% в 2014 до 76% в 2024), подчёркивая: парламент превращается в закрытый механизм, где важна партийная дисциплина, а не воля избирателей. Электоральные процессы, которые исторически воспринимались как главный инструмент демократической легитимации, утрачивают свою мобилизующую функцию: уровень явки падает, особенно среди молодёжи, а результаты голосования всё чаще оспариваются в судебном порядке, свидетельствуя о снижении доверия к прозрачности и справедливости выборов.

В этой связи обостряется проблема формализации политического участия: несмотря на наличие правовых процедур, гарантирующих свободу выражения воли граждан, сами механизмы участия нередко сводятся к ритуальным действиям без реального воздействия на принятие решений. Политическая активность в её традиционных формах — участие в партиях, обращение к депутату, публичные собрания — замещается цифровыми форматами, которые, несмотря на доступность, часто оказываются менее эффективными в плане обратной связи. В условиях институциональной инерции граждане демонстрируют растущий уровень фruстрации, что, в свою очередь, создаёт благоприятную почву для популистской риторики, обещающей «прямой голос народа» в обход репрезентативных структур.

Популизм как политico-правовой феномен в современных демократиях приобретает не только культурную, но и институциональную форму. Его наиболее опасная грань проявляется в мажоритарной инструментализации демократических процедур, когда победа на выборах используется как мандат на демонтаж систем сдержек и противовесов. В ряде государств (например, в Венгрии, Турции, Польше) зафиксирована практика так называемого конституционного популизма, при котором правящая партия, ссылаясь на «волю народа», последовательно ограничивает независимость судебной власти, перераспределяет полномочия в пользу исполнительной ветви и усиливает контроль над СМИ. В частности, G. Halmai исследуя феномен «популистского конституционализма» в Венгрии после 2010 года, отмечает, что новая базовая конституция и законодательные реформы формально поддерживают институт парламента,

судебную систему и выборы, но фактически превращают их в «легитиматоры» доминирующей партии Fidesz [\[14\]](#).

Особую тревогу вызывает технологизация политического процесса, сопровождающаяся внедрением цифровых алгоритмов, позволяющих не только отслеживать и анализировать политические предпочтения граждан, но и активно манипулировать ими. С развитием «больших данных», нейросетей и платформенного управления наблюдается переход от классических форм агитации к целевому воздействию через индивидуализированные месседжи, формируемые на основе поведенческих данных. Эта тенденция получила наибольшее развитие в ходе избирательных кампаний в США (2016), Великобритании (Brexit) и Бразилии (2018), где цифровые технологии были использованы для создания альтернативной реальности, формирующей у граждан когнитивный пузырь и препятствующей рациональному обсуждению общественно значимых вопросов. Как подчёркивает S. Zuboff, речь идёт не просто о средствах политического маркетинга, а о новой парадигме цифрового контроля, подрывающей саму возможность автономного политического выбора [\[15\]](#).

Наконец, следует обратить внимание на то, что перечисленные явления не являются уникальными или ограниченными отдельными регионами: напротив, они приобретают глобальный характер, охватывая как устоявшиеся либеральные демократии, так и посттрансформационные режимы. Примером институциональной деградации при сохранении внешней архитектуры демократии выступают такие государства, как Венгрия, где после прихода к власти партии Fidesz были внесены масштабные изменения в Конституцию, существенно ограничившие полномочия Конституционного суда; Польша, где в 2017 году был принят закон о реформе судебной системы, вызвавший обеспокоенность Европейской комиссии; Турция, в которой после попытки государственного переворота 2016 года была введена новая конституционная модель, сконцентрировавшая власть в руках президента. Даже Соединённые Штаты Америки, традиционно рассматриваемые как оплот демократических институтов, оказались под ударом после событий 6 января 2021 года, когда был поставлен под сомнение сам принцип мирной передачи власти.

Таким образом, наблюдаемая деградация демократических институтов выходит за рамки простого «кризиса» и требует переосмыслиния в терминах глубинной трансформации. Вопрос заключается не столько в том, сохраняются ли формальные механизмы демократии, сколько в том, остаются ли они функционально жизнеспособными в условиях новых политико-технологических реалий. Ответ на этот вопрос требует дальнейшего теоретико-правового осмыслиения и разработки концептуального аппарата, способного адекватно описывать феномен адаптационного конституционализма в эпоху постдемократического развития.

Эрозия верховенства права: переход к «гибридной» нормативности

Классическое понимание верховенства права, сформулированное в трудах A. Dicey [\[16\]](#) и L. Fuller [\[17\]](#), базировалось на постулатах правовой универсальности, равенства всех перед законом и недопустимости произвола со стороны государственных органов. В частности, A. Dicey подчёркивал недопустимость произвольного вмешательства исполнительной власти в сферу частных прав, что оставалось краеугольным камнем либерального конституционализма. L. Fuller, в свою очередь, настаивал на внутренней «моральности права», утверждая, что закон должен быть общим, публичным, стабильным и логически последовательным. Однако в условиях XXI века наблюдается

институциональная эрозия верховенства права как ценностной основы публичной власти, приводящая к изменению его реального содержания при формальном сохранении юридических признаков.

Вместо прямого нарушения норм права речь идёт о более глубокой трансформации, при которой принцип верховенства права утрачивает свою ограничивающую функцию и используется как формально-риторический элемент для легитимации властных решений. Этот процесс сопровождается переходом от модели «*rule of law*» к модели «*rule by law*», в рамках которой право перестаёт быть универсальным арбитром и всё чаще выступает как инструмент институционализации политической воли. Селективное правоприменение, административная целесообразность, подчинение судебных решений текущей политике — всё это указывает не столько на правонарушение в классическом смысле, сколько на переопределение конституционного содержания самого принципа.

Особенно отчётливо этот сдвиг проявляется в росте исполнительной дискреции: увеличиваются полномочия исполнительной власти, ослабляются парламентский контроль и судебные механизмы сдержек. В ряде государств правительственные органы прибегают к изданию нормативных актов с квазизаконной силой, минуя парламентские процедуры. Это нарушает институциональный баланс и ведёт к формализации права при утрате его субстанциальной (ограничивающей) роли. Иначе говоря, происходит разделение формы и содержания права, при котором юридическая оболочка сохраняется, но заполняется иным — политico-административным — содержанием.

Одним из ключевых индикаторов этой трансформации выступает политизация судебной власти. Независимость суда, как гаранта справедливого и беспристрастного правосудия, оказывается уязвимой перед вмешательством со стороны исполнительной власти, в том числе через механизмы назначения, финансирования и дисциплинарного давления. Подобные процессы задокументированы в ряде европейских государств, включая Польшу, Венгрию и Турцию, где предпринимаются институциональные реформы, перераспределяющие властные полномочия в пользу исполнительной ветви, что вызвало резкую реакцию со стороны Венецианской комиссии и Европейского суда по правам человека.

Роль наднациональных правовых механизмов в этих условиях возрастает. Практика ЕСПЧ, в частности решения по делам *"Vaka v. Hungary"* и *"Brusco v. France"*, подчёркивает недопустимость давления на судей и политической инструментализации права. Венецианская комиссия в своих заключениях акцентирует внимание на необходимости укрепления институциональной независимости судов, прозрачности процедур и устойчивости к политическим воздействиям.

В этих условиях всё чаще проявляется феномен «гибридной» нормативности — ситуации, в которой внешняя правовая форма сохраняется, но её внутренняя нормативная природа деформирована. Подобная нормативность выражается в ритуализации правосудия, симуляции юридических процедур и подмене правовых критериев политическими. Как отмечал J. Habermas, подобная трансформация ведёт к размыванию границ между легальностью и легитимностью, подрывая доверие к правовой системе и подменяя её миссию по обеспечению справедливости процедурной фикцией [\[18\]](#).

Таким образом, речь идёт не о политкорректной формулировке нарушения закона, а о качественном изменении природы публичного правопорядка, в котором верховенство права редуцируется до инструмента управления, утратив функцию институционального сдерживания власти. Эта трансформация и составляет один из ключевых признаков

современного кризиса конституционализма.

Трансформация современного конституционализма: институциональные следствия и правовые риски

Современные процессы трансформации конституционализма происходят не только в плоскости формальных институтов, но и на уровне базовых смыслов, определяющих правовую идентичность политических систем. Отказ от либерального ядра, на протяжении двух столетий формировавшего нормативную ось конституционного порядка, происходит на фоне смещения акцента с содержания норм на их процедурную оболочку. Возникает своеобразная парадоксальность: юридическая форма сохраняется, а правовая сущность исчезает. Этот феномен можно охарактеризовать как «инструментализацию конституционализма», при которой конституционные нормы превращаются из средства ограничения власти в инструмент её институциональной стабилизации и воспроизводства. В этом аспекте конституционализм теряет свою антагонистическую природу по отношению к произволу власти и приобретает черты управляемого нормативного каркаса, призванного обслуживать властную вертикаль.

Особенно ярко данная трансформация проявляется на уровне конституционного дизайна, где в последние десятилетия наблюдается тенденция к созданию так называемых «адаптивных» конституций. Эти тексты оформляются как демократические, они включают целый набор универсальных прав и свобод, формальные гарантии независимости судов, принцип разделения властей и политического плюрализма. Однако при внимательном анализе становится очевидно, что данные положения либо не снабжены эффективными механизмами реализации, либо дополняются такими юридическими оговорками, которые фактически обнуляют их значение. Подобные «гибридные» конституции всё чаще встречаются не только в государствах с явно авторитарным уклоном, таких как Венгрия, Венесуэла, Турция, но и в государствах с формально устойчивыми демократическими институтами, где политическая воля элит направлена на консервацию власти.

В частности, D. Landau подчёркивает, что в условиях так называемой авторитарной конституционной инженерии конституция теряет своё первоначальное значение в качестве инструмента ограничения и контроля. Он вводит понятие «*abusive constitutionalism*» — использование конституционных процедур, таких как поправки и замена конституции, для постепенного подрыва демократии [19]. Конституция становится не средством контроля власти, а инструментом институционализации автократии под прикрытием легальности. Конституционное право в такой системе больше не исполняет функции нормативного щита общества, оно подчинено задаче структурного воспроизводства власти. Именно здесь возникает угроза «конституционального симулякра», который характеризуется сохранением символических и процедурных атрибутов демократии — парламентаризм, выборность, судебный контроль, декларированная защита прав человека — при полном отсутствии их содержательной реализации.

Философская категория симулякра, предложенная J. Baudrillard [20], как нельзя лучше описывает данное явление: вместо правового государства — его имитация, вместо судебной независимости — институциональная декорация, вместо разделения властей — тщательно выстроенный фасад. При этом внешняя риторика правового государства продолжает воспроизводиться как внутри, так и на международной арене, что создаёт эффект двойного обмана — как внутреннего, так и внешнего. При этом конституционализм в условиях симуляции утрачивает свою антологическую основу,

превращаясь в механизм политico-правового театра, где акты, процедуры и институты выполняют ритуальные, а не регулятивные функции.

На практике это приводит к возникновению своеобразного институционального дуализма: с одной стороны, формально функционирующие органы публичной власти, а с другой — система неформального управления, основанная на контроле, лояльности и исключении оппозиции. Например, в ряде государств постсоветского пространства наблюдается устойчивое сосуществование парламентов и президентских актов, судов и внесудебных процедур давления, свободы слова и государственной цензуры. Всё это в совокупности создаёт правовую иллюзию демократии, которая, однако, не в состоянии гарантировать ни подлинную политическую конкуренцию, ни защиту прав и свобод личности.

Кроме того, трансформация современного конституционализма сопровождается институциональным пересмотром роли и функций ключевых механизмов правовой системы. Верховные суды, конституционные советы и иные органы судебного контроля всё чаще становятся объектом политического давления, а иногда — прямого захвата. Назначение судей происходит по критерию политической лояльности, а решения выносятся не на основании принципов справедливости и закона, а в угоду текущей политической целесообразности. В результате происходит разрушение самой основы конституционного правопорядка — принципа верховенства конституции как высшего юридического ориентира.

Следовательно, происходящие процессы можно охарактеризовать как «контрреволюцию против конституционализма», в ходе которой авторитарные режимы адаптируют правовую форму для своих нужд, не уничтожая институты напрямую, но искажая их изнутри. Это подтверждают исследователи [21], которые описывают механизмы популистских конституционных реформ, направленных на сохранение видимости демократии, несмотря на фактическое разрушение процессуальных и институциональных сдержек. Данное явление представляет особую опасность, поскольку создаёт видимость нормального функционирования правового порядка при фактическом отсутствии подлинной правовой реальности. Сопротивление этим процессам требует не только правовых инструментов, но и нового концептуального подхода к оценке качества и подлинности конституционных систем, в том числе с позиций международного права и сравнительной юриспруденции.

В конечном счёте, речь идёт о фундаментальном сдвиге в природе конституционного права, при котором оно из средства защиты личности и ограничения власти превращается в механизм её политico-юридического воспроизводства. И если раньше основным критерием легитимности конституционного порядка считалась его способность обеспечивать баланс между ветвями власти и защиту прав человека, то теперь на первый план выходит управляемость, стабильность и контроль — даже ценой отказа от сущностных основ правового государства. Именно поэтому анализ трансформации современного конституционализма должен выходить за рамки сугубо юридических категорий и учитывать политическую волю, культурные установки и институциональные практики, в которых он реализуется.

Пути реагирования: сохранение институционального баланса в условиях трансформации

Современный конституционализм, оказавшийся в условиях политических, технологических и социокультурных изменений, сталкивается с необходимостью выработки эффективных механизмов адаптации и устойчивости. Трансформация конституционных институтов не обязательно сопровождается их формальной отменой;

напротив, чаще происходит изменение их функций и смыслов, что требует гибких и содержательных форм правового реагирования.

Одним из ключевых направлений такого реагирования остаётся развитие и укрепление внутригосударственных правовых механизмов, обеспечивающих воспроизведение демократических основ конституционного строя. В частности, значимую роль продолжает играть институт парламентского контроля, несмотря на наблюдавшую в ряде юрисдикций тенденцию к его ослаблению. При наличии политической воли и институциональных гарантий, парламент способен эффективно реализовывать контрольную функцию в отношении исполнительной власти, поддерживая необходимый баланс. Примером служит практика Великобритании, где парламент сохраняет активную роль в контроле над действиями правительства и участвует в публичной оценке правомерности его решений.

Особое место в механизмах институциональной устойчивости занимает институт конституционного контроля. Конституционные (или аналогичные им) суды выступают не только арбитрами по вопросам соответствия нормативных актов основному закону, но и гарантом субстанциальных принципов правопорядка — прав и свобод человека, разделения властей, законности. Эффективность данной функции во многом определяется фактической независимостью судебной власти, уровнем профессиональной автономии судей и устойчивостью к политическому давлению. Как подчёркивает R.

Hirschl [22], качество конституционного правосудия прямо связано с уровнем демократической зрелости общества и политической культуры. В условиях роста вызовов независимости судов возрастает значимость процедур правового диалога между ветвями власти, институционализированных форм медиации и открытых каналов экспертного взаимодействия.

Наряду с формальными государственными структурами, всё более значимую роль в поддержании баланса в условиях трансформации приобретает гражданское общество. Его деятельность не противопоставляется государству, но выполняет компенсационную и восполняющую функцию в тех случаях, когда традиционные институты испытывают функциональные затруднения. Негосударственные правозащитные организации, независимые средства массовой информации, общественные объединения, экспертные и академические структуры способствуют сохранению устойчивости правового порядка посредством правового просвещения, участия в обсуждении законопроектов, подачи коллективных исков и правовых обращений в международные инстанции. Такая активность может усиливать горизонтальные каналы легитимации и вовлечения граждан в публичную политику, особенно в условиях ограниченного политического плюрализма и снижения конкуренции в представительских органах власти. Как подчёркивает М.Ю.

Власенко [23], именно гражданское общество в подобных условиях играет роль посредника между обществом и властью, содействуя поддержанию конституционного равновесия в условиях институционального напряжения.

На международном уровне усиливается роль наднациональных и межгосударственных институтов, выполняющих функцию внешнего мониторинга соблюдения демократических стандартов и принципа верховенства права. Европейский суд по правам человека, Венецианская комиссия Совета Европы, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и другие организации формируют правовые рамки, способствующие соблюдению фундаментальных стандартов. Эти структуры действуют в логике субсидиарности, предоставляя государствам пространство для реализации национального суверенитета при условии соблюдения базовых правовых обязательств. Практика Европейского союза в отношении стран-членов, в частности Венгрии и Польши,

илюстрирует возможность применения инструментов правового давления, включая мониторинг, экспертную оценку, правовые процедуры и санкционные механизмы, направленные на коррекцию отклонений от конституционных стандартов [\[24\]](#).

В условиях трансформации конституционного порядка всё большее значение приобретает возвращение к субстантивной модели конституционализма, ориентированной не на формальное соответствие процедурным требованиям, а на подлинное содержание демократического правопорядка. Интересным примером здесь выступает процесс конституционного обновления в Чили, начатый в ответ на массовые протесты 2019 года. Созыв Конституционной конвенции с участием представителей различных социальных групп, включая коренные народы и женщин, стал попыткой институционализировать более инклюзивную и легитимную модель конституционной реформы [\[25\]](#).

Аналогичный интерес представляет и случай Исландии, где, несмотря на последующее отклонение проекта новой конституции, был реализован важный эксперимент по расширению гражданского участия в разработке основополагающего нормативного акта. Такие кейсы демонстрируют возможность перехода к более открытым формам конституционного обновления, в которых содержание и процесс становятся равнозначными элементами легитимации.

Таким образом, реагирование на вызовы трансформации современного конституционализма требует не только защиты существующих институтов, но и активного обновления конституционной культуры, способной объединить государственные и негосударственные ресурсы. Устойчивость правового порядка в XXI веке определяется не только строгостью конституционного текста, но и зрелостью институтов, уровнем гражданского участия и способностью к воспроизведству ценностей демократии, прав человека и верховенства права в условиях перемен.

Заключение

Анализ трансформации современного конституционализма приводит к неизбежному выводу о том, что кризис демократических институтов и ослабление принципа верховенства права не являются исключительно ситуативными или временными явлениями. Напротив, они выступают симптомами более глубоких и системных изменений в самой логике конституционного правопорядка. Происходящее нельзя сводить к ошибкам конкретных режимов или правовых неудачам — можно говорить о метаморфозе всей нормативной матрицы, в рамках которой конституционализм перестаёт быть гарантией свободы и становится формой адаптации власти к новым вызовам глобальной нестабильности. Такие процессы отмечаются в научных трудах исследователей: например, M. Tushnet настаивает на необходимости переосмысливания самого понятия «либерального конституционализма» в условиях постлиберальной эпохи [\[26\]](#).

Конституционализм XXI века всё более явно обретает очертания не как фиксированный набор норм и процедур, а как поле борьбы — не столько за форму, сколько за содержание. Формальное присутствие институтов и процедур, ранее считавшихся оплотом демократии — парламентов, судов, выборов, конституционных норм, — больше не гарантирует реализации их сущностного назначения. Именно поэтому акцент смещается с внешней формы к внутреннему наполнению, с нормативной риторики к институциональной практике. Это обуславливает необходимость обращения к критической теории конституционного права, позволяющей вскрыть механизмы нормативной симуляции и институционального камуфляжа.

Прогноз развития современных конституционных режимов не допускает промежуточных сценариев. Перед обществами стоит принципиальный выбор между институциональной деградацией, выражющейся в постепенном демонтаже или симуляции демократических институтов, и возрождением конституционализма как механизма реального сдерживания власти, гарантирующего устойчивость и инклюзивность политической системы. В условиях глобального политического давления, цифровой трансформации публичной сферы и роста технократического управления, прежние рецепты правового государства оказываются недостаточными. Поэтому значительную актуальность приобретают проекты «адаптивного конституционализма», ориентированные на социальную справедливость, экологическую устойчивость и институциональную подотчётность. В этом контексте интерес представляет пример конституционной реформы в Чили, где под давлением массовых протестов была инициирована процедура полной замены прежней конституции на основании широкого общественного участия. Также примечателен случай Исландии, где проект новой конституции разрабатывался в формате открытого диалога с гражданами и при активной цифровой поддержке.

Такое развитие требует не просто правовой модернизации, но и глубокого переосмысления самих научных подходов к теории конституционализма. Сложившиеся в XIX–XX веках доктринальные основания либерального правопорядка больше не отвечают новым вызовам — как в силу своей избыточной формалистичности, так и в связи с невозможностью адекватно отразить сложные взаимодействия между внутренними и глобальными механизмами регулирования. Следовательно, необходим критический пересмотр концептуального аппарата, используемого в отечественной и международной конституционалистике. Это касается как понятия суверенитета, так и понимания прав человека, баланса властей, источников легитимности и роли гражданского общества. Новая исследовательская повестка должна быть ориентирована не только на защиту устаревших парадигм, но и на разработку интегративных моделей, способных учитывать изменчивость современной реальности, не утратив при этом нормативной целеустремлённости и гуманистического измерения конституционного права.

Таким образом, заключительный этап исследования подводит к выводу о том, что современный конституционализм находится на критическом распутье. Его дальнейшая судьба будет зависеть от способности научного сообщества, институтов гражданского общества и международных организаций переосмыслить накопленный опыт, выйти за пределы формальных ритуалов и вернуть содержательную значимость фундаментальным ценностям правового порядка.

Библиография

1. Đuković M. Backsliding Rule of Law and “Stabilitocracy” in Montenegro // In: Mihr A., Pierobon C. (eds) Polarization, Shifting Borders and Liquid Governance. Cham: Springer, 2024. C. 213-228.
2. Ginsburg T., Huq A.Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 320 c.
3. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // The Modern Law Review. 2024. Vol. 87, No. 4. C. 799-832.
4. Adamidis V. Democracy, populism, and the rule of law: A reconsideration of their interconnectedness // Politics. 2021. Vol. 44, No. 3. C. 386-399.
5. Scheppele K.L. The Rule of Law and the Frankenstate: Why Governance Checklists Do Not Work // Governance. 2013. Vol. 26, No. 4. C. 559-562.
6. Lindsay M.J. The Presumptions of Classical Liberal Constitutionalism // Iowa Law Review.

2017. Vol. 102. C. 259-300.
7. Vermeule A. Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition. Polity, 2022. 270 c.
8. Elazar D.J. Covenant and Civil Society: The Constitutional Matrix of Modern Democracy. 1998. 414 c.
9. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 c.
10. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. 2018. 240 c.
11. Mounk Y. People vs. Democracy-Why Our Freedom Is in Danger and How to Save It. London: Harvard University Press, 2018. 393 c.
12. Kyle J., Mounk Y. The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment. Tony Blair Institute for Global Change, December 2018. 42 c.
13. Innes A. The Political Economy of State Capture in Central Europe // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 52, No. 1. C. 88-104.
14. Halmai G. Is There Such Thing as 'Populist Constitutionalism'? : The Case of Hungary // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, No. 3. C. 323-339. DOI: 10.1007/s40647-018-0211-5.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2019. 704 c.
16. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: Macmillan, 1885. 584 c.
17. Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven, CT: Yale University Press, 1964. 272 c.
18. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 676 c.
19. Landau D. Abusive Constitutionalism // U.C. Davis Law Review. 2013. Vol. 47, No. 1. C. 189-260.
20. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Éd. Galilée, 1981. 172 c.
21. Ginsburg T., Huq A.Z., Versteeg M. The Coming Demise of Liberal Constitutionalism? // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, No. 2. C. 239-255.
22. Hirsch R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 294 c.
23. Vlasenko M.Y. Problems of Civil Society Formation in Russia // Journal of Governance and Politics. 2019. No. 1 (4). C. 3.
24. Sedelmeier U. Political Safeguards Against Democratic Backsliding in the EU: The Limits of Material Sanctions and the Scope of Social Pressure // Journal of European Public Policy. 2016. Vol. 24, No. 3. C. 337-351.
25. Heiss C., Suárez-Cao J. Constitution-Making in the 21st Century: Lessons from the Chilean Process // PS: Political Science & Politics. 2024. C. 1-4.
26. Tushnet M.V. A New Constitutionalism for Liberals? // N.Y.U. Rev. Law & Soc. Change. 2003. Vol. 28. C. 357-360.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "... теоретико-методологическая основа исследования трансформации конституционализма должна учитывать множественность подходов, в том числе институциональный, субстантивный, критико-правовой и сравнительно-правовой анализ. Только при комплексном рассмотрении можно адекватно зафиксировать и объяснить глубокие изменения, происходящие в структуре публичной власти и в механизмах правового регулирования в современных государствах. Это открывает пространство для формирования нового понятийного аппарата, позволяющего описывать постдемократические, гибридные и квазиправовые режимы, которые всё чаще становятся реальностью в глобальной политико-правовой системе".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современный этап развития государственности ознаменован нарастающим кризисом демократических институтов и постепенной эрозией фундаментального принципа верховенства права, что отражает более широкие трансформации внутри конституционного правопорядка. В условиях ускоряющейся политической турбулентности, нарастающей институциональной нестабильности и кризиса доверия к традиционным формам представительной демократии наблюдается возврат к практикам концентрации власти, политической инструментализации правовых институтов и селективного правоприменения. Эти процессы охватывают как молодые, так и зрелые демократии, порождая феномен, который в западной литературе обозначается как *erosion of the rule of law*, или «эрозия верховенства права» [1]. Именно в этом контексте обостряется необходимость переосмысливания конституционализма не только как нормативной конструкции, но и как динамически меняющегося политico-правового явления. Актуальность настоящего исследования определяется как внутренними, так и внешними факторами: с одной стороны, наблюдается тенденция к демонтажу институциональных сдержек, обеспечивающих баланс властей, с другой — усиливается тенденция к нормализации правового популизма, подменяющего подлинные механизмы народного представительства формальной демократической риторикой" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы заключается "... в разработке и введении в научный оборот категории «трансформированный конституционализм» как аналитической модели, позволяющей комплексно осмыслить происходящие сдвиги в правовых системах различных государств" и

проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, наблюдаемая деградация демократических институтов выходит за рамки простого «кризиса» и требует переосмысливания в терминах глубинной трансформации. Вопрос заключается не столько в том, сохраняются ли формальные механизмы демократии, сколько в том, остаются ли они функционально жизнеспособными в условиях новых политico-технологических реалий. Ответ на этот вопрос требует дальнейшего теоретико-правового осмысливания и разработки концептуального аппарата, способного адекватно описывать феномен трансформированного конституционализма в эпоху постдемократического развития"; "Таким образом, анализ ослабления верховенства права демонстрирует не просто временные затруднения или институциональные сбои, а глубокую трансформацию содержания и функций этого принципа в условиях изменяющейся политico-правовой среды. Отступление от универсальности и нейтральности правовой нормы, рост исполнительной произвольности, вмешательство в деятельность судов и селективное правоприменение формируют качественно иную правовую реальность, которая требует переосмысливания понятийного аппарата современного конституционного права и разработки механизмов, способных гарантировать реальную, а не номинальную защиту

прав человека и правовое ограничение государственной власти"; "В конечном счёте, речь идёт о фундаментальном сдвиге в природе конституционного права, при котором оно из средства защиты личности и ограничения власти превращается в механизм её политico-юридического воспроизведения. И если раньше основным критерием легитимности конституционного порядка считалась его способность обеспечивать баланс между ветвями власти и защиту прав человека, то теперь на первый план выходит управляемость, стабильность и контроль — даже ценой отказа от сущностных основ правового государства. Именно поэтому анализ трансформации современного конституционализма должен выходить за рамки сугубо юридических категорий и учитывать политическую волю, культурные установки и институциональные практики, в которых он реализуется"; "Таким образом, ответ на трансформацию современного конституционализма заключается не только в обороне существующих институтов, но и в активном обновлении конституционной культуры, опирающемся на принципы подлинной демократии, уважения к правам человека и верховенства права. Устойчивость конституционного порядка в XXI веке определяется не столько жёсткостью текстов, сколько гибкостью и зрелостью институтов, а также способностью общества осознанно участвовать в его воспроизведстве" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и методологию. В основной части работы автор выявляет механизмы и направления трансформации современного конституционализма через призму двух ключевых феноменов: кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Следовательно, происходящие процессы можно охарактеризовать как «контрреволюцию против конституционализма», в ходе которой авторитарные режимы адаптируют правовую форму для своих нужд, не уничтожая институты напрямую, но искашая их изнутри. Это подтверждают исследователи [16], которые рассматривают, как авторитарные режимы современности адаптируют правовую форму для собственных целей, не уничтожая институты, но искашая их изнутри" - имеется повтор текста.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 21 источником (монографиями и научными статьями) на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (A. Dicey, L. Fuller и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Анализ трансформации современного конституционализма приводит к неизбежному выводу о том, что кризис демократических институтов и ослабление принципа верховенства права не являются исключительно ситуативными или временными явлениями. Напротив, они выступают симптомами более глубоких и системных изменений в самой логике конституционного правопорядка. Происходящее нельзя сводить к ошибкам конкретных режимов или правовых неудачам — перед нами метаморфоза всей нормативной матрицы, в рамках которой конституционализм перестаёт быть гарантией свободы и становится формой

адаптации власти к новым вызовам глобальной нестабильности. Такие процессы отмечаются в научных трудах исследователей: например, M. Tushnet настаивает на необходимости переосмысления самого понятия «либерального конституционализма» в условиях постлиберальной эпохи [21]. Конституционализм XXI века всё более явно обретает очертания не как фиксированный набор норм и процедур, а как поле борьбы — не столько за форму, сколько за содержание. Формальное присутствие институтов и процедур, ранее считавшихся оплотом демократии — парламентов, судов, выборов, конституционных норм, — больше не гарантирует реализации их сущностного назначения. Именно поэтому акцент смещается с внешней формы к внутреннему наполнению, с нормативной риторики к институциональной практике. Это обуславливает необходимость обращения к критической теории конституционного права, позволяющей вскрыть механизмы нормативной симуляции и институционального камуфляжа. Прогноз развития современных конституционных режимов не допускает промежуточных сценариев. Перед обществами стоит принципиальный выбор между институциональной деградацией, выражющейся в постепенном демонтаже или симуляции демократических институтов, и возрождением конституционализма как механизма реального сдерживания власти, гарантирующего устойчивость и инклюзивность политической системы. В условиях глобального политического давления, цифровой трансформации публичной сферы и роста технократического управления, прежние рецепты правового государства оказываются недостаточными. Поэтому значительную актуальность приобретают проекты «нового конституционализма», ориентированные на социальную справедливость, экологическую устойчивость и институциональную подотчётность" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права как элементов трансформации современного конституционализма. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, конституционно-правовая регламентация механизмов обеспечения демократических институтов, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди использованных автором методов особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать историко-правовой анализ, который «позволяет выявить ключевые парадигмы, на основе которых на протяжении столетий строилось нормативное понимание устройства государственной власти»; институциональный подход, в соответствии с которым «правовые и политические институты рассматриваются как

формальные и неформальные правила, устойчиво воспроизводящие определённый порядок общественного взаимодействия»; сравнительно-правовой подход, позволивший соотнести модели трансформации, имеющие место в разных государствах.

Актуальность разработки заявленной темы высока в свете видоизменения конституционно-правовых механизмов в различных странах: «Примеры Венгрии, Польши, Турции, а также политические процессы в США и Бразилии последних лет, наглядно демонстрируют, как в рамках формально действующих демократических процедур происходит постепенная институциональная трансформация, ведущая к ослаблению механизмов правового контроля и нарушению принципа независимости судебной власти». Кроме того, процессы осмыслиения трансформации конституционализма до сих пор вызывают интерес отечественных исследований в свете принятия Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуется кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Вместе с тем в ходе изучения статьи возникает ряд вопросов принципиального свойства. Говоря об «ослаблении верховенства права», не подменяет ли автор данным понятием нарушение права по соображениям политической целесообразности? Ведь право, применяемое с нарушением, правом быть не прекращает и свойство верховенства не теряет. В противном случае мы научно легитимизуем подобное нарушение, политкорректно называя «ослаблением верховенства права».

Кроме того, в статье присутствуют оценки российского конституционализма, вызывающие недоумение. Так, автор ссылаясь на статью (Vlasenko M.Y. Problems of Civil Society Formation in Russia // Journal of Governance and Politics. 2019. No. 1 (4)), пишет: «... именно активность институтов гражданского общества позволяет в ряде случаев компенсировать дефицит парламентского представительства и судебной независимости». Что означает «дефицит парламентского представительства»? Выборы в российский парламент всех созывов законны и легитимны. В чём тогда дефицит? И не является ли мнение о «судебной независимости» голословным? Более того, исходя из логики статьи, процитированное мнение дано в обоснование следующего тезиса: «Негосударственные правозащитные организации, независимые медиа, общественные объединения и академическое сообщество становятся не только свидетелями, но и активными участниками борьбы за сохранение и восстановление подлинного конституционного порядка. Через правовое просвещение, участие в обсуждении законопроектов, подачу коллективных исков и международных жалоб они способны формировать альтернативный центр легитимности». То есть на основании голословных по сути дела утверждений мы делаем вывод о том, что отечественный конституционный порядок не является подлинным? В чем критерии подлинности и почему российский конституционализм их якобы утратил и нуждается в «восстановлении»?

Представляется, что ответы на поставленные вопросы придали бы работе должную завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в конституционно-

правовых и международно-правовых исследований. При условии определенной доработки она может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Кризис демократических институтов и ослабление верховенства права как элементы трансформации современного конституционализма».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам трансформации современного конституционализма. Автором рассматриваются современные проблемы кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права, предлагается авторская трактовка некоторых теоретических понятий, практические и теоретические выводы. Как указано самим автором, «Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке и введении в научный оборот категории «адаптивный конституционализм» как аналитической модели, позволяющей комплексно осмыслить происходящие сдвиги в правовых системах различных государств». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения нормативно-правовых актов разных стран и мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью настоящей работы является выявление механизмов и направлений этой трансформации, в частности, через призму двух ключевых феноменов: кризиса демократических институтов и ослабления верховенства права». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующих правовых актов разных стран. Например, следующий вывод автора: «Примером институциональной деградации при сохранении внешней архитектуры демократии выступают такие государства, как Венгрия, где после прихода к власти партии Fidesz были внесены масштабные изменения в Конституцию, существенно ограничившие полномочия Конституционного суда; Польша, где в 2017 году был принят закон о реформе судебной системы, вызвавший обеспокоенность Европейской комиссии; Турция, в которой после попытки государственного переворота 2016 года была введена новая конституционная модель, сконцентрировавшая власть в руках президента».

Также автором активно изучаются иные практические примеры. Например, сделан следующий важный в контексте рецензируемой работы вывод: «С развитием «больших данных», нейросетей и платформенного управления наблюдается переход от классических форм агитации к целевому воздействию через индивидуализированные месседжи, формируемые на основе поведенческих данных. Эта тенденция получила наибольшее развитие в ходе избирательных кампаний в США (2016), Великобритании

(Brexit) и Бразилии (2018), где цифровые технологии были использованы для создания альтернативной реальности, формирующей у граждан когнитивный пузырь и препятствующей рациональному обсуждению общественно значимых вопросов».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема трансформации современного конституционализма сложно и неоднозначна. Действительно, современная жизнь меняет представления о демократических институтах, о государстве, верховенстве закона. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Актуальность настоящего исследования определяется как внутренними, так и внешними факторами: с одной стороны, наблюдается тенденция к демонтажу институциональных сдержек, обеспечивающих баланс властей, с другой — усиливается тенденция к нормализации правового популизма, подменяющего подлинные механизмы народного представительства формальной демократической риторикой». Приводимые автором в статье примеры из судебной практики наглядно демонстрируют этот вопрос.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Анализ трансформации современного конституционализма приводит к неизбежному выводу о том, что кризис демократических институтов и ослабление принципа верховенства права не являются исключительно ситуативными или временными явлениями. Напротив, они выступают симптомами более глубоких и системных изменений в самой логике конституционного правопорядка. Происходящее нельзя сводить к ошибкам конкретных режимов или правовых неудачам — можно говорить о метаморфозе всей нормативной матрицы, в рамках которой конституционализм перестаёт быть гарантией свободы и становится формой адаптации власти к новым вызовам глобальной нестабильности».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению и комментированию мнений различных зарубежных ученых, что само по себе может быть значимым для ученых в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с трансформацией современного конституционализма.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, прияя к конкретным выводам по поводу трансформации современного конституционализма.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Имеются неточности в плане оформления шрифтов (имеются разные

шрифты в тексте). Данное замечание может быть исправлено в процессе редакторской правки.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Ginsburg T., Huq A.Z., Versteeg M., Kyle J., Mounk Y. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области конституционного права и теории права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития конституционного права и конституционализма в разных странах мира на современном этапе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Равинская А.В. О взаимосвязи криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.74854 EDN: KKATM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74854

О взаимосвязи криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования

Равинская Анна Владиславовна

ORCID: 0009-0006-3022-8219

аспирант; кафедра уголовного процесса и криминалистики; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Литейный просп., д. 44, Санкт-Петербург, 191014

 ann96934348@yandex.ru[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.7.74854

EDN:

KKATM

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2025

Аннотация: Объектом исследования является единство криминалистической характеристики и особенностей расследования преступлений, совершенных в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Рассмотрена история появления научного феномена «криминалистическая характеристика преступлений» и многообразие точек зрения отечественных ученых относительно его определения. Автором самостоятельно выделены наиболее значимые структурные элементы криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, раскрыто их содержание, в частности, с учетом современного состояния развития информационно-телекоммуникационных технологий и их влияния на преступность. Отмечено негативное воздействие цифровизации, детерминирующей определенное расширение содержания

структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, на процесс их раскрытия и расследования. Сделан вывод о том, что характеристика личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведения о ней безусловно предопределяют содержание иных структурных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступных деяний. Методологическую основу составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, позволяющих обеспечить объективность и всесторонность исследования. Историко-правовой метод позволил выявить особенности становления и развития криминалистической характеристики преступлений. Формально-юридический метод способствовал обеспечению системного анализа и толкованию норм действующего законодательства, эмпирический метод – изучению материалов судебной и правоприменительной практики, статистический и социологический методы – анализу официальных статистических данных, анкетированию работников органов прокуратуры. Автором также использованы логический, диалектический, индуктивный, дедуктивный методы, описание, анализ и синтез. Отдельные положения исследования демонстрируют новый подход к формированию и практическому применению характеристики личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведений о ней для процесса расследования преступлений и последующего доказывания по уголовному делу. Автором подчеркнута значимость установления точного возраста ребенка (подростка) и выявление факта осведомленности о нем виновного лица, предложены варианты разрешения обозначенной проблемы. Анализ личности субъекта преступления позволил автору внести предложения относительно видов его взаимоотношений (степени знакомства) с несовершеннолетним потерпевшим, знание которых способствует построению и проверке следственных версий, организации и планированию расследования рассматриваемых преступлений. Обоснована безусловная ценность криминалистической характеристики преступлений для качества, полноты и объективности их расследования, что обуславливает выбор определенных следственных и иных процессуальных действий, соответствующую тактику и индивидуальность их проведения, в частности, обязательность привлечения лиц, обладающих специальными знаниями.

Ключевые слова:

криминалистическая характеристика, расследование преступлений, несовершеннолетний потерпевший, личность, структурные элементы, Интернет, особенности расследования, психолог, педагог, возраст

Дети (подростки) – абсолютный приоритет каждого правового государства, обязанность которого создать условия, способствующие их всестороннему благоприятному психофизиологическому развитию, воспитанию личности.

Согласно официальным статистическим данным, число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, составило в 2020 г. 90 374, в 2021 г. – 103 335, в 2022 г. – 103 185, 2023 – 98 833, в 2024 г. – 95 843 [См.: URL: <https://www.fedstat.ru/>]. С большим сожалением признаем, их динамика не имеет тенденции к существенному снижению, что обусловлено многообразными факторами, одним из которых является возрастающая с каждым годом потребность использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Их простота и доступность стремительно привела к наличию у населения аккаунтов в различных социальных сетях, в частности, у детей дошкольного возраста. Так, Л. В. Готчина в качестве значимых причин криминализации информационного пространства выделяет

применение в нем метода рекламного воздействия и компьютеризацию молодого поколения [1, с. 50-51].

Существенно изменив нашу жизнь, технический прогресс спровоцировал появление новых преступлений и, соответственно, способов (средств, орудий) их совершения, т. е. с использованием сети Интернет: ст.ст. 105, 110, 110.1, 110.2, 111, 112, 115, 116, 117, 126, 127, 127.2, 128.1, 133, 150, 151, 230, 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Высокая общественная опасность рассматриваемых противоправных действий детерминирует их превенцию, что возможно обеспечить их своевременным выявлением, расследованием и привлечением виновных лиц к уголовной ответственности. При этом Ю. С. Пестерева и С. Е. Тимошенко подчеркивают запаздывающий характер мер, направленных на уголовно-правовое регулирование преступлений в Интернет-пространстве [2, с. 598], что недопустимо в современном государстве.

Трудов, посвященных методике расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, значительно меньше [Милованова М. М. Методика расследования сексуальных преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 239 с.; Халиуллина А. Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 180 с.; Куемжигева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 496 с.], чем посвященных методике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Признавая значимость перечисленных работ, отметим их узконаправленный характер, вследствие чего автором предпринята попытка рассмотреть в настоящем исследовании отдельные вопросы методики расследования укрупненной группы преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Отказавшись от диспута о содержании криминалистической методики расследования преступлений, выделим пять ее оптимальных структурных элементов для осуществления качественного расследования отдельных преступлений:

криминалистическая характеристика преступлений;

особенности возбуждения уголовного дела;

типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования;

обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию;

специфика производства отдельных следственных действий [3, с. 113].

Первоначально отметим, целью исследования не является анализ каждого из перечисленных структурных элементов, что позволяет сфокусировать внимание на криминалистической характеристике рассматриваемых преступлений, раскрыв при этом особенности их расследования, в частности, специфику производства отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Появление в теории криминастики термина «криминалистическая характеристика преступлений» датировано второй половиной XX в. Его содержание вызвало дискуссию среди ученых-криминалистов.

Л. А. Сергеев в числе первых определил криминалистическую характеристику преступлений в качестве особенностей преступлений, имеющих значение для следственной практики и разработки научных рекомендаций [4, с. 211]. С течением времени Р. С. Белкин сформулировал следующую дефиницию: «...совокупность следующих элементов: информация о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, о вероятной личности преступника и предполагаемых мотивах его поведения, а также о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка)» [5, с. 114]. Впоследствии он предложил упразднить рассматриваемую научную категорию по причине ее несоответствия академическим требованиям, объяснив, что она стала «криминалистическим фантомом» [6, с. 39]. Точку зрения автора разделили Е. П. Ищенко и А. А. Топорков, предложив вместо рассматриваемого термина варианты «обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию» и «информационная модель преступления» [7, с. 28]. В. Я. Колдин использует понятие «криминалистическая модель преступлений» по аналогии с зарубежными авторами [8, с. 22].

На наш взгляд, продолжающаяся не одно десятилетие научная дискуссия не умаляет значимости криминалистической характеристики преступлений. Не стремясь к однозначному выводу относительно правильности позиций отдельных ученых-криминалистов, исследовавших рассматриваемое научное явление, присоединимся к точке зрения Л. А. Сергеева и большинства криминалистов [Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 2. С. 3-13; Криминастика / под ред. В. А. Образцова. М.: 1995. 592 с.; Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций. Ч. 4. / И. А. Возгрин. СПб., 1993. 80 с.], безусловно убежденных в том, что классическим является понятие «криминалистическая характеристика преступлений», и знание о нем играет ключевую роль в обеспечении качества расследования преступных деяний.

Взглядов относительно структуры обозначенной научной категории немало, при этом до настоящего времени актуальной выступает позиция Е. А. Таюрской и Е. В. Шишмаревой, согласно которой единственного понимания состава криминалистической характеристики преступлений не выработано, что обусловлено многообразием преступных деяний, разным механизмом их совершения и комплексом признаков, имеющих значение для процесса расследования [9, с. 22]. Соглашаясь с авторами, выделим отдельные из них сообразно преступлению, совершенным в отношении несовершеннолетних: предмет преступного посягательства; способ (орудие, средство) совершения преступления; условия и особенности обстановки; характеристика личности преступника; характеристика личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведения о ней; особенности следообразования.

Тема настоящего исследования позволяет обратить особое внимание на характеристику личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведения о ней, которые автор выделяет как части единого системообразующего структурного элемента криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений. Соответствующее решение обусловлено возрастными физическими и психическими (психологическими) отличительными свойствами лиц, пострадавших от преступных посягательств. Общеизвестно, что молодое поколение, за исключением прошедших эманципацию, имеют созависимые отношения с родителями (лицами, их замещающими), детерминирующие их несамостоятельность;

определенный круг общения; обязанность посещения воспитательных и образовательных учреждений, сопровождающуюся контролем со стороны старших по возрасту лиц. Соответственно, через обозначенную призму будут проанализированы иные, не менее значимые, структурные элементы криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений.

Потерпевшим является лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. Возраст существует одновременно как абсолютное понятие – календарный возраст) и как этап в процессе физического и психического (психологического) развития – условный возраст. Подробно не рассматривая особенности возрастной периодизации, констатируем, что границы возрастных периодов жизни детей (подростков) имеют важное юридическое значение: точный возраст влияет на квалификацию преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, и на запоминание ими информации о произошедшем, потенциал ее изложения [\[10, с. 89\]](#).

С характеристикой личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведениями о ней тесно связан один из основных структурных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений – характеристика личности преступника. С большим сожалением признаем, противоправные деяния в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, часто совершают их ближайшее окружение. Так, дети (подростки) имеют опасения рассказать кому-либо о совершенных в их отношении преступных посягательствах, к примеру, по причине стыда, страха либо созависимости, вследствие чего остаются беззащитными, а их обидчики – безнаказанными.

Анализ судебной и правоприменительной практики, результатов анкетирования [автором опрошены работники прокуратур 66 субъектов Российской Федерации, обеспечивающие надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность, и принимающие участие в рассмотрении уголовных дел судами] свидетельствует о том, что несовершеннолетний потерпевший, как правило, знаком с виновным лицом.

Так, целесообразно выделить три вида их взаимоотношений (степени знакомства):

преступление совершено в отношении ребенка (подростка) членом семьи;

преступление совершено лицом, знакомым ребенку (подростку) и членам его семьи лицом, входящим в семью либо имеющим значение для его социализации (жизнедеятельности): педагогическим работником, иным работником образовательной организации; работником медицинской организации, организации, любой иной организации, обязанной осуществлять надзор за лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет, при этом отметим, что часто ребенок (подросток) формально знает обидчика, но не имеет возможности его охарактеризовать, что детерминировано возрастными психофизиологическими и индивидуальными особенностями несовершеннолетнего потерпевшего;

преступление совершено незнакомым ребенку (подростку) лицом и членам его семьи.

Отталкиваясь от перечисленных критериев, отметим следующую закономерность – условия и особенности обстановки преступления часто привычны для несовершеннолетнего потерпевшего по причине того, что большинство преступлений совершены в семье, воспитательных и учебных учреждениях, а также в непосредственной близости от места его проживания. Вместе с тем за прошедшие три года увеличилось вдвое число киберпреступлений, совершенных в отношении молодого

поколения [См.: URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240418/309824212.html].

Дети (подростки) в Интернет-пространстве чувствуют безопасность и более того – смелость, не подозревая при этом о последствиях киберпреступлений. Местом противоправных действий является территория, откуда осуществлен выход в виртуальное пространство, что осложняет анализируемый структурный элемент криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений.

Отличительной чертой общественно опасных деяний, по которым потерпевшим выступает лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, являются способы (орудия, средства) их совершения. Часто они сопряжены не только с физическим насилием: побоями, иными насильственными действиями сексуального характера, но и психическим (психологическим) воздействием: принуждением к совершению определенных действий, угрозами, травлей. Скорость развития ИТТ, а также доступность и масштабность их использования в повседневной жизни таким образом предопределила появление новых специфических способов (орудий, средств) совершения противоправных действий. Вместе с тем перечень преступлений, которые, в частности, возможно совершить с использованием сети Интернет, достаточно обширен: против жизни и здоровья; против свободы, чести и достоинства; против половой неприкосновенности и половой свободы; против семьи и несовершеннолетних; против собственности; против здоровья населения и общественной нравственности.

За последние пять лет в уголовный закон введены актуальные квалифицированные (особо квалифицированные) составы преступлений Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – ст. 230 УК РФ; Федеральным законом от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – ст.ст. 133, 242, 242.1 УК РФ; Федеральным законом от 08 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» – ст.ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 126, 127, 127.2 УК РФ; Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ – ст. 150, 151 УК РФ.

Не умаляя значимости принимаемых нормативных правовых актов, констатируем, что перечисленные нововведения не отражают действительное состояние преступных деяний, совершаемых с использованием ИТТ, что обусловлено следующими обстоятельствами: доступность технических средств; существование «Даркнета»; возможность обеспечения анонимности в сети Интернет; использование разнообразных мультимедийных технологий с целью реализации преступного умысла; легкость и скорость совершения киберпреступлений; опосредованность сторон, т. е. отсутствие личной коммуникации; потенциал осуществления общественно опасного деяния «на месте», что соразмерно предопределяет потенциальную возможность ребенка (подростка) пострадать в привычной для него обстановке.

Следующим структурным элементом криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, являются особенности следообразования, т. е. возникновения следов. Наиболее типичные следы – это следы на теле и одежде несовершеннолетнего потерпевшего, что обуславливает необходимость незамедлительного производства на первоначальном этапе расследования следующих процессуальных действий: освидетельствование, осмотр, судебно-медицинская и иные судебные экспертизы. Появление новых способов (орудий, средств) совершения

преступлений спровоцировало возникновение специфической следовой картины – виртуальных следов, отражающихся в виде материальных и нематериальных объектов: электронные ресурсы и базы данных, компьютеры, смартфоны, жесткие диски, карты памяти. Подчеркнем при этом, использование компьютерных и иных программируемых устройств сохраняется в их памяти.

В процессе расследования большинства преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, следователь (дознаватель) при производстве следственных действий, как правило, изымает средства вычислительной техники, например, телефоны, компьютеры, явившиеся средством и орудием совершения преступления, осматривает их с целью обнаружения переписок, различных файлов и иных значимых объектов, но не всегда назначает производство необходимых судебных экспертиз, несмотря на то, что именно в результате их производства возможно изучение в полном объеме содержимого изъятых цифровых носителей, в частности, восстановление удаленной информации, обнаружение скрытых сведений (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ).

Обращая внимание на анализ отдельных структурных элементов криминалистической характеристики, заключим, что использование сети Интернет существенно меняет их содержание. За исключением способа (орудия, средства) совершения преступления варьируются: условия и особенности обстановки; характеристика личности преступника; механизм следообразования. К примеру, подозреваемым (обвиняемым) и несовершеннолетним потерпевшим по уголовному делу могут являться лица, проживающие в разных субъектах одного государства либо в разных странах; имеющие проблемы с мобильностью (инвалиды); являющиеся изгоями либо асоциальной личностью.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что применительно к каждому составу преступления возможно на выбор добавить «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» (п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ) и «совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет» (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. к. информационные технологии предоставили все возможности для совершения новых общественно опасных деяний.

В понимании Т. А. Бадзгарадзе, трудности расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, обусловлены отсутствием частных криминалистических методик, учитывающих особенности их расследования, своеобразие следственных ситуаций и следственных версий на различных этапах расследования [11, с. 39]. Соглашаясь с точкой зрения автора, дополним, что в мире информационных технологий при расследовании рассматриваемых преступлений, в частности, с использованием сети Интернет, до сегодняшнего дня возникают некоторые трудности, связанные с установлением места совершения преступления и лица, его совершившего, и впоследствии – формированием доказательственной базы, что требует от следователя (дознавателя) большого опыта и знаний уголовно-правовых наук, основ компьютерной грамотности, складывающейся актуальной судебной и правоприменительной практики применительно к киберпреступлениям.

Проанализировав основные структурные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, перейдем к аргументации ее значимости для их расследования.

Несовершеннолетний возраст участника уголовного процесса требует применения небанальных тактических приемов при проведении следственных и иных процессуальных действий, что обусловлено их возрастными психофизиологическими особенностями и закономерностями развития при учете их индивидуально-личностных качеств, присущих каждому человеку вне зависимости от прожитых лет. К примеру, подростки старшего школьного возраста склонны к выбору определенного примера для подражания, часто, несмотря на совершение последними безнравственных поступков и более того – противоправных деяний. Понимание их ценностных ориентиров способно помочь в планировании расследования преступления.

Установление личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведений о ней позволяет сделать выводы о характере и его акцентуациях, привычках и увлечениях, окружении и семье, часто посещаемых местах и учреждениях, что в совокупности способствует выдвижению следственных версий, оценке следственной ситуации и оптимизации расследования преступного деяния. Выразим согласие с мнением Е. Ю. Родиной, согласно которому личность участника уголовного процесса определяет выбор тактики производства следственных действий. Анализ сведений, характеризующих личность несовершеннолетнего потерпевшего, включая степень его умственного развития и особенности психической структуры, способствуют субъекту расследования в определении возможности допроса лица и проведении иных следственных действий с его участием, построении линии их реализации [\[12, с. 206\]](#).

Определение точного возраста несовершеннолетнего потерпевшего и выявление факта осведомленности о нем виновного лица имеет особое значение, принимая во внимание отсутствие указания на обозначенное обстоятельство в ст.ст. 73, 421 УПК РФ, что выступает существенным пробелом уголовно-процессуального закона. Основным источником разрешения поставленного вопроса является наличие свидетельства о рождении либо паспорт. При их отсутствии возникает необходимость в производстве следующих следственных и иных процессуальных действий: выемки медицинских карт и личных документов из соответствующих учреждений, допроса представителей ребенка (подростка) и свидетелей. В частности, законодатель предусмотрел обязательное назначение и производство судебной экспертизы в отношении несовершеннолетнего потерпевшего при определенных обстоятельствах: надлежит установить его возраст, имеющий значение для уголовного дела, при этом документы, подтверждающие возраст, отсутствуют либо вызывают сомнение; необходимо оценить психическое и физическое состояние несовершеннолетнего потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания (п.п. 4, 5 ч. 1 ст. 196 УПК РФ).

Допрос подозреваемого (обвиняемого) с целью выяснения его осведомленности о возрасте ребенка (подростка) играет не менее значимую роль. Приведем примерный круг вопросов: «Как давно Вы знакомы с потерпевшим?»; «Кем Вам приходится потерпевший?»; «Сообщал ли Вам несовершеннолетний о своем возрасте?»; «Сообщал ли Вам кто-либо о возрасте потерпевшего?»; «Осознавали ли Вы возможность недостижения потерпевшим совершеннолетия?»

Подозреваемый (обвиняемый) по рассматриваемым преступлениям редко дает изобличающие показания, что обусловлено осуждением со стороны общества; желанием избежать уголовной ответственности и судимости; тяжестью большинства преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних и, следовательно, существенной санкцией.

Анализ характеристики личности несовершеннолетнего потерпевшего (пол, возраст, возрастные психофизиологические особенности, индивидуально-личностные отличительные черты) и сведений о ней (об окружении, времяпрожождении, обучении в общеобразовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования, степени родства либо взаимоотношений с виновным лицом), позволяет:

определить иные структурные элементы криминалистической характеристики преступлений;

выдвинуть и проверить следственные версии;

оценить складывающуюся следственную ситуацию;

сопоставить результаты допроса виновного лица с иными доказательствами по уголовному делу;

организовать и спланировать процесс расследования преступного деяния, в частности, выбрать первоначальные следственные и иные процессуальные действия;

определить необходимость в проведении отдельных следственных и иных процессуальных действий;

обеспечить объективизацию доказывания при расследовании рассматриваемых преступлений;

установить истину по уголовному делу.

Проиллюстрируем значение характеристики личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведений о ней примерами судебной практики.

Адвокатом в интересах осужденного С. М. подана кассационная жалоба, причиной которой явилось то, что судом не представлено достаточных доказательств о вовлечении несовершеннолетнего Ш. А. в совершение общественно опасного деяния, в частности, не доказана осведомленность подзащитного о возрасте Ш. А. Суд постановил, что оснований для пересмотра приговора в части признания С. М. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, нет. В результате судебного разбирательства установлено, что С. М. подтвердил факт обучения с Ш. А. в одной школе годом старше, что не отрицала и его мать, отметившая, что ее сын дружил с несовершеннолетним потерпевшим, который часто ночевал в их доме, оставляя личные вещи и документы. Знание С. М. возраста Ш. А. также подтверждается показаниями последнего; показаниями свидетеля А., который познакомил молодых людей и представил друг другу, сообщив в том числе информацию об их возрасте. Свидетелями А. и К. в судебном заседании подтверждено, что С. М. морально сильнее несовершеннолетнего, часто доминировал и подавлял его [Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2019 г. № 41-О19-1. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»].

Полагаем, совокупность собранных доказательств иллюстрирует осведомленность осужденного о том, что потерпевший не достиг восемнадцати лет, принимая во внимание, что оба учились в одном учебном заведении и состояли в дружественных взаимоотношениях, т. е. действия С. М. образуют состав общественно опасного деяния.

Аналогичная кассационная жалоба подана адвокатом осужденного Д. А. Суд мотивировал оставление приговора и определение судебной коллеги без изменения,

кассационной жалобы – без удовлетворения следующим: Д. А. являлся работодателем несовершеннолетнего К. П., лично принимал его на работу, что подтверждено показаниями последнего и другого осужденного М. А., работавшего с обеими и засвидетельствовавшего, что и он, и Д. А. знали о возрасте К. П. [Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2024 г. № 11-УД24-11-А4. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»].

Таким образом, опираясь на характеристику личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведения о ней, возможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, удовлетворяющие потребностям расследования преступного деяния и дальнейшего направления правосудия.

Рассмотрев особенности расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, констатируем, что знание их криминалистической характеристики позволяет определить выбор наиболее целесообразных следственных и иных процессуальных действий, обеспечивающие ретроспективное познание события преступного деяния.

Отдельно обозначим, что большую значимость представляет использование специальных знаний при производстве перечисленных следственных и иных процессуальных действий, что обусловлено тем, что полученные результаты помогают в обнаружении, анализе и оценке признаков, содержащих значимую информацию об обстоятельствах, подлежащих обязательному установлению и доказыванию по уголовному делу. Положительной тенденцией введенного Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» явилось то, что законодатель предусмотрел обязательное привлечение сведущих лиц при определенных условиях. Так, положения ч.ч. 1, 4 ст. 191 УПК РФ определяют обязательное присутствие педагога (психолога) при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний, учитывая возраст участника уголовного процесса, его психическое здоровье и развитие, что не отрицает наличие права у субъекта расследования, на привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, к производству следственных и иных процессуальных действий по собственной инициативе. При этом педагог (психолог) имеет право реализовывать знания в непроцессуальной форме – посредством консультаций относительно установления контакта лицом, не достигшим совершеннолетия, и создания благоприятной обстановки и процессуальной – при непосредственном производстве следственных и иных процессуальных действий.

По результатам настоящего исследования полагаем возможным сформулировать выводы, свидетельствующие о значимости криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, для их расследования:

характеристика личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведения о ней обуславливают содержание иных структурных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, которые в совокупности позволяют предопределить особенности их расследования, в частности, специфику производства отдельных следственных и иных процессуальных действий;

расследование рассматриваемых преступлений невозможно без использования результатов специальных знаний, что обусловлено и требованиями уголовно-процессуального закона, и психофизиологическими и индивидуальными особенностями

несовершеннолетних потерпевших, обуславливающие привлечение сведущих лиц в разнообразных областях знаний;

интеграция информационных технологий переместила в Интернет-пространство преступную деятельность, направленную на: вовлечение детей (подростков) в совершение общественно опасных и антиобщественных действий, сексуальное насилие и эксплуатацию, склонение и содействие самоубийству, что привело к необходимости работы в процессе расследования перечисленных преступлений одновременно и с психофизиологическими и индивидуальными особенностями несовершеннолетних потерпевших, и с виртуальными следами преступлений, большим числом электронных носителей информации.

Библиография

1. Готчина Л. В. О противодействии криминальному воздействию на молодежь с помощью сети "Интернет" // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 49-55. EDN: OEUAXI.
2. Пестерева Ю. С., Тимошенко С. Е. Уголовно-правовые, криминологические криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 596-608. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608 EDN: MQUOCQ.
3. Равинская А. В. Частные вопросы методики расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних. Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева. 2024. С. 109-113. EDN: ORKGIU.
4. Сергеев Л. А. Криминалистика. М.: Изд-во МГУ, 1971. 425 с.
5. Белкин Р. С. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. М.: Юрист, 1997. 480 с.
6. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
7. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 748 с. EDN: QWQZMX.
8. Колдин В. Я. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра // Российская юстиция, 2011. № 3. С. 21-24. EDN: NTXWPR.
9. Таюрская Е. А., Шишмарева Е. В. Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений // Сибирский юридический вестник, 2020. № 2 (89). С. 22-25.
10. Равинская А. В. "Несовершеннолетие" через призму уголовного процесса, детской психологии и психиатрии // Криминалистъ, 2023. № 4 (45). С. 85-91. EDN: QUKNPI.
11. Бадзгарадзе Т. А. Значение криминалистической методики при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних / Т. А. Бадзгарадзе, А. В. Бачиева, Т. С. Бозиев // Журнал правовых и экономических исследований, 2020. № 4. С. 38-51. DOI: 10.26163/GIEF.2020.14.93.006 EDN: ZRJLER.
12. Родина Е. Ю. Особенности тактики допроса малолетних свидетелей и потерпевших // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 203-213. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-2-203-213 EDN: WATEWN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, взаимосвязь криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, и особенностей их расследования. Название работы нуждается в уточнении - автор на протяжении всей статьи говорит о той специфике совершения преступлений в отношении несовершеннолетних, которая обусловлена массовым использованием как преступниками, так и потерпевшими информационно-телекоммуникационных технологий, но это не отражено в теме исследования.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Дети (подростки) – абсолютный приоритет каждого правового государства, обязанность которого минимизировать количество преступлений, совершаемых в их отношении. Российская Федерация не является исключением. Согласно официальным статистическим данным, количество преступлений, совершенных в отношении лиц, не достигших восемнадцати лет, составило в 2020 г. 90 374, 2021 – 103 335, 2022 – 103 185, 2023 – 98 833, 2024 – 95 843 [Число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 05.06.2025)]. С большим сожалением признаем, их динамика не имеет тенденции к существенному снижению, что обусловлено многообразными факторами, одним из которых является возрастающая с каждым годом потребность использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ)"; "Учеными-криминалистами немало внимания уделено методике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, однако до настоящего времени методика расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, отсутствует, что позволяет констатировать нерешенность значительного числа злободневных проблем, попытка раскрыть которые будет предпринята в настоящем исследовании". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "С большим сожалением признаем, противоправные деяния в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, совершают их ближайшее окружение. Так, дети (подростки) имеют опасения рассказать кому-либо о совершенных в их отношении преступных посягательствах, к примеру, по причине стыда либо созависимости, вследствие чего остаются беззащитными, а их обидчики – безнаказанными. Анализ судебной и правоприменительной практики свидетельствует о том, что несовершеннолетний потерпевший, как правило, знаком с виновным лицом"; "Отталкиваясь от перечисленных критериев, отметим следующую закономерность – условия и особенности обстановки преступления часто привычны для несовершеннолетнего потерпевшего по причине того, что большинство преступлений совершаются в семье, воспитательных и учебных учреждениях, а также в непосредственной близости от места его проживания"; "Вместе с тем, не умаляя значимости принимаемых нормативных правовых актов, констатируем, перечисленные нововведения не отражают действительное состояние преступных деяний, совершаемых с использованием ИТТ, что обусловлено следующим: доступность технических средств, посредством которых обеспечивается возможность использования глобальных сетей; существование «Даркнета»; возможность обеспечения анонимности в сети Интернет; использование разнообразных мультимедийных технологий с целью реализации преступного умысла; легкость и скорость совершения киберпреступлений; опосредованность сторон (отсутствие личной коммуникации); потенциал осуществления общественно опасного деяния «на месте», что соразмерно предопределяет потенциальную возможность несовершеннолетнего лица стать жертвой преступного

поведения в привычной обстановке"; "Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сегодня применительно к каждому составу преступления возможно на выбор добавить «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"» (п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ) и «совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть "Интернет"» (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как информационные технологии предоставили все ресурсы для совершения новых общественно опасных деяний" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует взаимосвязь криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, и особенностей их расследования, выделяя значимые моменты, на которые лицо, осуществляющее расследование, должно обратить внимание. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи, как уже отмечалось, не вполне соответствует ее наименованию. Также оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Высокая общественная опасность рассматриваемых противоправных действий, детерминирует их превенцию, что возможно обеспечить их выявлением, расследованием и привлечением виновных лиц к уголовной ответственности" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Общеизвестно, что молодое поколение, за исключением прошедших эманципацию, имеют созависимые отношения с родителями (лицами, их замещающими), детерминирующие их несамостоятельность; определенный круг общения; обязанность посещения воспитательных и образовательных учреждений, сопровождающаяся контролем со стороны старших по возрасту лиц" - "сопровождающуюся" (опечатка).

Автор указывает: "Таким образом, опираясь на характеристику личности несовершеннолетнего потерпевшего и сведения о ней, возможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, удовлетворяющие потребностям качественного расследования и дальнейшего отправления правосудия" - "подлежащие" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Автор пишет: "С большим сожалением признаем, противоправные деяния в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, совершают их ближайшее окружение. Так, дети (подростки) имеют опасения рассказать кому-либо о совершенных в их отношении преступных посягательствах, к примеру, по причине стыда либо созависимости, вследствие чего остаются беззащитными, а их обидчики – безнаказанными. Анализ судебной и правоприменительной практики свидетельствует о том, что несовершеннолетний потерпевший, как правило, знаком с виновным лицом" - необходимы ссылки на источники информации.

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется (Р. С. Белкин, Е. П. Ищенко, А. А. Топорков и др.), но она не касается ключевых вопросов статьи и поэтому ее нельзя признать достаточной. В основном автор ссылается на источники в подтверждение своих суждений либо для

иллюстрирования некоторых положений работы. Научная дискуссия ведется ученым корректно. Положения работы не всегда обосновываются в должной степени и иллюстрируются примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("По результатам настоящего исследования полагаем возможным сформулировать выводы, свидетельствующие о значимости криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, с целью их раскрытия и расследования: дефицит знаний, в частности, о криминалистической характеристики преступлений препятствует обеспечению эффективности их раскрытия и расследования; результивность планирования и организации расследования преступлений зависят от профессионализма следователя (дознавателя), знания последним особенностей их расследования и специфики производства следственных и иных процессуальных действий; качество расследования преступлений невозможно обеспечить без привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, что обусловлено требованиями уголовно-процессуального закона и спецификой производства отдельных следственных и иных процессуальных действий; интеграция информационных технологий переместила преступную деятельность в Интернет-пространство, что привело к необходимости работы с виртуальными следами преступления и большим числом электронных носителей информации"), однако они носят общеизвестный характер, не касаются исключительно несовершеннолетних и не отражают научных достижений автора. Следовательно, итоговые выводы нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса и криминастики при условии ее доработки: уточнении наименования работы, раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, усилении аргументации автора, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«О взаимосвязи криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования»

Объектом исследования выступает взаимосвязь криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенности их расследования. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация привлечения к ответственности за совершение преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, правовая регламентация расследования таких преступлений, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать сравнительно-правовой метод, который позволил сопоставить различные составы преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних;

формально-юридический метод, использованный для анализа структуры соответствующих правовых норм УК РФ, УПК РФ и их системного толкования; метод моделирования, способствовавший воссозданию процесса расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Актуальность разработки заявленной темы представляется достаточной актуальностью в свете достаточно высоких показателей соответствующей преступности. Рассуждая о статистике подобных преступлений, автор справедливо отмечает: «С большим сожалением признаем, их динамика не имеет тенденции к существенному снижению, что обусловлено многообразными факторами, одним из которых является возрастающая с каждым годом потребность использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Их простота и доступность стремительно привела к наличию у населения аккаунтов в различных социальных сетях, в частности, у детей дошкольного возраста». Тотальная цифровизация многих процессов жизни современного человека, в том числе ребенка, подтверждает своевременность проведенного исследования.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором прослеживается взаимосвязь криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Следует при этом высказать замечание по наличию в тексте отдельных опечаток и несогласованностей («Признавая значимость перечисленных работ, отметим, что их узконаправленный характер, вследствие чего автором предпринята попытка ...»; «Отличительной чертой общественно опасных деяний, по которым потерпевших стало лиц, не достигшее возраста восемнадцати лет...»). Работа нуждается во внимательном прочтении на предмет подобных недостатков редакционного характера, уводящих читателя от основной научной мысли. Содержание в целом логично.

Библиография по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Несмотря на добросовестно проведенный анализ, выявленные взаимосвязи криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования, автор приходит частично к некоторым выводам, не отличающимся научной новизной: «результативность планирования и организации расследования преступлений зависит от профессионализма следователя (дознавателя), знания им криминалистической характеристики и особенностей расследования преступлений, в частности, специфики производства следственных и иных процессуальных действий, осложненной психофизиологическими особенностями несовершеннолетних потерпевших». Подобный вывод представляется очевидным и без проведения соответствующего исследования. В этой связи для придания статье должной завершенности автору рекомендуется доработать соответствующие выводы, отразив в них научное значение проведенного исследования.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в уголовно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «О взаимосвязи криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и особенностей их расследования».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Автором рассматриваются проблемы расследования таких преступлений в контексте цифровизации общества и использования при совершении преступлений различных информационно-телекоммуникационных технологий. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения нормативно-правовых актов, мнения ученых, эмпирические и статистические данные.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в контексте использования информационно-телекоммуникационных технологий. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических и статистических данных.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «в Уголовный закон введены актуальные квалифицированные (особо квалифицированные) составы преступлений Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – ст. 230 УК РФ; Федеральным законом от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – ст.ст. 133, 242, 242.1 УК РФ; Федеральным законом от 08 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» – ст.ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 126, 127, 127.2 УК РФ; Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ – ст. 150, 151 УК РФ».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки

зрения теории тема криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних сложна и неоднозначна. Развитие цифровых технологий на современном этапе развития общества позволяет совершенствовать механизмы совершения преступлений. Несовершеннолетние граждане, являясь уязвимой категорией населения, все чаще становятся потерпевшими по таким преступлениям. В связи с этим важно обеспечить эффективное расследование преступлений по таким делам. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Высокая общественная опасность рассматриваемых противоправных действий детерминирует их превенцию, что возможно обеспечить их своевременным выявлением, расследованием и привлечением виновных лиц к уголовной ответственности».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «интеграция информационных технологий переместила в Интернет-пространство преступную деятельность, направленную на: вовлечение детей (подростков) в совершение общественно опасных и антиобщественных действий, сексуальное насилие и эксплуатацию, склонение и содействие самоубийству, что привело к необходимости работы в процессе расследования перечисленных преступлений одновременно и с психофизиологическими и индивидуальными особенностями несовершеннолетних потерпевших, и с виртуальными следами преступлений».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению моментов, связанных с криминалистической характеристикой преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, что может быть полезно практикующим специалистам в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с расследованием преступлений, по которым несовершеннолетние граждане выступают потерпевшими.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования, дав конкретные предложения по тематике статьи.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Белкин Р.С., Таюрская Е.А., Шишмарева Е.В., Родина Е.Ю., Ищенко Е.П., Топорков А.А. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области криминастики.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Александров А.Р. Налоговый контроль и правоохранительная система: коллизии компетенций и пути их разрешения // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.75156 EDN: KKJKUL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75156

**Налоговый контроль и правоохранительная система:
коллизии компетенций и пути их разрешения****Александров Артем Романович**

ORCID: 0000-0002-4370-4476

независимый исследователь, аттестованный налоговый консультант, член Союза «Палата налоговых консультантов», депутат Тамбовской городской Думы Тамбовской области VII созыва

392002, Россия, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Карла Маркса, д. 35/45, кв. 51

✉ liberty1917@gmail.com

[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.7.75156

EDN:

KKJKUL

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает многоуровневый комплекс правовых отношений, возникающих между Федеральной налоговой службой и правоохранительными органами Российской Федерации Следственным комитетом, Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности и органами прокуратуры в процессе выявления, квалификации и преследования нарушений налогового законодательства. В рамках статьи анализируются: нормативно-правовые основания привлечения силовых структур на стадиях камерального и выездного налогового контроля, взыскания недоимки и возбуждения уголовных дел по ст. 199 УК РФ; механизмы межведомственного взаимодействия, закреплённые ведомственными соглашениями и инструкциями; судебная практика, отражающая коллизию между обязанностью налогового органа направлять материалы проверки в следственные органы (п. 3 ст. 32 НК РФ) и обеспечительными мерами, приостанавливающими исполнение решений ФНС (ч. 3 ст. 199 АПК РФ). Исследование основано на использовании следующих взаимодополняющих методов: нормативно-правовой анализ,

сравнительно-правовой метод, казуистический, обобщение эмпирических данных. Настоящее исследование предлагает интегральную модель распределения компетенций между ФНС и четырьмя силовыми ведомствами, отражающую их «точки входа» и взаимозависимость на всех стадиях налогового спора. В научный оборот введено понятие «опережающего прокурорского иска» ситуации, когда прокурор, опираясь на данные ст. 82 НК РФ, добивается признания сделки недействительной ещё до вынесения налогового решения, фактически трансформируя баланс сил в предстоящем судебном процессе. Установлена правовая коллизия между п. 3 ст. 32 НК РФ и ч. 3 ст. 199 АПК РФ в условиях единого налогового счёта, сформулированы варианты её законодательного устранения. Ключевые выводы исследования сводятся к следующему. Во-первых, чрезмерное дублирование функций правоохранительных органов усиливает обвинительный уклон и снижает процессуальные возможности добросовестного бизнеса, хотя зачастую вызвано сложностью современных схем уклонения. Во-вторых, существующая практика не обеспечивает единообразия: в одних округах материалы проверки блокируются обеспечительными мерами, в других сразу попадают в следственные органы, что подрывает принцип равенства налогоплательщиков. В-третьих, требуется чёткая нормативная демаркация полномочий и временных рамок вмешательства МВД, СК и прокуратуры для этого необходимы процессуальные фильтры (судебное разрешение на использование силовых доказательств, оценка прокурора законности действий ФНС).

Ключевые слова:

налоговые проверки, правоохранительные органы, Федеральная налоговая служба, Следственный комитет, МВД, прокуратура, НК РФ, налоговые преступления, обеспечительные меры, суд

Взаимодействие налоговых органов и правоохранительных структур имеет длительную историю и существенное влияние на практику налогового контроля. Еще в 1990-е – начале 2000-х годов в России действовала Федеральная служба налоговой полиции, которая была специально уполномочена на выявление и пресечение налоговых преступлений. В 2003 году ФСНП упразднена, и ее функции были переданы Министерству внутренних дел. Таким образом, уже исторически силовые структуры были напрямую вовлечены в сферу налоговых правонарушений.

В современный период акцент сместился на взаимодействие Федеральной налоговой службы с различными правоохранительными органами в рамках своих полномочий. Налоговые проверки крупных компаний зачастую сопровождаются оперативно-розыскным фоном, а материалы проверок могут служить основой для уголовного преследования за уклонение от уплаты налогов. С одной стороны, участие силовых органов призвано обеспечить неотвратимость ответственности и взыскание задолженности в бюджет. С другой стороны, чрезмерно раннее или неоправданное вмешательство представителей силового блока в налоговый спор способно нарушить права налогоплательщика, оказав давление на бизнес и искажив принцип равенства сторон.

Общий вопрос о роли правоохранительных органов в налоговых спорах включает несколько уровней взаимодействия. Во-первых, на стадии проведения налоговых проверок органы МВД и ФСБ нередко осуществляют оперативное сопровождение, в том числе собирают материалы, проводят допросы или опросы лиц, обеспечивают силовую

поддержку выездных проверок. Во-вторых, после вынесения налоговым органом решения о доначислении налогов и при отказе погашать недоимку с учетом достижения порога для юридических лиц в 18,5 млн рублей материалы налоговой проверки передаются в Следственный комитет для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов). В-третьих, прокуратура имеет полномочия участвовать в налоговых спорах, вступая в процессы или самостоятельно оспаривая подозрительные сделки, что открывает еще один фронт воздействия на налогоплательщика.

Вопрос о пределах допустимого участия правоохранительных органов в налоговых спорах был предметом исследовательского внимания сравнительно ограниченного круга авторов, однако именно эти работы формируют сегодня теоретическую основу для дальнейшего осмыслиения проблемы. Так, Д. А. Гурнина и Е. Е. Тихонов в своей работе «К вопросу о состоянии налоговой преступности в Российской Федерации» подробно проанализировали количественные и качественные изменения налоговой преступности, обратив внимание на институциональные пробелы во взаимодействии ФНС и силовых структур.

По мнению заведующего отделом НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук В.А. Козлова межведомственные соглашения в сфере налогообложения показывают: при налоговых проверках выявляются не только факты неуплаты налогов, но и сопутствующие действия — незаконное возмещение НДС, регистрация «фирм-однодневок», легализация преступных доходов и др. [\[1\]](#).

Проблему «силового перекоса» в налоговом контроле, обусловленного активным участием ФСБ и органов МВД, затрагивает и руководитель практики «Налоговые споры и консультирование» в юридической компании Enforce Law Company И. Ткачёв, подчёркивая, что либерализация состава налоговых преступлений не дала ожидаемого снижения уголовного преследования, поскольку компенсируется усилением силовых методов. «Если мы сравним статистику 2022 и 2023 годов, мы увидим, что никакого существенного изменения по числу зарегистрированных налоговых преступлений не произошло. Тот факт, что мы существенно сократили поводы для возбуждения уголовного дела, не дал никакого реального эффекта. Сколько дел возбуждалось, столько и возбуждается», - отмечает эксперт И. Ткачёв [\[2\]](#).

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу роли правоохранительных органов в налоговых спорах, возникающих на стадиях налогового контроля, взыскания недоимки и возможного уголовного преследования. Фокус сделан на коллизии между публично-правовым интересом в обеспечении собираемости налогов и защитой процессуальных прав налогоплательщиков, а также на институциональных рисках, связанных с дублированием полномочий и отсутствием единообразного правоприменения (прежде всего в вопросе соотношения п. 3 ст. 32 НК РФ и обеспечительных мер по ч. 3 ст. 199 АПК РФ).

Исследование основано на использовании следующих взаимодополняющих методов: нормативно-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, казуистический, обобщение эмпирических данных.

Актуальность темы подтверждается как статистикой, так и позицией государства. Несмотря на общее снижение числа регистрируемых налоговых преступлений (например, в 2021 г. было зарегистрировано 5 543 налоговых преступлений, а в 2023 г. 4 935) и повышение законодателем пороговых сумм неуплаты для уголовной ответственности,

уголовно-правовые риски для бизнеса остаются значительными с учетом роста доначислений по проверкам [3]. В первом квартале 2025 г. на территории Российской Федерации было проведено 1148 выездных проверок хозяйствующих субъектов, из которых 1131 (99 %) закончилась доначислением обязательных платежей [4]. Для сравнения, в аналогичном периоде 2024 г. количество таких проверок было на 15 % ниже, а их результативность составляла 98 %, средний размер доначислений составил за 2024 г. – 65 млн рублей. Таким образом, наблюдается не только рост числа контрольных мероприятий, но и повышение их эффективности.

Президент РФ В.В. Путин на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ в 2024 году подчеркнул необходимость пресекать использование полномочий прокуратуры и других правоохранительных органов в корыстных целях для давления на бизнес [5]. Это отражает требование к балансировке интересов: силовые структуры должны действовать решительно против умышленных нарушителей налогового законодательства, но при этом не выходить за грани допустимого. Ниже подробно рассматривается роль каждого ведомства: СК, МВД, прокуратуры в современной системе налоговых споров, с учетом нормативной базы и сложившейся судебной практики.

Следственный комитет: уголовные дела об уклонении от уплаты налогов

Следственный комитет РФ является органом предварительного следствия, в компетенции которого находятся тяжкие экономические преступления, включая уклонение от уплаты налогов в крупном и особо крупном размере (ст. 199 УК РФ). После передачи с 1 января 2011 г. полномочий по расследованию налоговых преступлений Следственному комитету РФ, была выстроена система взаимодействия между СК и ФНС [6].

Согласно уголовно-процессуальному законодательству, сегодня действует особый порядок возбуждения дел о налоговых преступлениях с марта 2022 года УПК РФ предусматривает исключительный повод материалы налоговых органов для возбуждения уголовного дела по налоговым составам (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ), его еще называют «старым новым», поскольку аналогичная норма действовала в 2011–2014 гг., затем была отменена, и вновь введена Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ практически в том же виде [7]. Иными словами, следователь СК не вправе самовольно возбудить дело о неуплате налогов без поступления соответствующих материалов от ФНС. Сначала налоговая служба должна провести проверку и вынести решение, и лишь затем, при наличии достаточных признаков преступления, материалы передаются следственным органам. Причем в тот период времени существовала судебная практика, которая гласила, что действия налоговых органов по направлению материалов налоговой проверки в следственные органы в период действия обеспечительных мер по обжалованию налоговых решений в арбитраже являются незаконными (Постановления ФАС Поволжского округа от 6 августа 2013 г. по делу N A12-31578/12, от 10 июля 2013 г. по делу N A57-22703/2012, ФАС Уральского округа от 1 октября 2012 г. по делу N A71-10637/11, ФАС Московского округа от 29 апреля 2011 г. по делу N A40-92492/10-112-479, Постановления 17 ААС от 8 августа 2011 г. по делу N A71-4937/2011 и др.).

Такая обязанность возложена на налоговые органы нормой п. 3 ст. 32 Налогового кодекса РФ налоговый орган обязан направить материалы проверки в следственные органы в течение 10 дней, если в ходе налоговой проверки выявлены признаки налогового преступления. Данное требование ключевой элемент взаимодействия ФНС и СК, закрепленный также в межведомственных соглашениях. В частности, СК РФ и ФНС России заключили Соглашение от 13.02.2012 № 101-162-12/ММВ-27-2/3 [8], которым

предусмотрены совместные мероприятия по выявлению и пресечению налоговых правонарушений, обмен информацией и проведение консультаций. Подобные соглашения и протоколы к ним детализируют формы сотрудничества, вплоть до создания совместных рабочих групп на региональном уровне.

Коллизия возникает, когда налогоплательщик оспаривает решение ФНС в суде и добивается обеспечительных мер путем приостановления действия решения налогового органа и запрета на взыскание до окончания спора. Такая мера сохраняет *status quo* и защищает налогоплательщика от преждевременного взыскания спорной суммы. Однако остается открытым вопрос: вправе ли налоговый орган исполнять обязанность по п. 3 ст. 32 НК РФ и передавать материалы в СК, если исполнение самого решения приостановлено судом? Судебная практика по этому вопросу складывается неоднозначно.

Прецедентом является дело № А64-7474/2024 об обжаловании решения по итогам выездной налоговой проверки. В рамках этого спора ООО СП «Мостострой» сумело добиться обеспечительных мер в Арбитражном суде Тамбовской области, которые в дальнейшем были оспорены налоговым органом. Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 31.03.2025 указал, что новые нормы о едином налоговом счете влияют на вопрос передачи материалов проверки в порядке ст. 32 НК РФ. Согласно подп. 3 п. 7 ст. 11.3 НК РФ, при приостановлении действия решения налогового органа недоимка по нему не учитывается в совокупной обязанности и не формирует отрицательное сальдо ЕНС. Иными словами, пока действует судебное приостановление, спорная недоимка рассматривается как «приостановленная» и не создает той задолженности, превышение которой является условием уголовной ответственности. На этом основании апелляционный суд сделал вывод, что применение п. 3 ст. 32 НК РФ в период действия обеспечительных мер невозможно.

В свою очередь кассационная инстанция по данному делу в своем постановлении от 26.06.2025 г. никак не прокомментировала юридическую логику апелляции о связи ст. 11.3 НК РФ с п. 3 ст. 32 НК РФ эти доводы просто остались без ответа.

Таким образом, проблема остается в правовом вакууме. По мнению ряда исследователей обеспечительные меры принятые в рамках судебных разбирательства не позволяют направлять материалы в следственные органы, хотя практика свидетельствует об обратном [9].

Органы МВД: оперативное сопровождение

Министерство внутренних дел традиционно играло важную роль в пресечении налоговых преступлений, особенно после передачи ему функций упраздненной налоговой полиции в 2003 году. В структуре МВД имеются подразделения экономической безопасности, способные проводить оперативно-розыскные мероприятия по фактам уклонения от налогов. Хотя расследование самых серьезных налоговых преступлений отнесено к компетенции СК РФ, органы внутренних дел по-прежнему задействованы на досудебной стадии они собирают информацию о возможных налоговых правонарушениях, участвуют в проверках, осуществляют выемки документов, опросы и другие действия разведывательного характера.

Более того, согласно п. 3 ст. 82 НК РФ налоговые органы, таможня, МВД, СК и другие должны информировать друг друга о выявленных нарушениях налогового законодательства в порядке, определяемом соглашениями между ними. То есть обмен данными двусторонний не только ФНС сообщает в МВД/СК о недоимках, но и полиция

передает налоговикам материалы, если в ходе оперативной работы вскрылись факты, требующие налоговой проверки (этот механизм закреплен, например, в п. 2 ст. 36 НК РФ).

Институциональная основа взаимодействия закреплена в Соглашении между МВД РФ и ФНС России от 13.10.2010 [\[10\]](#). Это соглашение определяет порядок информационного обмена, проведения совместных мероприятий и иных форм сотрудничества. Практическая грань участия МВД – обеспечение силовой поддержки и информации для налоговых органов. Зачастую, если налоговая служба подозревает наличие схем уклонения, она взаимодействует с оперативными подразделениями полиции. Однако результаты ОРМ не всегда могут напрямую лежать в основу налогового решения, поскольку оперативные материалы МВД часто используются лишь для ориентировки налоговых проверок, так как ФНС должна самостоятельно собрать документальные доказательства налогового правонарушения.

Прокуратура: надзор и участие в судах

Одним из самых значимых нововведений последних лет стало расширение участия прокуратуры в налоговых правонарушениях, включая гражданско-правовые споры. Федеральным законом от 07.10.2022 № 387-ФЗ внесены изменения в процессуальные кодексы, позволяющие прокурору вступать на любой стадии гражданского или арбитражного процесса, если будет установлено, что спор используется для уклонения от уплаты налогов или возник из мнимой/притворной сделки с целью ухода от налогов. Соблюдение налогового законодательства обеспечивается не только внутренними механизмами ФНС, но и системным прокурорским надзором, а также взаимодействием прокуратуры с налоговыми органами (обмен информацией, совместное участие в судах, антикоррупционные инициативы) [\[11\]](#).

Если раньше прокурор, как правило, не участвовал в арбитражном разбирательстве спора о доначислениях, то теперь при выявлении признаков злоупотребления правом он может войти в процесс на стороне налогового органа. Более того, прокуроры получили возможность самостоятельно инициировать иски, направленные на ликвидацию схем уклонения. На практике уже появились прецеденты, когда прокуроры оспаривают гражданско-правовые сделки компаний, считая их притворными и направленными на уменьшение налогов.

В деле № А56-13844/2023 Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассмотрел иск прокурора региона о признании недействительным договора на 33 млн руб. между ООО «БалтТранс» и ООО «Торфозавод «Агроторф». Суд установил, что «БалтТранс» фактически являлся фирмой-однодневкой, не имел имущества и транспорта, а перевозки реально выполняли сторонние подрядчики. Документы под договору подписаны уволенным директором, а «Агроторф» не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента. Комплекс признаков фиктивный документооборот, отсутствие экономического смысла и дублирование услуг позволил квалифицировать договор как мнимую сделку (ст. 170 ГК РФ), направленную на экономию налогов и легализацию средств, что противоречит публичным интересам. Суд признал договор ничтожным и применил двустороннюю реституцию. Причем суд также может вынести решение не только об аннулировании сделки, но и об изъятии в бюджет суммы оспоренной сделки.

Кроме того, прокуратура все чаще вступает в уже идущие процессы между налогоплательщиком и налоговым органом. Так, показательны дела крупных налоговых

недоимок в Тамбовской области: ООО «АльянсСтройСервис» и ООО «Автодор-Тамбов». В деле № А64-8288/2022 ООО «АльянсСтройСервис» оспаривало доначисления, и прокуратура области была привлечена к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего требований. Прокурорские сотрудники присутствовали в судебных заседаниях, поддерживая позицию налогового органа, выступали за ускорение рассмотрения спора.

Аналогичная ситуация в деле № А64-9213/2022 по иску ООО «Автодор-Тамбов» там среди третьих лиц участвовала прокуратура Тамбовской области. Прокурор, участвуя, фактически дублирует и усиливает аргументы налогового органа, акцентируя внимание суда на недобросовестности налогоплательщика.

При этом по мнению автора, когда налоговый спор выходит за рамки ФНС и Налогоплательщик в него вмешиваются трети силы, может нарушаться баланс состязательности. Появляется асимметрия у одной стороны – поддержка государства в лице еще одного органа, обладающего авторитетом и ресурсами. Прокурор, вступающий в процесс, фактически дублирует позицию налоговой службы, но его слово может иметь больший вес для суда. Судьям тоже психологически труднее идти против двойного фронта.

Риски дублирования полномочий

Анализ каждого ведомства высвечивает общие проблемные точки на стыке налогового и уголовного права, налогового администрирования и силового принуждения. Кроме того, сопровождение могут оказывать не только сотрудники МВД, но и ФСБ, например, проводя оперативно-розыскные мероприятия, в том числе выемку документов и передачу этих документов в налоговые органы для работы с ними.

Практика налогового контроля демонстрирует, что на этапе выездной налоговой проверки силовые ведомства задействуются «внахлест», образуя цепочку параллельных действий. Так, подразделения силовых ведомств, ссылаясь на задачи экономической безопасности, нередко проводят обыски у проверяемого налогоплательщика, изымают бухгалтерию, серверы и электронные носители, после чего поступивший массив сведений передаётся в ФНС для документального оформления недоимки.

Параллельно отделы экономической безопасности МВД обеспечивают «логистику» допросов: если свидетели или должностные лица не являются к налоговикам, полицейские организуют их привод либо самостоятельно опрашивают, формируя протоколы, которые затем легализуются в материалах проверки.

Уже на стадии акта налоговый орган, руководствуясь ст.82 НК РФ, налоговый орган делится выявленными фактами с прокуратурой, а та, получив сведения о возможной мнимости ключевой сделки, может подать самостоятельный иск о признании её недействительной, что фактически опережает основное налоговое решение и заранее формирует для суда презумпцию незаконности действий проверяемого лица. После вынесения решения ФНС прокуратура может вступить в процесс на стороне налогового органа, особенно если проверяемый участвовал в исполнении государственных контрактов (дела «АльянсСтройСервис» и «Автодор-Тамбов»).

При этом следует признать, что дублирование функций порой спровоцировано злоупотреблениями самих налогоплательщиков. На практике те же проверяемые лица нередко: целенаправленно уклоняются от явки на допросы, «теряют» первичную документацию или хранят её на серверах за рубежом, инициируют множество

параллельных процессов (банкротство, корпоративные споры), чтобы рассеять ресурс контролирующих органов.

В свою очередь задача правоприменителя, следовательно, в том, чтобы провести чёткую демаркацию полномочий: обеспечить межведомственный обмен данными и совместные действия там, где без них не обойтись, но в то же время установить процессуальные фильтры с целью исключения дополнительного давления на проверяемых лиц. Крайне важно устранить правовой вакуум в вопросе соотношения п. 3 ст. 32 НК РФ и обеспечительных мер, применяемых по ч. 3 ст. 199 АПК РФ. В настоящее время путем передачи материалов в следственные органы налоговый орган фактически оказывает давление на налогоплательщика, вынуждая его заплатить доначисления до завершения судебного рассмотрения, что сводит на нет смысл судебной защиты в рамках арбитражного спора, так как реальное рассмотрение дела по существу осложняется угрозой уголовного преследования.

Участие представителей правоохранительных органов в рамках налоговых проверок должно обеспечивать неотвратимость ответственности за нарушения, но не приводить к ущемлению законных прав бизнеса и принципов справедливости.

Библиография

1. Козлов В.А. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия в налоговой сфере по противодействию преступности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 71-79. EDN: CALTUW.
2. Enforce Law Company: либерализация ответственности за налоговые преступления не дает эффекта // Коммерсантъ. 2024. 18 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6651242> (дата обращения: 07.07.2025).
3. Гурнина Д.А., Тихонов Е.Е. К вопросу о состоянии налоговой преступности в Российской Федерации // Российский экономический интернет-журнал. 2024. № 4. URL: <https://www.reej.ru> (дата обращения: 04.07.2025). EDN: VXIWRF.
4. Налоговая реальность в цифрах и фактах // Правовест Аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/> (дата обращения: 04.07.2025).
5. Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина на совещании с правительством // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735> (дата обращения: 04.07.2025).
6. Ильин А.Ю. Взаимодействие налоговых и следственных органов при выявлении и расследовании налоговых преступлений // Налоги. 2016. № 19. С. 18-19.
7. Ряполова Я.П. "Старый" новый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Российский следователь. 2023. № 10. С. 15-19. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-10-15-19. EDN: TQOUOC.
8. Соглашение о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой (заключено 13.02.2012 № 101-162-12/MMB-27-2/3) (в ред. от 24.12.2018) // СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 04.07.2025).
9. Александров А.Р. Влияние обеспечительных мер в арбитражном процессе на направление материалов налоговых проверок в следственные органы // Налоги. 2025. № 2. С. 19-22.
10. Соглашение о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой (утв. МВД России № 1/8656, ФНС России № ММВ-27-4/11 от 13.10.2010) (в ред. от 26.10.2017) // СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 12.07.2025).
11. Назаренко Б.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в налоговой

сфере: актуальные проблемы и перспективы // Финансовое право. 2024. № 1. С. 27-30.

DOI: 10.18572/1813-1220-2024-1-27-30. EDN: MMWREW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Налоговый контроль и правоохранительная система: коллизии компетенций и пути их разрешения» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Предметом исследования автор обозначил анализ правовых коллизий, возникающих при взаимодействии налоговых органов (ФНС России) и правоохранительных структур (СК РФ, МВД России, Прокуратура РФ) в процессе налогового контроля, взыскания недоимки и уголовного преследования за налоговые преступления. Основной фокус - на конфликте публичного интереса в сборе налогов и защите прав налогоплательщиков от избыточного силового давления. Автор применяет комплекс взаимодополняющих методов: нормативно-правовой анализ для проведения исследования положений Налогового кодекса РФ (ст. 32, 82), УПК РФ (ст. 140), АПК РФ (ст. 199), УК РФ (ст. 199), ГК РФ (ст. 170) и межведомственных соглашений (СК-ФНС, МВД-ФНС); сравнительно-правовой метод для проведения сопоставления эволюционных подходов к взаимодействию (например, возобновление исключительной роли материалов ФНС для возбуждения уголовных дел в 2022 г. по аналогии с периодом 2011-2014 гг.); казуистический метод в части анализа актуальной судебной практики, включая дела Арбитражного суда Тамбовской области (№ А64-7474/2024), Девятнадцатого ААС (Постановление от 31.03.2025), Арбитражного суда СПб и ЛО (№ А56-13844/2023), дела ООО «АльянсСтройСервис» и ООО «Автодор-Тамбов»; обобщение эмпирических данных - для оценки официальной статистики ФНС в части количества и результативности выездных проверок в 2024-2025 гг., динамики налоговых преступлений, а также позиций экспертов (Ткачёв И.). Актуальность темы исследования подтверждается ростом числа (на 15% в 2025 г. кв. 1) и результативности (99%) выездных проверок, значительные суммы доначислений (средний размер 65 млн руб. в 2024 г.). Неразрешенными правовыми коллизиями, в частности наличием такой ключевой проблемы как конфликт обязанности ФНС передавать материалы в СК при выявлении признаков преступления (п. 3 ст. 32 НК РФ) и обеспечительных мер, приостанавливающих действие оспариваемого решения и взыскание (ч. 3 ст. 199 АПК РФ), что создает правовой вакuum и давление на бизнес. Государственной позицией в виде прямого указания Президента РФ (2024 г.) на недопустимость использования силовых органов для давления на бизнес при одномоментном расширении полномочий Прокуратуры РФ. Введенные в 2022 г. (ФЗ № 387-ФЗ) нормы активно применяются на практике, что порождает новые вопросы о состязательности процесса. Научная новизна работы заключается в проведенной автором систематизации современных форм взаимодействия. Детально раскрыта роль каждого правоохранительного ведомства (СК, МВД, Прокуратура) на разных стадиях налогового спора с учетом последних законодательных изменений (2022-2025 гг.). Сделан авторский акцент на институциональные риски дублирования. Убедительно показано, как параллельные действия ФНС, МВД, ФСБ, СК и Прокуратуры на стадии проверки создают эффект «силового перекоса» и давление на налогоплательщика. Проведен авторский анализ новейшей судебной практики. Включены и дан критический разбор решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций за 2024-2025 годы, непосредственно затрагивающих исследуемые коллизии (особенно дело А64-7474/2024). Проведена

конкретизация проблем «правового вакуума». Четко сформулирована и проиллюстрирована судебными примерами ключевая коллизия между п. 3 ст. 32 НК РФ и обеспечительными мерами.

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным, доступным для понимания читателя языком, соответствует требованиям юридической доктрины. Структура логична: от исторического экскурса и постановки проблемы к детальному анализу роли каждого ведомства, выявлению рисков дублирования и формулированию выводов. Содержание глубокое, аргументированное. Приводимые примеры (судебные дела, статистика) релевантны и усиливают доказательную базу. Библиография обширна и современна. В статье корректно используются ссылки на работы Козлова В.А. (2025) по межведомственному взаимодействию, Гуриной Д.А. и Тихонова Е.Е. (2024) по налоговой преступности, Александрова А.Р. (2025) по влиянию обеспечительных мер, Назаренко Б.А. (2024) по прокурорскому надзору, Ряполовой Я.П. (2023) о порядке возбуждения дел, использованы актуальные статистические данные и официальные выступления (2024-2025 гг.), а также действующие межведомственные соглашения. Автор косвенно полемизирует с позицией, представленной экспертом И. Ткачёвым и отраженной в статье «Коммерсантъ» (2024), о том, что либерализация составов налоговых преступлений не привела к снижению уголовного преследования из-за компенсирующего усиления силовых методов. Материалы статьи (статистика доначислений, описание практики силового сопровождения, анализ дублирования) подтверждают этот тезис, но автор идет дальше, выявляя конкретные правовые механизмы («правовой вакuum», дублирование функций), порождающие данную ситуацию. Учитывая, что журнал «Коммерсантъ» не является научным изданием, а иной полемики, кроме вышеуказанной в статье не приведено, то следует констатировать слабость апелляционной составляющей работы. Также библиографию составляют 11 источников смешанного характера (научные, учебные, публицистические), что несколько ниже предъявляемого требования об использовании не менее 15 научных изданий. Тем не менее, в статье сделан обоснованный вывод о наличии системных коллизий компетенций и «правового вакуума» во взаимодействии ФНС и правоохранительных органов, ведущих к «силовому перекосу», дублированию функций и нарушению баланса публичных и частных интересов. Особо подчеркивается необходимость законодательного разрешения конфликта норм п. 3 ст. 32 НК РФ и обеспечительных мер. Работа представляет значительный интерес для ученых в части комплексного анализа актуальной проблемы с новейшими данными и указанием на нерешенные вопросы для будущих изысканий. Практикующих юристов (адвокаты, налоговые консультанты) заинтересует детальное понимание тактики взаимодействия контролирующих органов, рисков для клиентов на разных стадиях спора и аргументы для защиты. Представители ФНС и правоохранительных органов усмотрят институциональные проблемы взаимодействия со стороны науки и точки потенциальной оптимизации.

Таким образом, статья «Налоговый контроль и правоохранительная система: коллизии компетенций и пути их разрешения» представляет собой актуальное, научно обоснованное и практически значимое исследование. Автор успешно достигает поставленной цели, выявляя ключевые проблемы взаимодействия и их правовые корни с опорой на современную нормативную базу, судебную практику и статистику. Несмотря на то, что пути разрешения коллизий обозначены скорее, как направление для дальнейшей работы, ценность статьи заключается в глубокой систематизации и анализе текущей ситуации. Работа соответствует критериям научности, новизны и актуальности для публикации в избранном журнале.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Джумагулов Д.Д. Электронная форма соглашения: правовые проблемы идентификации лица, выразившего волю // Юридические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.7.75226 EDN: KIOBYZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75226

Электронная форма соглашения: правовые проблемы идентификации лица, выразившего волю

Джумагулов Даниил Дмитриевич

аспирант; факультет права; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

109028, Россия, г. Москва, Басманный р-н, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3

✉ ddzhumagulov@hse.ru[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.7.75226

EDN:

KIOBYZ

Дата направления статьи в редакцию:

20-07-2025

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье стали отечественные и международные (трансграничные) подходы к правовой квалификации электронной формы гражданско-правовых соглашений (шире – сделок), а также различные подходы к решению вопроса идентификации лица, выразившего волю в таких сделках. Особое внимание уделяется интерпретации требования абз. 2 п. 1 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации о возможности «достоверно определить лицо, выразившее волю» при совершении сделок с помощью электронных средств. Автор подробно рассматривает противоположные доктринальные подходы к данной проблематике: консервативный, ограничивающий признание электронной формы случаями использования усиленной квалифицированной электронной подписи, и либеральный, допускающий любые способы идентификации участников сделки. Исследуются нормы российского гражданского права, судебная практика высших судов, международные конвенции ЮНСИТРАЛ, акты унификации частного права. Анализируются практические последствия выбора того или иного подхода для действительности договоров, заключаемых в электронной форме. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод,

метод анализа судебной практики, сравнительно-правовой метод, метод системного анализа, а также функциональный метод. Научная новизна исследования проявляется в двух основных аспектах: во-первых, автором разработана классификация подходов к правовой квалификации электронной формы сделок, обосновано существование консервативного и либерального подходов, исследованы и систематизированы аргументы каждого из подходов; во-вторых, разработан авторский подход к квалификации электронной формы сделки и к решению вопроса идентификации лица, выразившего волю. Так, предлагается понимать законодательное требование абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ об идентификации лица, выразившего волю, как оценочный критерий, позволяющий признавать письменную форму соблюденной при использовании любых технических средств, обеспечивающих достоверное определение участников сделки. Также сделан вывод о том, что усиленная квалифицированная электронная подпись создает лишь презумпцию достоверности, но не является единственным допустимым электронным способом идентификации лица, выразившего волю. Кроме того, в целях снятия противоречий между либеральным и консервативным подходами предложен подход совокупного волеизъявления, который основывается на переходе от анализа одного волеизъявления лица при совершении сделки к анализу совокупности волеизъявлений, выраженных лицом до и после совершения сделки.

Ключевые слова:

электронная форма, письменная форма, свобода формы, идентификация лица, оценочный критерий, собственноручная подпись, электронная подпись, свидетельские показания, ничтожность сделки, совокупное волеизъявление

Введение

Актуальность. Тенденция на увеличение числа договоров, заключаемых с помощью сети «Интернет» (далее – «Сеть»), очевидна и не требует каких-либо статистических подтверждений. Всё большее число как бытовых (потребительских), так и сложных договоров, содержащих большое количество индивидуальных условий, в современном мире заключаются в Сети.

Кодификация гражданского законодательства происходила в период, когда электронная торговля только начинала развиваться. Правила о форме сделок (договоров), оферте и акцепте разрабатывались без учета специфики заключения договоров в Сети.

В течение длительного времени в российской юридической доктрине господствовал ограничительный подход к электронной форме. Считалось, что такая форма может заменить письменную форму в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. Это требование было применимо только к усиленной квалифицированной электронной подписи.

Текущая редакция абз. 2 п. 1 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ГК РФ) устанавливает, что требование наличия подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Однако в доктрине всё еще распространено мнение, что достоверно определить лицо, выразившее волю, возможно только при наличии на электронном документе усиленной квалифицированной электронной подписи.

Российское гражданское законодательство исходит из того, что общим правилом при

несоблюдении формы сделки является запрет ссылаться на свидетельские показания. Следовательно, для большинства договоров, заключаемых в Сети путем обмена электронными сообщениями или с использованием простой электронной подписи, порок формы не влияет на их действительность.

Однако, если для сделки установлена обязательная письменная форма, то при её несоблюдении сделка признается ничтожной. Следовательно, если придерживаться распространенного в российской юридической доктрине ограничительного подхода к электронной форме, то договор, для которого в законе имеется указание на обязательность заключения в письменной форме, не может быть заключен в электронной форме.

Такое понимание электронной формы существенно ограничивает возможности для её практического применения, что не соответствует современным тенденциям экономического оборота и компартивному опыту. Как следствие, здесь возникает потребность в дополнительных исследованиях.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе заключения гражданско-правовых соглашений (шире – сделок) в электронной форме.

Предметом исследования выступили положения отечественного гражданского законодательства, практика высших российских судов, доктринальные подходы, а также положения международных актов и актов унификации частного права в части, связанной с правовой квалификацией электронной формы гражданско-правовых сделок и с идентификацией лица, выразившего волю.

Цель исследования состоит в поиске оптимального подхода к правовой квалификации электронной формы гражданско-правовых сделок (включая вопросы идентификации лица, выразившего волю) в отечественном правопорядке на основе комплексного анализа действующего российского законодательства, судебной практики, доктрины и зарубежного опыта.

Для достижения поставленной цели в статье последовательно решаются три **задачи**: 1) исследовать содержание и значение принципа свободы формы волеизъявления в российском гражданском праве; 2) проанализировать консервативный подход к электронной форме договоров и аргументацию его сторонников; 3) исследовать либеральный подход к электронной форме и обосновывающие его доводы.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (при анализе нормативных правовых актов), метод анализа судебной практики, сравнительно-правовой метод (при изучении положений международных актов и актов унификации частного права), метод системного анализа (при исследовании взаимосвязи различных правовых норм и конструкций), а также функциональный метод (при определении роли формы сделок и видов подписей в гражданском обороте).

Принцип свободы формы

Традиционно процесс заключения договора в российской доктрине гражданского права разделяют на две стадии: оферту и акцепт [\[1, с. 29; 2\]](#). Некоторые исследователи наряду с офертой и акцептом выделяют дополнительные (промежуточные) стадии заключения договора. Например, рассмотрение оферты другой стороной (адресатом оферты), получение оферентом акцепта оферты [\[3\]](#).

Офера представляет собой действие, в котором выражена воля оферента на заключение договора на изложенных в оферте условиях с лицом (лицами), которому(-ым) она направлена. Акцепт в свою очередь можно определить как положительный ответ на оферту.

Как оферта, так и акцепт являются выражением воли. В научной доктрине существует несколько взглядов на правовую природу акцепта и оферты. Некоторые исследователи видят в них две самостоятельные односторонние сделки [4]. Другие – два волеизъявления, которые при этом не являются самостоятельными сделками [5]. Эту дискуссию оставим за рамками настоящего исследования. Значимым для нас является то, что любая воля должна быть выражена в какой-либо форме для того, чтобы быть воспринятой [6; 7; 8; 9].

Действующее регулирование исходит из принципа свободы формы волеизъявления. Следовательно, оферта и акцепт могут быть выражены в любой форме, которую стороны сочтут достаточной для доказательной функции.

В ГК РФ принцип свободы формы в отношении сделки не выражен напрямую, но следует из системного толкования его статей.

Согласно ст. 434 ГК РФ договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для него не установлена определенная форма. Из этого следует, что регулирование формы договоров подчиняется общим правилам о форме сделок.

Из общих правил о форме сделок, в частности, из содержания ст. 161 ГК РФ следует, что в простой письменной форме должны заключаться сделки (1) с участием юридических лиц, (2) на сумму, превышающую 10000 рублей. При буквальном прочтении приведенной нормы может показаться, что российское гражданское законодательство исходит из обязательности простой письменной формы для всех сделок, за исключением мелких бытовых.

Важно обратить внимание на последствия нарушения этого запрета, которые определены в ст. 162 ГК РФ.

Указанная статья разделяет последствия несоблюдения письменной формы в зависимости от того, определены ли последствия несоблюдения письменной формы в соглашении или в специальной статье. При отсутствии этого указания несоблюдение письменной формы влечет запрет сторон сделки ссылаться на свидетельские показания.

Таким образом, несоблюдение письменной формы по общему правилу не влечет недействительности заключенного договора. Из этого можно сделать вывод о том, что ГК РФ исходит из общего принципа свободы формы, характерного для большинства развитых правопорядков.

Вышеприведенное рассуждение о принципе свободы формы было необходимо для подтверждения возможности заключения договоров посредством обмена электронными документами.

Заключение договора посредством использования технических средств далее будет именоваться электронной формой, подразумевая, что это понятие включает в себя обмен телефонными сообщениями (смс), сообщениями по электронной почте или в мессенджере, обмен сканами договора с использованием иных способов электронной

коммуникации.

Регулирование электронной формы в ГК РФ было введено в 2019 году. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ «Письменная форма считается соблюденной (здесь и далее курсив мой – Д.Д.) также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю».

В цитируемой норме обратим внимание на два положения, имеющих значение для дальнейшего рассуждения.

Во-первых, законодатель использует выражение «считается соблюденной». В российской юридической доктрине существует мнение, согласно которому электронная форма представляет собой отдельный прямо непоименованный в ГК РФ вид формы [\[10, с. 31\]](#). Аналогичный подход отражен и в ряде зарубежных правопорядков. В частности, в Германии наряду с устной и письменной формами отдельно выделяется электронная форма (§ 126а Германского гражданского уложения (далее – ГГУ)) и текстовая форма (§ 126б ГГУ).

По-видимому, российский законодатель в цитируемой норме также последовал этой позиции и разделил письменную форму и электронную форму. Однако в научной доктрине встречается и иное мнение, согласно которому законодатель рассматривает электронную форму, удовлетворяющую требованиям абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, в качестве письменной формы, о чем свидетельствует само наименование ст. 160 ГК РФ: «Письменная форма сделки» [\[11; 12\]](#).

Во-вторых, необходимо обратить внимание на критерий, на основе которого закон приравнивает электронную форму к письменной: возможность «достоверно определить лицо, выразившее волю».

Буквальный текст нормы допускает два возможных толкования:

(1) Гражданское законодательство приравнивает электронную форму к письменной в случаях, когда закон указывает, что такой способ фиксации воли на электронном носителе позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю. Как будет продемонстрировано далее, российскому законодательству известен пример, когда закон однозначно указывает на то, что определенный способ фиксации воли на электронном носителе позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю.

(2) Гражданское законодательство использует оценочный критерий для идентификации лица, выразившего волю на электронном носителе. Следовательно, если выбранный способ волеизъявления позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю в электронной форме, то письменная форма считается соблюденной.

Для простоты дальнейшего изложения первый подход может быть условно обозначен как «консервативный», а второй – как «либеральный».

Различие между консервативным и либеральным подходами имеет принципиальное практическое значение: от выбранного подхода зависит применение ст. 162 ГК РФ к договорам, заключенным в электронной форме, для которой в законе отсутствует указание на то, что такая форма позволяет достоверно установить лицо, выразившее

волю.

Напомним, что ст. 162 ГК РФ предусматривает два последствия несоблюдения письменной формы:

- (1) запрет ссылаться на свидетельские показания (общее правило);
- (2) недействительность сделки (в прямо предусмотренных законом случаях).

Запрет ссылаться на свидетельские показания не имеет существенного значения при доказывании обстоятельств, связанных с заключением договора в электронной форме. В случае необходимости основными источниками информации будут являться различные письменные доказательства, такие как распечатки переписок и т.п. [\[13\]](#). Из-за этого факта различие между подходами может показаться незначительным.

Однако последствия, установленные в п. 2 ст. 162 ГК РФ, при консервативном подходе существенно ограничивает сферу возможного совершения сделок, совершаемых в электронной форме. Из этого следует, что любые сделки, для которых законом установлена письменная форма, не могут заключаться в электронной форме, в отношении которой закон прямо не оговаривает, что она позволяет достоверно установить лицо, выразившее волю.

Таким образом, ключевым фактором, оказывающим влияние на выбор в пользу либерального или консервативного подхода к электронной форме, являются последствия, указанные в п. 2 ст. 162 ГК РФ.

Далее подробнее рассмотрим сами подходы и аргументы их сторонников.

Консервативный подход к электронной форме

Сторонники консервативного подхода [\[13; 14; 15; 16\]](#), как правило, не отрицают саму возможность совершения сделок в электронной форме, когда закон не устанавливает, что такой способ коммуникации позволяет достоверно идентифицировать лицо. Однако электронная форма не должна рассматриваться в качестве равнозначной письменной форме, при которой документ подписывается собственноручно.

Сторонники такого взгляда на электронную форму обычно апеллируют к содержанию норм закона. Действительно, при буквальном толковании может быть сделан вывод, что закон приравнивает электронную форму к письменной только тогда, когда на это есть непосредственное указание.

Обратимся к ч. 4 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «В целях заключения гражданско-правовых договоров или оформления иных правоотношений, в которых участвуют лица, обменивающиеся электронными сообщениями, обмен электронными сообщениями, каждое из которых подписано электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи отправителя такого сообщения, в порядке, установленном федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или соглашением сторон, рассматривается как обмен документами».

Из цитируемой нормы следует, что законодатель приравнивает обмен электронными сообщениями к обмену подписанными документами в случаях, когда электронные документы подписаны электронной подписью в порядке, установленном законом.

Особенности использования электронной подписи регулируются Федеральным законом

от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон об электронной подписи). Указанный закон выделяет два вида электронной подписи: простая электронная подпись и усиленная электронная подпись. Последняя подразделяется на два подвида – усиленную неквалифицированную электронную подпись и усиленную квалифицированную электронную подпись (ч. 1 ст. 5 Закона об электронной подписи).

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона об электронной подписи подписание электронного документа электронной квалифицированной подписью приравнивается к собственоручному подписанию бумажного документа. Таким образом, электронная форма при наличии электронной квалифицированной подписи однозначно соответствует критерию абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Из приведенных положений сторонники консервативного подхода к электронной форме делают вывод, что закон устанавливает только два случая, когда электронная форма приравнивается к письменной:

- (1) при наличии усиленной квалифицированной электронной подписи;
- (2) если нормативным правовым актом или соглашением сторон установлено, что простая или усиленная неквалифицированная электронные подписи признаются равнозначными собственоручной подписи.

Простая и усиленная неквалифицированная электронные подписи признаются равнозначными собственоручной подписи только в случаях, установленных нормативным правовым актом или соглашением сторон (ч. 2 ст. 6 Закона об электронной подписи).

В законодательстве установлено несколько случаев, когда простая электронная подпись приравнивается к собственоручной подписи. В частности, такое указание содержится в п. 2 ст. 6.1 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

Следовательно, пусть этот вывод и редко прямо озвучивается сторонниками консервативного подхода, если договор, для которого законом установлена письменная форма, заключен в электронной форме, не соответствующей вышеперечисленным критериям, то такой договор должен рассматриваться как ничтожный. Как неоднократно отмечал ВС РФ, под указанием в п. 2 ст. 162 ГК РФ на *недействительность сделки* понимается именно ничтожность сделки, а не оспоримость (п. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10; п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45; п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23).

Далее более подробно рассмотрим линии аргументации сторонников консервативного подхода.

Консервативный подход представлен в исследовании К.П. Татаркиной о форме сделок. Исследователь исходит из того, что участники гражданских правоотношений могут использовать различные технические средства для выражения своей воли [\[14, с. 136\]](#). При этом собственоручная подпись на документе, с точки зрения автора, является существенным (квалифицирующим) признаком письменной формы [\[14, с.147\]](#). Требование наличия на письменном документе собственоручной подписи считается соблюденным при использовании аналога собственоручной подписи (п. 2 ст. 160 ГК РФ).

К.П. Татаркина определяет аналог собственоручной подписи так: «Подобие

собственноручной подписи, выполненное при помощи механических и/или технических средств, с целью обеспечения целостности/неизменности документа и идентификации лица, его подготовившего (подписавшего)». И относит к аналогам собственноручной подписи электронную подпись или иной способ идентификации лица, который стороны определили в качестве аналога собственноручной подписи, при условии, что он выполняет функции, присущие собственноручной подписи [14, с. 141-142].

Далее К.П. Татаркина указывает, что при отсутствии собственноручной подписи или аналога собственноручной подписи письменная форма считается несоблюденной. Следовательно, обмен неподписанными или подписанными электронной подписью, не соответствующей требованиям Закона об электронной подписи, сообщениями не удовлетворяет квалифицирующему признаку письменной формы [14, с. 147-149].

Сходные рассуждения представлены в работе А.И. Савельева, посвященной электронной коммерции. Исследователь указывает, что требование письменной формы будет считаться соблюденным только при наличии на электронном документе электронной подписи, которая удовлетворяет требованиям, установленным Законом об электронной подписи [13].

Также А.И. Савельев указывает, что несоблюдение письменной формы в большинстве случаев влечет лишь невозможность ссылаться на свидетельские показания. Таким образом, договоры, заключаемые путем обмена электронными сообщениями, признаются действительными, а стороны без труда могут доказать их наличие путем ссылки на иные обстоятельства (копии переписок, подтверждение исполнения и т.п.), что, по мнению автора, свидетельствует об отсутствии препятствий для использования рассматриваемой формы в экономическом обороте [17].

При этом вопрос о возможности заключения договоров в электронной форме, не соответствующей требованиям Закона об электронной подписи, для которых законом установлена письменная форма, остается без внимания.

Консервативный подход встречается и в более новых исследованиях. В частности, позиция о том, что требованию письменной формы удовлетворяет только документ, содержащий усиленную квалифицированную электронную подпись, встречается в работах Е.А. Шелепиной [15] и Н.А. Танага [16].

В целом, консервативный подход основывается на строгом буквальном толковании действующего законодательства и устанавливает жесткие рамки для признания электронной формы равнозначной письменной.

Сторонники данного подхода исходят из того, что собственноручная подпись является квалифицирующим признаком письменной формы, а электронная форма может заменить письменную лишь в двух строго определенных случаях: при использовании усиленной квалифицированной электронной подписи или при прямом указании в законе/соглашении сторон на равнозначность иных видов электронной подписи собственноручной подписи.

Практическим следствием консервативного подхода является существенное ограничение сферы применения электронной формы: договоры, для которых законом установлена обязательная письменная форма, не могут заключаться посредством обычного обмена электронными сообщениями без квалифицированной ЭП, поскольку такие сделки будут признаваться ничтожными в соответствии с п. 2 ст. 162 ГК РФ.

Данный подход обеспечивает правовую определенность, но не соответствует современным тенденциям развития электронного документооборота и цифровой экономики.

Либеральный подход к электронной форме

Либеральный подход к электронной форме заключается в том, что электронная форма рассматривается как письменная форма (признается равной ей), если она позволяет идентифицировать лицо, выразившее волю.

Сторонники либерального подхода [\[18; 19; 20; 21\]](#) к электронной форме для обоснования своей позиции чаще всего не ограничиваются только нормативными аргументами, по их мнению, этот вывод также следует из компаративного опыта и функционального анализа формы (политико-правовой аргументации). Рассмотрим все эти группы аргументов по порядку.

Нормативная аргументация. Либеральный подход к электронной форме представлен, в частности, в работах А.Г. Карапетова. Исследователь считает, что из буквального прочтения норм ГК РФ и Закона об электронной подписи может быть сделан вывод о том, что законодатель исходит из консервативного подхода к электронной форме. Однако, по мнению автора, следовать такому буквальному толкованию было бы ошибкой, и оно может быть опровергнуто даже с помощью нормативной аргументации [\[19, с. 282\]](#).

В качестве нормативных аргументов А.Г. Карапетов ссылается на п. 2 ст. 434 ГК РФ, п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее – ПП ВС РФ № 49), и п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий» (далее – ПП ВАС РФ № 14).

Однако, приведенная автором сумма нормативных аргументов недостаточна для того, чтобы сделать безусловный выбор в пользу либерального подхода к электронной форме. Рассмотрим и прокомментируем разъяснения, на которые ссылается исследователь.

В пункте 9 ПП ВС РФ № 49 указано, что «При заключении договора путем обмена документами для целей признания предложения оферты не требуется наличия подписи оферента, если обстоятельства, в которых сделана оферта, позволяют достоверно установить направившее её лицо (п. 2 ст. 434 ГК РФ)». При буквальном прочтении указанного пункта ясно, что речь идет об обмене бумажными документами. При этом в разъяснении содержится ссылка на п. 2 ст. 434 ГК РФ, в которой упоминается также обмен электронными документами.

Возможно ли, основываясь на этой ссылке, сделать вывод, что при обмене неподписанными электронными документами требование наличия подписи считается соблюденным, если иные обстоятельства позволяют достоверно установить лицо, направившее электронный документ? Некоторые исследователи полагают, что термин «документ», используемый ВС РФ в комментируемом пункте разъяснения, должен пониматься широко: его содержание должно относиться и к обмену электронными документами [\[19\]](#).

Представляется, что указанный пункт не может толковаться настолько расширительно. Схожая точка зрения отражена в комментарии к ПП ВС РФ № 49. Авторы указывают, что речь в комментируемом разъяснении идет прежде всего о случаях обмена

неподписанными документами. При этом, по мнению авторов комментария, ВС РФ уклонился от ответа на вопрос о применении указанного пункта к случаям заключения договора в электронной форме [\[20\]](#). Также авторы комментария указывают на желательность распространения данного разъяснения на случаи обмена электронными документами, то есть придерживаются либерального подхода к электронной форме [\[20\]](#).

На невозможность расширительного толкования данного разъяснения также указывает А.М. Эрделевский. Согласно его мнению, расширительное толкование норм, в которых устанавливается изъятие из общего правила, не допускается на уровне судебной практики [\[22\]](#).

Согласно п. 3 ПП ВАС РФ № 14 «ГК РФ не запрещает совершение односторонней сделки путем направления должником кредитору по обязательству, возникающему из односторонней сделки, соответствующего документа посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от лица, совершившего одностороннюю сделку (ст. 156, п. 1 ст. 160, п. 2 ст. 434 ГК РФ). Следовательно, требования ст. 368 ГК РФ о письменной форме банковской гарантии считаются соблюденными, к примеру, когда гарантия выдана в форме электронного сообщения с использованием телекоммуникационной системы SWIFT (СВИФТ)».

При анализе п. 3 ПП ВАС РФ № 14, его содержание необходимо разделить на две части:

Во-первых, в этом пункте ВАС РФ утверждает, что ГК РФ не запрещает совершение односторонней сделки в том числе в электронной форме. Этот вывод следует из принципа свободы формы и, как было отмечено ранее, не оспаривается большинством сторонников консервативного подхода к электронной форме.

Во-вторых, далее ВАС РФ указывает, что требование письменной формы считается соблюденным, если гарантия выдана в форме электронного сообщения с использованием телекоммуникационной системы SWIFT.

Основной вопрос, который возникает к содержанию этого пункта, может быть сведен к следующему: (1) намеревался ли ВАС РФ создать общую норму, в соответствии с которой электронная форма, позволяющая идентифицировать лицо, изъявившее волю, должна быть приравнена к письменной (на это, в частности, указывает выражение «к примеру», используемое в комментируемом пункте) или (2) ВАС РФ имел в виду частный случай допустимости предоставления гарантии в электронной форме с использованием системы SWIFT. Из буквального прочтения следует второй вывод.

Кроме того, п. 2 ст. 368 ГК РФ не устанавливает последствия несоблюдения письменной формы. Таким образом, при несоблюдении письменной формы независимой гарантии применяется п. 1 ст. 162 ГК РФ. Для нас же ключевым является вопрос о применении п. 2 ст. 162 ГК РФ к договорам, заключаемым в электронной форме, не соответствующей требованиям Закона об электронной подписи.

Следовательно разъяснение, в котором речь идет о форме независимой гарантии, даже при условии, что ВАС РФ подразумевал, что использование любой электронной формы гарантии, позволяющей идентифицировать лицо, совершившее сделку, должно приравниваться к письменной форме, не релевантно для ключевого вопроса.

Попытка дать нормативное обоснование либеральному подходу также представлена в исследовании С. В. Козловской [\[21\]](#). Основой аргументации являются нормы абз. 2 п. 1

ст. 160 ГК РФ и п. 2 ст. 434 ГК РФ.

Она отмечает, что категория «письменная форма», используемая в гражданском законодательстве, включает, в том числе, электронную форму. Из этого следует, что понятие «документ на бумажном носителе» не равнозначно понятию «письменная форма». Законом или соглашением сторон может быть установлено использование модифицированной письменной формы (например, использование только подписанных документов на бумажном носителе или составление единого документа), но по общему правилу письменная форма считается соблюденной при обмене неподписанными электронными документами, которые позволяют идентифицировать лицо, выразившее волю [\[21\]](#).

По мнению С. В. Козловской, ст. 6 Закона об электронной подписи должна пониматься следующим образом: усиленная квалифицированная электронная подпись является одним из способов идентификации лица. Использование усиленной квалифицированной электронной подписи (1) признает электронный документ равным документу на бумажном носителе (использование усиленной электронной подписи позволяет соблюсти требование договора или закона об использовании исключительно документов на бумажном носителе); (2) исключает возможность спора об идентификации лица, выразившего волю [\[21\]](#).

Соглашаясь с представленной аргументацией, все нужно заметить, что в основе указанных выводов лежит расширительное толкование абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ и ст. 6 Закона об электронной подписи. Иное прочтение указанных статей в равной степени позволяет сделать выбор в пользу консервативного подхода к электронной форме. По-видимому, это понимает и сама С.В. Козловская, несколько раз в тексте статьи указывая на необходимость прямого законодательного закрепления отстаиваемого ей подхода к электронной форме [\[21\]](#).

Таким образом, нормативные аргументы не позволяют однозначно ответить на вопрос о последствиях заключения в электронной форме без усиленной квалифицированной электронной подписи договора, для которого законом установлена обязательная письменная форма. В связи с этим обратимся к рассмотрению иных аргументов.

Компаративная аргументация. Рассматриваемый вопрос достаточно прост для сравнительно-правового изучения: ведущие современные правопорядки в качестве общего правила признают равную юридическую силу за документами, подписанными собственноручно, и электронными документами, позволяющими идентифицировать лицо, выразившее волю. Иные правила могут быть установлены в специальных нормах. Рассмотрим ключевые акты, в которых содержится подобное указание.

Международные акты. На международном уровне либеральный подход к использованию электронной формы отражен в нескольких актах ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли).

Согласно п. 2 ст. 9 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах требование письменной формы считается выполненным, если информация, содержащаяся в электронном сообщении, может быть повторно воспроизведена (требование фиксации). В следующем пункте указывается, что если закон устанавливает требование к подписанию документа, то это требование считается выполненным, когда электронное сообщение позволяет идентифицировать отправителя (требование идентификации).

Российская Федерация приняла Конвенцию ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, но её положения распространяются только на международные договоры, когда стороны договорились о её применении (Постановление Правительства РФ от 24.10.2013 № 940).

Схожая по содержанию норма установлена в ст. 11 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, согласно которой договор не может быть признан недействительным или лишен исковой защиты только на том основании, что он был заключен путем обмена электронными сообщениями. В п. 15 и 49 Руководства по применению Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле дается развернутое обоснование этого правила. По мнению разработчиков, электронные сообщения способны выполнять функции, которые присущи письменной форме, при которой договор заключается путем обмена бумажными документами. Письменная форма должна считаться соблюденной независимо от того, заключен ли договор в виде физического или электронного документа. При этом законом страны может быть установлены специальные требования к подписанию документа. Соблюдение письменной формы должно рассматриваться в качестве минимального требования идентификации сторон.

Акты унификации частного права также придерживаются либерального подхода.

В п. 6 ст. 1:301 Принципов европейского договорного права (*The Principles of European Contract Law*) указывается, что в «письменные заявления включают сообщения, переданные телеграфом, телексом, факсом или электронной почтой, а также другими средствами сообщения, способными передать читаемый текст заявления обеими сторонами» [\[23\]](#).

Схожее определение письменной формы содержится в ст. 1.10 Принципов УНИДРУА: «Письменная форма» означает любой вид сообщения, который сохраняет запись информации, содержащейся в нём, и способный быть воспроизведенным в осозаемом виде» [\[24\]](#).

Более развернутое регулирование установлено в Модельных правилах европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference, DCFR*). Как и вышеописанные проекты негосударственной унификации частного права, DCFR прямо закрепляет принцип свободы формы соглашения (II.-1:106 DCFR), в соответствии с которым по общему правилу юридический акт (сделка) действителен независимо от его формы.

В ст. I.-1:106 DCFR дается следующее определение письменной формы: «Заявление считается сделанным в письменной форме, если оно сделано в форме текста, состоящего из знаков, которые разборчиво изображены на бумаге или ином материальном носителе».

Из указанного определения следует, что (1) требование подписи не является квалифицирующим признаком письменной формы; (2) письменная форма считается соблюденной, когда её содержание может быть отражено на каком-либо материальном носителе. Следовательно, при обмене электронными сообщениями письменная форма считается соблюденной.

Далее в ст. I.-1:107 DCFR дается определение понятию «подпись». В указанной статье выделяется три типа подписей (1) собственноручная подпись, (2) электронная подпись, (3) квалифицированная электронная подпись. В соответствии с DCFR для отдельных договорных типов законом или соглашением сторон может быть установлено требование к подписи на документе.

По общему правилу, если в статье указывается требование наличия подписи на документе, то документ может быть подписан подписью любого типа. Но в некоторых случаях может содержаться ограничение на использование подписи определенного типа.

Например, в ст. IV.H.-2:101 DCFR установлено, что условием действительности договора дарения является письменная форма, содержащая собственноручную подпись дарителя. Требование к подписи также будет считаться соблюденным, если даритель использовал квалифицированную электронную подпись.

В целом, компаративный анализ показывает, что международные конвенции ЮНСИТРАЛ и акты унификации частного права (PECL, Принципы УНИДРУА, DCFR) придерживаются именно либерального подхода, признавая равную письменной форме юридическую силу за электронными документами при соблюдении критерия идентификации сторон сделки.

Однако, непосредственно в российском правопорядке нормативные аргументы сторонников либерального подхода основаны на расширительном толковании положений гражданского законодательства, которое далеко не во всех случаях будет являться оправданным и допустимым.

Заключение

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Требование возможности идентификации лица, выразившего волю, установленное в абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, должно рассматриваться в качестве оценочного критерия. Следовательно, требование наличия подписи на документе должно считаться выполненным, а письменная форма соблюденной, если был использован способ выражения воли, позволяющий с достаточной степенью достоверности определить лицо, её выразившее. Формально этому критерию удовлетворяет любое электронное сообщение при условии, что оно может быть повторно воспроизведено в течение длительного периода времени, и из фактических обстоятельств можно установить лицо, являющееся его автором.

2. Содержание ст. 6 Закона об электронной подписи должно пониматься ограничительно. Использование усиленной квалифицированной электронной подписи создает презумпцию достоверности волеизъявления. При использовании простой или усиленной неквалифицированной электронной подписи, удовлетворяющей критерию абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, письменная форма должна считаться соблюденной, даже при отсутствии соглашения или прямого указания в законе о её признании равносильной собственноручной подписи.

3. Наряду с либеральным и консервативным подходами к электронной целесообразным видится предложить подход, который основывается на переходе от анализа одного волеизъявления к анализу совокупности волеизъявлений, выраженных до и после совершения сделки.

Таким образом, принимая и рассматривая действия сторон в их совокупности, каждое из которых может быть незначительным (например, переговоры или перевод денежных средств) для заключения договора, совершение этих действий в совокупности свидетельствует о намерении заключить договор больше, чем простое наличие ЭЦП или собственноручной подписи на документе.

Представляется корректным назвать это подход совокупным волеизъявлением.

Библиография

1. Цитович П.П. Обязательства по русскому гражданскому праву: Конспект лекций. Киев, 1894. 106 с.
2. Кучер А.Н. Заключение договора в соответствии с Венской конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2001. 163 с. EDN: NLWKUD
3. Денисов С.А. О порядке заключения договора // Актуальные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 246-247.
4. Богданов Е.В. Спорные вопросы заключения гражданско-правового договора // Современное право. 2017. № 7. С. 34-40. EDN: ZBKNQJ
5. Семенуха Т.Б. Давний спор о квалификации оферты: сделка или стадия заключения договора // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205). С. 277-280.
6. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 192-215.
7. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 224-250.
8. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 231-260.
9. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 235-253.
10. Ефимова Л.Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 1. С. 22-41. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.022-041 EDN: YTPEWP
11. Ефимова Л.Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84-90. EDN: MYVAKS
12. Демин А.А. Механизм гражданско-правового регулирования возникновения договорных обязательств в цифровой среде // Цивилист. 2023. № 2. С. 15-20. EDN: NYSBPY
13. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.
14. Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: монография. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. 262 с. EDN: QSSPDJ
15. Шелепина Е.А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 31-39. EDN: ZTCDOV
16. Танага А.Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве. М.: Проспект, 2023. 120 с. EDN: YKREWВ
17. Савельев А.И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 43-88.
18. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: Постатейный комментарий к статьям 807 – 860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2019. 1282 с.
19. Карлаш Д.С. Электронный документооборот: вопросы правового регулирования // Право и экономика. 2019. № 8. С. 22-28. EDN: PTQCTP
20. Автонова Е.Д., Астапенко П.А., Борейшо Д.В. [и др.]. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании

- договора" // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 68-118. EDN: ENPKWF
21. Козловская С.В. Проблемы гражданско-правового регулирования сделок, заключаемых в рамках электронного взаимодействия // Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. С. 195-230.
22. Эрделевский А.М. Заключение и толкование договора в судебной практике. СПС КонсультантПлюс, 2019. 120 с.
23. Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции / пер. с англ. под ред. Н.Г. Вилковой. 4-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 896 с. EDN: QSIIZT
24. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. 768 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, электронная форма соглашения. Автор анализирует правовые проблемы идентификации лица, выразившего волю. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (при анализе нормативных правовых актов), метод анализа судебной практики, сравнительно-правовой метод (при изучении положений международных актов и актов унификации частного права), метод системного анализа (при исследовании взаимосвязи различных правовых норм и конструкций), а также функциональный метод (при определении роли формы сделок и видов подписей в гражданском обороте)".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Тенденция на увеличение числа договоров, заключаемых с помощью сети «Интернет» (далее – «Сеть»), очевидна и не требует каких-либо статистических подтверждений. Всё большее число как бытовых (потребительских), так и сложных договоров, содержащих большое количество индивидуальных условий, в современном мире заключаются в Сети. Кодификация гражданского законодательства происходила в период, когда электронная торговля только начинала развиваться. Правила о форме сделок (договоров), оферте и акцепте разрабатывались без учета специфики заключения договоров в Сети. В течение длительного времени в российской юридической доктрине господствовал ограничительный подход к электронной форме. Считалось, что такая форма может заменить письменную форму в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. Это требование было применимо только к усиленной квалифицированной электронной подписи. Текущая редакция абз. 2 п. 1 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ГК РФ) устанавливает, что требование наличия подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Однако в доктрине всё еще распространено мнение, что достоверно определить лицо, выразившее волю, возможно только при наличии на электронном документе усиленной квалифицированной электронной подписи. Российское гражданское законодательство исходит из того, что общим правилом при несоблюдении формы

сделки является запрет ссылаться на свидетельские показания. Следовательно, для большинства договоров, заключаемых в Сети путем обмена электронными сообщениями или с использованием простой электронной подписи, порок формы не влияет на их действительность. Однако, если для сделки установлена обязательная письменная форма, то при её несоблюдении сделка признается ничтожной. Следовательно, если придерживаться распространенного в российской юридической доктрине ограничительного подхода к электронной форме, то договор, для которого в законе имеется указание на обязательность заключения в письменной форме, не может быть заключен в электронной форме. Такое понимание электронной формы существенно ограничивает возможности для её практического применения, что не соответствует современным тенденциям экономического оборота и компаративному опыту. Как следствие, здесь возникает потребность в дополнительных исследованиях". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В целом, консервативный подход основывается на строгом буквальном толковании действующего законодательства и устанавливает жесткие рамки для признания электронной формы равнозначной письменной.

Сторонники данного подхода исходят из того, что собственноручная подпись является квалифицирующим признаком письменной формы, а электронная форма может заменить письменную лишь в двух строго определенных случаях: при использовании усиленной квалифицированной электронной подписи или при прямом указании в законе/соглашении сторон на равнозначность иных видов электронной подписи собственноручной подписи.

Практическим следствием консервативного подхода является существенное ограничение сферы применения электронной формы: договоры, для которых законом установлена обязательная письменная форма, не могут заключаться посредством обычного обмена электронными сообщениями без квалифицированной ЭП, поскольку такие сделки будут признаваться ничтожными в соответствии с п. 2 ст. 162 ГК РФ. Данный подход обеспечивает правовую определенность, но не соответствует современным тенденциям развития электронного документооборота и цифровой экономики"; "В целом, компаративный анализ показывает, что международные конвенции ЮНСИТРАЛ и акты унификации частного права (РЕСЛ, Принципы УНИДРУА, DCFR) придерживаются именно либерального подхода, признавая равную письменной форме юридическую силу за электронными документами при соблюдении критерия идентификации сторон сделки. Однако, непосредственно в российском правопорядке нормативные аргументы сторонников либерального подхода основаны на расширительном толковании положений гражданского законодательства, которое далеко не во всех случаях будет являться оправданным и допустимым"; "Наряду с либеральным и консервативным подходами к электронной целесообразным видится предложить подход, который основывается на переходе от анализа одного волеизъявления к анализу совокупности волеизъявлений, выраженных до и после совершения сделки. Таким образом, принимая и рассматривая действия сторон в их совокупности, каждое из которых может быть незначительным (например, переговоры или перевод денежных средств) для заключения договора, совершение этих действий в совокупности свидетельствует о намерении заключить договор больше, чем простое наличие ЭЦП или собственноручной подписи на документе. Представляется корректным назвать это подход совокупным волеизъявлением" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель, задачи и методологию. В основной части работы автор разрабатывает оптимальный подход к правовой квалификации электронной формы гражданско-правовых сделок (включая вопросы идентификации лица, выразившего волю) в отечественном правопорядке. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Текущая редакция абз. 2 п. 1 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ГК РФ) устанавливает, что требование наличия подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю" - "кодекса" (опечатка).

Ученый отмечает: "Однако последствия, установленные в п. 2 ст. 162 ГК РФ, при консервативном подходе существенно ограничивает сферу возможного совершения сделок, совершаемых в электронной форме" - "ограничивают" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 24 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, учебником). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. И. Савельев, К. П. Татаркина, А.Г. Карапетов, Д. С. Карлаш и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Требование возможности идентификации лица, выразившего волю, установленное в абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, должно рассматриваться в качестве оценочного критерия. Следовательно, требование наличия подписи на документе должно считаться выполненным, а письменная форма соблюденной, если был использован способ выражения воли, позволяющий с достаточной степенью достоверности определить лицо, её выразившее. Формально этому критерию удовлетворяет любое электронное сообщение при условии, что оно может быть повторно воспроизведено в течение длительного периода времени, и из фактических обстоятельств можно установить лицо, являющееся его автором. 2. Содержание ст. 6 Закона об электронной подписи должно пониматься ограничительно. Использование усиленной квалифицированной электронной подписи создает презумпцию достоверности волеизъявления. При использовании простой или усиленной неквалифицированной электронной подписи, удовлетворяющей критерию абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, письменная форма должна считаться соблюденной, даже при отсутствии соглашения или прямого указания в законе о её признании равносильной собственноручной подписи. 3. Наряду с либеральным и консервативным подходами к электронной целесообразным видится предложить подход, который основывается на переходе от анализа одного волеизъявления к анализу совокупности волеизъявлений, выраженных до и после совершения сделки. Таким образом, принимая и рассматривая действия сторон в их совокупности, каждое из которых может быть незначительным (например, переговоры или перевод денежных средств) для заключения договора, совершение этих действий в совокупности свидетельствует о намерении заключить

договор больше, чем простое наличие ЭЦП или собственноручной подписи на документе. Представляется корректным назвать это подход совокупным волеизъявлением"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении работы.

Англоязычные метаданные

On the expansion of the concept of ecogenic harm to health caused by the use of agricultural products that do not meet safety requirements

Ustyukova Valentina Vladimirovna

Doctor of Law

Professor; Chief Researcher of the Environmental, Agrarian and Land Law Department; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia

 ustyukova.v@yandex.ru

Abstract. In the modern world, security issues in the broadest sense take on special significance. Problems related to ensuring food and environmental security play an important role. The production of quality and safe agricultural products and ensuring their availability for the population serve the national interests of the Russian Federation. Consuming plant products grown on pesticide- and agrochemical-contaminated lands, as well as animal products made from agricultural raw materials that do not meet safety requirements (for example, meat from infected animals), can cause serious harm to human health. The goal of the research is to identify the relationship between the concepts of "environmental harm" and "ecogenic harm," as well as the significance and applicability of the latter for ensuring the safety of agricultural products of animal origin. The article employs general scientific and specialized methods (analysis, generalization, formal-legal, comparative-legal, etc.) to reveal doctrinal approaches of scholars to the issues of ensuring the safety of agricultural products, defining ecogenic harm, and to formulate proposals for clarifying this concept. The article establishes that the livestock sector deals with living organisms. And although formally and legally agricultural animals do not belong to the animal world but are considered "property" under civil law, they do not cease to be part of nature, a unique "natural resource," a component of the natural environment, much like how land, classified as real estate, remains a natural object and natural resource. The scientific novelty of the article lies in justifying the feasibility of expanding the concept of "ecogenic harm," which has formed in the theory of environmental law, by relating to it not only harm to health caused by "negative impacts of the environment," as is commonly accepted now, but also harm that arises as a result of committing ecological and related "ecologized" violations (veterinary, sanitary-epidemiological, etc.), which better corresponds to the norm of Article 42 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: environmental damage, animal products, technical regulation, food products, agricultural products, environmental protection, environmental offense, food safety, legal regulation, veterinary regulations

References (transliterated)

1. Panova A.S. Kachestvo tovarov, rabot, uslug kak pravovaya kategoriya // Zhurnal rossiiskogo prava. 2010. № 4. S. 85. EDN: NDLWTL.
2. Pravovoe obespechenie razvitiya sel'skogo khozyaistva v Rossii / Otv. red. S.A. Bogolyubov. M.: Yurist", 2005. S. 182. S. 186.
3. Maksimov E.L. Ratsional'noe ispol'zovanie i okhrana zemel' sel'skokhozyaistvennogo

- naznacheniya: ekologo-pravovye problemy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2023. № 3. S. 74; DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.072-080 EDN: SPJIMD.
4. Osipova N.V. Normativno-pravovoe obespechenie kontrolya za ispol'zovaniem sel'skokhozyaistvennykh ugodii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023. № 11. S. 85; DOI: 10.47643/1815-1329_2023_11_85 EDN: GCOANR.
 5. Brinchuk M.M., Selivanova K.A. Ekologizatsiya agrarnogo zakonodatel'stva kak aktual'naya zadacha // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 5. S. 13, 14. EDN: LUXXP.
 6. El'nikova E.V. Pravovoe obespechenie bezopasnosti sel'skokhozyaistvennoi produktsii // Sovremennyi yurist. 2022. № 3. S. 60-70. EDN: AROXNE.
 7. Vasil'eva M.I. Pravo grazhdan SSSR na zdorovyyu okruzhayushchuyu sredu: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1990. S. 5-23; EDN: ZJOBOB.
 8. Misnik G.A. Ekologicheskoe strakhovanie: ponyatie, funktsii, osnovnye elementy // Ekologicheskoe pravo. 2006. № 6. S. 15-22; EDN: KWGGPF.
 9. Nikishin V.V. Teoreticheskie problemy vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: idei V.V. Petrova i sovremennost' // Ekologicheskoe pravo. 2009. № 2/3, Spetsial'nyi vypusk.
 10. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" (postateinyi) / Pod red. O.L. Dubovik // SPS "Konsul'tantPlyus". 2015.
 11. Gaevskaya E.Yu. Institut vozmeshcheniya vreda kak obespechitel'nyi ekonomiko-pravovoi mekhanizm realizatsii trebovaniy ekologicheskoi bezopasnosti // Khozyaistvo i pravo. 2023. № 1. S. 96-105; DOI: 10.18572/0134-2398-2023-1-96-105 EDN: RTFVZP.
 12. Krasnova S.A. Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: vzglyad skvoz' prizmu deliktnogo prava // Khozyaistvo i pravo. 2023. № 5. S. 97-109; DOI: 10.18572/0134-2398-2023-5-97-109 EDN: XXULMG.
 13. Zhavoronkova N.G., Vypkhanova G.V. Teoretiko-pravovye problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchey srede // Lex russica. 2018. № 3. S. 52-67; DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.052-067 EDN: WAVSLR.
 14. Kravtsova E.A. Problemy vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda v Rossiiskoi Federatsii // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16. № 3. S. 321-326.
 15. Ryzhenkov A.Ya. Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: problemy teorii i praktiki // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 3. S. 77-85; DOI: 10.17803/2311-5998.2020.67.3.077-085 EDN: GIONUA.
 16. Battakhov P.P., Ovchinnikova Yu.S. Problemy pravovogo regulirovaniya vozmeshcheniya vreda pri dobyche poleznykh iskopaemykh v Arkticheskoi zone Rossii // Pravo i ekonomika. 2023. № 12. S. 54-60 i dr. EDN: OSJIME.
 17. Brinchuk M.M. Ekologicheskoe pravo (pravo okruzhayushchey sredy). Uchebnik dlya vysshikh yuridicheskikh uchebnykh zavedenii. M.: Yurist"", 1998. S. 494-495. EDN: XSDUWD.
 18. Brinchuk M.M. Ekologo-pravovaya otvetstvennost' - samostoyatel'nyi vid otvetstvennosti // Lex Russica. 2016. № 6. S. 41-43; DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.026-047 EDN: WYMHUJ.
 19. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) / Pod red. Yu.I. Skuratova, V.M. Lebedeva. 3-e izd., dopolnennoe i izmenennoe. M.: INFRA-M-NORMA, 2000 // SPS "Konsul'tantPlyus".
 20. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) / Pod red. A.I.

- Chuchaeva. M.: KONTRAKT, 2013 // SPS "Konsul'tantPlyus".
21. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) / Pod red. G.A. Esakova. 9-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Prospekt, 2021 // SPS "Konsul'tantPlyus".
22. Voronina N.P. Ekologo-pravovye trebovaniya k sel'skokhozyaistvennoi produktsii v kontekste obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti (na primere stran Evropy i Azii) // Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava. 2021. № 5 (15). S. 31.

Regulation of generative artificial intelligence in foreign jurisdictions and Russia: a comparative legal analysis

Belousov Aleksandr Aleksandrovich

Professor; Law Institute; Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba

Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str. 6

✉ belousova2026@mail.ru

Abstract. This article examines the experience of Russia, the CIS, China and the EU in regulating the use of generative AI. This study covers a practical block of issues in terms of mandatory requirements for generative AI service providers, the main forms of liability for violating national and supranational legislation. In addition, the difference in the definition of generative AI and the main block of doctrinal studies in the presented jurisdictions are examined. Based on the conducted study, proposals are formulated for the subsequent improvement of domestic regulation of the use of generative AI models. The subject of the study is public relations with the use of generative AI models in the private and public legal field. The object of the study is regulatory documents, recommendations and other documents regulating the use of generative AI models in the EU, China, Russia and the CIS model law, academic publications on the issue under study, as well as individual examples of judicial practice. The research methodology includes a set of philosophical, general scientific, special scientific methods of cognition, including dialectical, systemic, structural-functional, hermeneutic, comparative-legal, formal-legal (dogmatic), etc. Within the framework of the presented study, as indicated in the title of the article, special emphasis is placed on conducting a comparative-legal study of the regulation of the use of generative AI models. Within the framework of the presented study, the regulatory framework of the studied countries and supranational associations in the context of regulating generative AI is deeply (by article) analyzed. Distinctive features of regulation are determined both at the level of definitions and at the level of requirements for generative AI service providers. In the identified differences in the regulation of the use of generative AI, potential proposals for the implementation of a number of foreign regulatory approaches for Russia are formulated, taking into account the specifics of the formation of domestic regulation of generative AI models. The proposals presented as a result of the conducted research may be reflected in the legislative and law enforcement practice of the relevant authorities exercising control and supervision over the activities of generative artificial intelligence service providers in Russia, and will also be of interest to practicing lawyers involved in supporting projects using generative AI.

Keywords: EU AI Act, ChatGPT, administrative law, comparative AI study, information law, AI regulation, safe AI, generative AI, artificial intelligence, PRC and AI

References (transliterated)

1. Atabekov, A. R., Yastrebov, O. A. Strategicheskoe pozitsionirovanie iskusstvennogo intellekta v sfere gosudarstvennogo upravleniya i praktika pravovogo regulirovaniya. Moskva: OOO Izdatel'stvo Yuniti-Dana, 2024. – 447 s. EDN: LZXXJT.
2. The Artificial Intelligence Act, Official Journal version of 13 June 2024. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explorer/> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
3. Garante per la protezione dei dati personali (Italy)-10085455. URL: [https://gdprhub.eu/index.php?title=Garante_per_la_protezione_dei_dati_personalì_\(Italy\)_-_10085455](https://gdprhub.eu/index.php?title=Garante_per_la_protezione_dei_dati_personalì_(Italy)_-_10085455) (data obrashcheniya: 04.07.2025).
4. Quintais, J. P. Generative AI, copyright and the AI Act // Computer Law & Security Review. – 2025. – T. 56. – S. 106-107.
5. Iaia, V., Geiger, C. Towards an Independent EU Regulator for Copyright Issues of Generative AI: What Role for the AI Office (But More Importantly: What's Next)? // Available at SSRN 4914938. – 2024.
6. Dusollier, S. et al. Copyright and generative ai: Opinion of the european copyright society // Available at SSRN. – 2025.
7. Ponce, A. Exposing generative AI: human-dependent, legally uncertain, environmentally unsustainable // ETUI Research Paper-Policy Brief. – 2024.
8. Vremennye mery po administrirovaniyu uslug generativnogo iskusstvennogo intellekta. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (data obrashcheniya: 04.07.2025).
9. Uvedomlenie o prinyatii mer po vyyavleniyu sinteticheskogo kontenta, sozdanного iskusstvennym intellektom. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/14/c_1743654684782215.htm (data obrashcheniya: 04.07.2025).
10. Cybersecurity technology-Generative artificial intelligence data annotation security specification. URL: https://content.mlex.com/Attachments/2025-05-23_CZT297CHX8R49J68/SAMR_NSA_GenAI_data_annotation_security_specification.pdf (data obrashcheniya: 04.07.2025).
11. Cybersecurity technology-Security specification for generative artificial intelligence pre-training and fine-tuning data. URL: https://content.mlex.com/Attachments/2025-05-23_CZT297CHX8R49J68/SAMR_NSA_Security_Specification_GenAI_pre-training_fine-tuning_Data.pdf (data obrashcheniya: 04.07.2025).
12. Cybersecurity technology-Basic security requirements for generative artificial intelligence service. URL: https://content.mlex.com/Attachments/2025-05-23_CZT297CHX8R49J68/SAMR_NSA_Basic_Security_Requirements_GenAI_service.pdf (data obrashcheniya: 04.07.2025).
13. China's Beijing Internet Court Recognizes Personality Rights in Generative AI Case. URL: <https://www.chinaiplawupdate.com/2024/04/chinas-beijing-internet-court-recognizes-personality-rights-in-generative-ai-case/> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
14. Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars). URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-law-draft/> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
15. Dong, H., Chen, J. Meta-regulation: An ideal alternative to the primary responsibility as the regulatory model of generative AI in China // Computer Law & Security Review. – 2024. – T. 54. – S. 106-016. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106016 EDN: WWFGHF.

16. Ye, X. et al. Privacy and personal data risk governance for generative artificial intelligence: A Chinese perspective // Telecommunications Policy. – 2024. – T. 48. – №. 10. – S. 102851.
17. Pi, Y. Missing Value Chain in Generative AI Governance China as an example // arXiv preprint arXiv:2401.02799. – 2024.
18. Franks, E., Lee, B., Xu, H. Report: China's new ai regulations // Global Privacy Law Review. – 2024. – T. 5. – №. 1.
19. Zou, M., Zhang, L. Navigating China's regulatory approach to generative artificial intelligence and large language models // Cambridge Forum on AI: Law and Governance. – Cambridge University Press, 2025. – T. 1. – S. e8.
20. Regulyatorika. Natsional'nyi portal v sfere iskusstvennogo intellekta. URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
21. Deklaratsiya ob otvetstvennom generativnom II. URL: <https://ethics.a-ai.ru/genai-declaration/> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
22. Rossiya i SNG vstupili v yuridicheskuyu gonku za kontrol' nad iskusstvennym intellektom. URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-sng-vstupili-v-yuridicheskuyu-gonku-za-kontrol-nad-iskusstvennym-intellektom.html> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
23. Osnovnye polozheniya model'nogo zakona "Ob iskusstvennom intellekte". URL: <https://libeldoc.bsuir.by/handle/123456789/54718> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
24. Bodrov, N. F., Lebedeva, A. K. Perspektivy pravovogo regulirovaniya i algoritmov markirovki generativnogo kontenta // Penitentsiarnaya nauka. – 2024. – T. 18. – №. 4 (68). – S. 348-357. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001 EDN: AUYZZI.
25. Sizemova, O. B. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v bankovskoi deyatel'nosti // Vestnik Universiteta imeni OE Kutafina. – 2024. – №. 9 (121). – S. 132-140. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.132-140 EDN: GTPGTZ.
26. Kartskhiya, A. A., Makarenko, G. I. Pravovye problemy primeneniya iskusstvennogo intellekta v Rossii // Pravovaya informatika. – 2024. – №. 1. – S. 4-19. DOI: 10.21681/1994-1404-2024-1-4-19 EDN: NONHLC.
27. Kharitonova, Yu. S. Avtonomiya tsifrovyykh platform generativnogo iskusstvennogo intellekta v regulirovaniyi otnoshenii s pol'zovatelyami // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2024. – T. 19. – №. 8 (165). – S. 66-75. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075 EDN: YRUSGI.
28. Shevelev, I. V. Cub"eknyi sostav avtorov proizvedenii, sozdannyykh posredstvom tekhnologii generativnogo iskusstvennogo intellekta: antropotsentricheskii kontsept v sudebnoi praktike KNR i Rossii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo". – 2024. – T. 34. – №. 2. – S. 360-366. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-360-366 EDN: RVIJFW.

The law enforcement approach to the transfer of ownership of a land plot when purchasing part of a building from a public legal entity

Nikitina Alla Evgen'evna

Head of the Legal Department; Legal Department; NBK Finance LLC

Practicing lawyer

66 Ivan Popov str., square 62, Kirov, Kirov region, 610025, Russia

✉ 89536737596@mail.ru

Abstract. The article explores the problem of the judicial practice forming an unjustified exception to the principle of the unity of destiny of land plots and real estate, as well as norms regarding the transfer of ownership of land upon the alienation of real estate in cases where the seller of part of a building is a public-law entity. The dynamics of the consideration of a specific case is traced during the initial and subsequent reviews in courts of all instances. The author compares the law enforcement approach to legal norms and the position of scholars in legal doctrine, revealing a significant difference. The aim of the study is to analyze the collision between the legislative enshrinement of the equality of subjects of civil legal relations and judicial practice, which creates exceptions to this principle in favor of public-law entities, as well as to assess the consequences of such an approach. The methodology of the research is based on a detailed analysis of a specific court case, a comparative legal analysis of contradictory judicial acts, and a review of doctrinal positions. Alongside this, key issues are identified: the formation of a privileged position for the state-seller without proper legislative regulation; the use by courts of phrases from judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation that are taken out of context. The scientific novelty lies in proving the thesis of the substitution of legislative regulation by judicial practice: for the first time, based on the material of a "chain" of interrelated judicial acts (2024-2025), the algorithm for forming privileges for the state through incorrect quoting and contextual distortion of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation is revealed, which leads to a violation of the principle of the rule of law and requires an immediate legislative response. It is concluded that the establishment of such exceptions by judicial practice bypassing the law is unacceptable, and there is a need for legislative resolution of the identified collision by introducing clear amendments to Article 552 of the Civil Code of the Russian Federation or a special federal law to consolidate the corresponding exceptions, which will ensure legal certainty and compliance with the principle of the rule of law, as well as the unity of judicial practice.

Keywords: building, embedded premises, public legal entity, principle of equality, priority, citizen, judicial practice, land plot, transfer of rights, exceptions

References (transliterated)

1. Khakimova A. F. Grazhdansko-pravovaya priroda soglasheniya o gosudarstvenno-chastnom partnerstve: avtoreferat dis. ... k.yu.n. – Kazan', 2024. – 27 s. EDN: QQDGPZ.
2. Ustyukova V. V., Kozhokar' I. P. Printsip edinstva sud'by zemel'nogo uchastka i nedvizhimosti na nem: ego konkretizatsiya i sootnoshenie s kontseptsiei edinogo ob'ekta // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2021. – № 2. – S. 69-88. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-kzhokar-ustyukova. EDN: MIUMFY.
3. Belova T. V. Pravoprimenitel'nyi aspekt vzaimovliyanija printsipa edinstva zemel'nogo uchastka i ispolnitel'skogo immuniteta na prekrashchenie prava sobstvennosti grazhdanina // Juridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. – № 3. – S. 84-93. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-84-93. EDN: HPAKDG.

4. Kiselev V. S. O zloupotreblenii isklyuchitel'nym pravom vykupa zemel'nogo uchastka sobstvennikom ob"ekta nedvizhimosti: teoriya, problematika, sposoby protivodeistviya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. – № 2. – S. 385-389. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_385. EDN: DNXMGT.
5. Avtonova E. D., Gvozdeva S. V., Karapetov A. G., Romanova O. I., Sbitnev Yu. V., Trofimov S. V., Fetisova E. M. Obzor pravovykh pozitsii Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po voprosam chashnogo prava za noyabr' 2022 goda // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2023. – № 1. – S. 23-50. EDN: AMAADZ.
6. Rossiiskie protsessualisty o prave, zakone i sudebnoi praktike: k 20-letiyu Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: monografiya / D. B. Abushenko, M. A. Alieskerov, T. K. Andreeva i dr.; otv. red. V. V. Molchanov. Moskva: Statut, 2023. – 480 s. EDN: DYOPSN.
7. Andreeva T. K. Verkhovnyi Sud dolzhen zanimat'sya ne ispravleniem sudebnykh oshibok, a vyrabotkoi pravovykh pozitsii: Interv'yu nomera // Zakon. 2021. – № 7. – S. 12-13. EDN: RRSYJE.
8. Doklad Predsedatelya VS RF V. M. Lebedeva k soveshchaniyu sudei sudov obshchei yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov 9 fevralya 2022 g. URL: www.vscr.ru.
9. Savel'ev S. L. Prezident v Rossii: unifikatsionnyi potentsial praktiki Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. M., 2020. – 272 s.
10. Khabrieva T. Ya., Kovler A. I., Kurbanov R. A. Doktrinal'nye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: monografiya / otv. red. T. Ya. Khabrieva. Moskva: NORMA, INFRA-M, 2023. – 384 s. EDN: DLWAMW.
11. Sukhodol'skii I. M. Uchastie gosudarstva v protsesse nesostoyatel'nosti (bankrotstva): monografiya. M.: Yustitsinform, 2024. – 264 s. EDN: TDDZTG.
12. Lazarev V. V., Gadzhiev Kh. I. Osnovnye istochники (formy) sudebnogo prava // Zhurnal rossiiskogo prava. 2022. – № 9. – S. 5-22. DOI: 10.12737/jrl.2022.091. EDN: PNEGCP.
13. Vaipan V. A. Istochники tsifrovogo prava // Vestnik arbitrazhnoi praktiki. 2024. – № 1. – S. 3-29. EDN: JBQYVV.
14. Kapitonova E. A. Problemy vzaimodeistviya zakazchika i stroitel'nogo podryadchika pri ispolnenii gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) kontrakta // Jurist. 2021. – № 4. – S. 24-29.
15. Varshavskaya O. Yu. Formirovanie tseny v obyazatel'stvakh s uchastiem publichnykh obrazovanii // Vlast' Zakona. 2016. – № 2. – S. 222-231. EDN: WWHYCR.

The crisis of democratic institutions and the weakening of the rule of law as elements of the transformation of modern constitutionalism

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

140570, Russia, Moscow region, Mendeleevo village, VNIIFTRI industrial zone, 11

✉ psu70@bk.ru

Abstract. The modern stage of state development is characterized by the intensification of processes of institutional dilution of democratic norms and legal constraints that were

previously considered an integral part of liberal constitutionalism. In many countries, which formally maintain democratic procedures, there is a consistent trend towards the erosion of checks and balances, the loss of real independence of the judicial power, and the weakening of parliamentary control. These processes are particularly evident in the framework of so-called "soft autocracy," where the external legal shell is used to legitimize anti-democratic practices. These phenomena cannot be reduced solely to internal breakdowns in law enforcement—they represent a systemic transformation of fundamental constitutional principles. In this context, there is a growing interest in studying the transformation of the rule of law and its replacement with mimetic mechanisms. The subject of this study is the crisis manifestations in the functioning of democratic institutions and the degradation of the rule of law as an expression of the transition from substantive to formal constitutionalism. Against this backdrop, the task of conceptually rethinking the role of public authorities, civil society institutions, and legal procedures in the context of a "post-liberal turn" is brought to the forefront. The methodological basis of the study includes comparative legal, institutional, and critical-normative approaches, allowing for the analysis of the evolution of constitutional regimes from the perspective of the sustainability of democratic practices. The novelty of the research lies in the attempt to systematically understand the crisis of democracy and law not as isolated deviations, but as a consequence of a deeper transformation of the political-legal order. It is suggested to view these phenomena through the lens of the concept of adaptive constitutionalism, capable of revealing signs of simulation and hidden de-constitutionalization. It has been established that formal compliance with procedures does not guarantee the genuine implementation of the principles of the rule of law. Moreover, legal instruments are increasingly becoming objects of political instrumentalization. The work emphasizes the role of constitutional courts as potential actors of legal resistance to transformation, provided they maintain institutional independence and social legitimacy. The possibilities of civil society in addressing the deficit of representation and accountability of power are also considered. In conclusion, the necessity of reevaluating traditional models of constitutional analysis in light of the current challenges of democratic erosion is underscored.

Keywords: legal deconstruction, representation crisis, post-liberalism, democratic imitation, judicial independence, soft autocracy, institutional erosion, democratic backsliding, rule of law, constitutionalism

References (transliterated)

1. Đuković M. Backsliding Rule of Law and "Stabilitocracy" in Montenegro // In: Mihr A., Pierobon C. (eds) Polarization, Shifting Borders and Liquid Governance. Cham: Springer, 2024. S. 213-228.
2. Ginsburg T., Huq A.Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 320 s.
3. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // The Modern Law Review. 2024. Vol. 87, No. 4. S. 799-832.
4. Adamidis V. Democracy, populism, and the rule of law: A reconsideration of their interconnectedness // Politics. 2021. Vol. 44, No. 3. S. 386-399.
5. Schepppele K.L. The Rule of Law and the Frankenstate: Why Governance Checklists Do Not Work // Governance. 2013. Vol. 26, No. 4. S. 559-562.
6. Lindsay M.J. The Presumptions of Classical Liberal Constitutionalism // Iowa Law Review. 2017. Vol. 102. S. 259-300.
7. Vermeule A. Common Good Constitutionalism: Recovering the Classical Legal Tradition. Polity, 2022. 270 s.

8. Elazar D.J. Covenant and Civil Society: The Constitutional Matrix of Modern Democracy. 1998. 414 s.
9. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 s.
10. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. 2018. 240 s.
11. Mounk Y. People vs. Democracy-Why Our Freedom Is in Danger and How to Save It. London: Harvard University Press, 2018. 393 s.
12. Kyle J., Mounk Y. The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment. Tony Blair Institute for Global Change, December 2018. 42 s.
13. Innes A. The Political Economy of State Capture in Central Europe // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 52, No. 1. S. 88-104.
14. Halmai G. Is There Such Thing as 'Populist Constitutionalism'? : The Case of Hungary // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, No. 3. S. 323-339. DOI: 10.1007/s40647-018-0211-5.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2019. 704 s.
16. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: Macmillan, 1885. 584 s.
17. Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven, CT: Yale University Press, 1964. 272 s.
18. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 676 s.
19. Landau D. Abusive Constitutionalism // U.C. Davis Law Review. 2013. Vol. 47, No. 1. S. 189-260.
20. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Éd. Galilée, 1981. 172 s.
21. Ginsburg T., Huq A.Z., Versteeg M. The Coming Demise of Liberal Constitutionalism? // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, No. 2. S. 239-255.
22. Hirsch R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 294 s.
23. Vlasenko M.Y. Problems of Civil Society Formation in Russia // Journal of Governance and Politics. 2019. No. 1 (4). S. 3.
24. Sedelmeier U. Political Safeguards Against Democratic Backsliding in the EU: The Limits of Material Sanctions and the Scope of Social Pressure // Journal of European Public Policy. 2016. Vol. 24, No. 3. S. 337-351.
25. Heiss C., Suárez-Cao J. Constitution-Making in the 21st Century: Lessons from the Chilean Process // PS: Political Science & Politics. 2024. S. 1-4.
26. Tushnet M.V. A New Constitutionalism for Liberals? // N.Y.U. Rev. Law & Soc. Change. 2003. Vol. 28. S. 357-360.

On the relationship between the forensic characteristics of crimes committed against minors, in particular, with the use of information and telecommunication technologies, and the peculiarities of their investigation

Ravinskaya Anna Vladislavovna □

Postgraduate student; Department of Criminal Procedure and Criminalistics; St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

44 Liteyny ave., St. Petersburg, 191014

✉ ann96934348@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the unity of the forensic characteristics and features of the investigation of crimes committed against minors. The article considers the history of the emergence of the scientific phenomenon of "forensic characteristics of crimes" and the diversity of points of view of domestic scientists regarding its definition. The author independently identifies the most significant structural elements of the forensic characteristics of the crimes in question, reveals their content, in particular, taking into account the current state of development of information and telecommunication technologies and their impact on crime. The negative impact of digitalization, which determines a certain expansion of the content of the structural elements of the forensic characteristics of crimes, on the process of their disclosure and investigation is noted. It is concluded that the characteristics of the personality of a minor victim and information about it certainly predetermine the content of other structural elements of the forensic characteristics of the criminal acts in question. The methodological basis is a set of general scientific and specific scientific methods that ensure the objectivity and comprehensiveness of the study. The historical and legal method allowed to identify the features of the formation and development of the forensic characteristics of crimes. The formal legal method contributed to the system analysis and interpretation of the norms of the current legislation, the empirical method - to the study of materials of judicial and law enforcement practice, statistical and sociological methods - to the analysis of official statistical data, questionnaires of employees of the prosecutor's office. The author also used logical, dialectical, inductive, deductive methods, description, analysis and synthesis. Certain provisions of the study demonstrate a new approach to the formation and practical application of the personality characteristics of a minor victim and information about it for the process of investigating crimes and subsequent proving in a criminal case. The author emphasized the importance of establishing the exact age of the child (teenager) and identifying the fact of awareness of the guilty person about it, proposed options for resolving the designated problem. The analysis of the personality of the subject of the crime allowed the author to make proposals regarding the types of his relationships (degree of acquaintance) with the minor victim, knowledge of which contributes to the construction and verification of investigative versions, organization and planning of the investigation of the crimes in question. The unconditional value of forensic characteristics of crimes for the quality, completeness and objectivity of their investigation is substantiated, which determines the choice of certain investigative and other procedural actions, the corresponding tactics and individuality of their implementation, in particular, the mandatory involvement of persons with special knowledge.

Keywords: age, pedagogue, psychologist, investigation features, Internet, structural elements, personality, minor victim, forensic characteristics, crime investigation

References (transliterated)

1. Gotchina L. V. O protivodeistvii kriminal'nomu vozdeistviyu na molodezh' s pomoshch'yu seti "Internet" // Kriminalist". 2024. № 2 (47). S. 49-55. EDN: OEUAXI.
2. Pestereva Yu. S., Timoshenko S. E. Ugolovno-pravovye, kriminologicheskie kriminalisticheskie aspekty publichnoi demonstratsii prestuplenii protiv lichnosti v informatsionno-telekommunikatsionnoi seti "Internet" // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2024. T. 21, № 4. S. 596-608. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608 EDN: MQUOCQ.
3. Ravinskaya A. V. Chastnye voprosy metodiki rassledovaniya prestuplenii^υ,

- sovershennoykh v otnoshenii nesovershennoletnikh // Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenii¹, sovershennoykh nesovershennoletnimi ili v otnoshenii nesovershennoletnikh. Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta imeni A. Ya. Sukhareva. 2024. S. 109-113. EDN: ORKGIU.
4. Sergeev L. A. Kriminalistika. M.: Izd-vo MGU, 1971. 425 s.
 5. Belkin R. S. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii / R. S. Belkin. M.: Yurist, 1997. 480 s.
 6. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. M.: NORMA, 2001. 240 s.
 7. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Kriminalistika. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2006. 748 s. EDN: QWQZMX.
 8. Koldin V. Ya. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra // Rossiiskaya yustitsiya, 2011. № 3. S. 21-24. EDN: NTXWPR.
 9. Tayurskaya E. A., Shishmareva E. V. Kriminalisticheskaya kharakteristika dorozhno-transportnykh prestuplenii² // Sibirskii yuridicheskii vestnik, 2020. № 2 (89). S. 22-25.
 10. Ravinskaya A. V. "Nesovershennoletie" cherez prizmu ugolovnogo protsessa, detskoj psikhologii i psikiatrii // Kriminalist", 2023. № 4 (45). S. 85-91. EDN: QUKPNI.
 11. Badzgaradze T. A. Znachenie kriminalisticheskoi metodiki pri rassledovanii prestuplenii protiv sem'i i nesovershennoletnikh / T. A. Badzgaradze, A. V. Bachieva, T. S. Boziev // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanii, 2020. № 4. S. 38-51. DOI: 10.26163/GIEF.2020.14.93.006 EDN: ZRJLER.
 12. Rodina E. Yu. Osobennosti taktiki doprosa maloletnikh svidetelei i poterpevshikh // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2023. T. 20, № 2. S. 203-213. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-2-203-213 EDN: WATEWN.

Tax control and law enforcement system: conflicts of competencies and ways to resolve them

Aleksandrov Artem Romanovich

Independent researcher, Certified tax consultant, Member of the Chamber of Tax Consultants Union, Deputy of the Tambov City Duma

35/45 Karl Marx St, 51 block, Tambov, 392002, Russia, Tambov region

 liberty1917@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the multilayered complex of legal relations arising between the Federal Tax Service and law enforcement agencies of the Russian Federation: the Investigative Committee, the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service, and the Prosecutor's Office in the process of identifying, qualifying, and prosecuting violations of tax legislation. The article analyzes the regulatory and legal grounds for involving law enforcement agencies at the stages of desk and field tax audits, collection of tax arrears, and initiation of criminal cases under Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation; inter-agency cooperation mechanisms established by departmental agreements and instructions; case law reflecting the conflict between the tax authority's obligation to send audit materials to investigative bodies (paragraph 3 of Article 32 of the Tax Code of the Russian Federation) and the protective measures that suspend the enforcement of decisions of the Federal Tax Service (part 3 of Article 199 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation). The study is based on the use of the following complementary methods: regulatory and legal analysis, comparative legal method, casuistic method, and summarizing empirical data. This research offers an integral model for the distribution of competencies

between the Federal Tax Service and four law enforcement agencies, reflecting their "points of entry" and interdependence at all stages of a tax dispute. It introduces the concept of "preemptive prosecutorial lawsuit," a situation where the prosecutor, relying on the data in Article 82 of the Tax Code of the Russian Federation, achieves recognition of the transaction as invalid even before a tax decision is made, effectively transforming the balance of power in the upcoming judicial process. A legal conflict has been established between paragraph 3 of Article 32 of the Tax Code of the Russian Federation and part 3 of Article 199 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation in the context of a unified tax account, and options for its legislative resolution have been formulated. The key findings of the study are: Firstly, excessive duplication of the functions of law enforcement agencies exacerbates the accusatory bias and reduces the procedural opportunities of conscientious businesses, often driven by the complexity of modern evasion schemes. Secondly, the existing practice does not ensure uniformity: in some districts, audit materials are blocked by protective measures, while in others they are immediately directed to investigative bodies, undermining the principle of equality among taxpayers. Thirdly, clear regulatory delimitation of the powers and timeframes for the intervention of the Ministry of Internal Affairs, the Investigative Committee, and the Prosecutor's Office is required, necessitating procedural filters (judicial permission for the use of coercive evidence, the prosecutor's assessment of the legality of the actions of the Federal Tax Service).

Keywords: Code of the Russian Federation, tax crimes, interim measures, Investigative Committee, Ministry of Internal Affairs, court, Prosecutor's Office, Federal Tax Service, law enforcement agencies, tax audits

References (transliterated)

1. Kozlov V.A. Aktual'nye voprosy mezhvedomstvennogo vzaimodeistviya v nalogovoi sfere po protivodeistviyu prestupnosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2025. № 2 (106). S. 71-79. EDN: CALTUW .
2. Enforce Law Company: liberalizatsiya otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya ne daet effekta // Kommersant". 2024. 18 apr. URL:
<https://www.kommersant.ru/doc/6651242> (data obrashcheniya: 07.07.2025).
3. Gurnina D.A., Tikhonov E.E. K voprosu o sostoyanii nalogovoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskii ekonomiceskii internet-zhurnal. 2024. № 4. URL:
<https://www.reej.ru> (data obrashcheniya: 04.07.2025). EDN: VXIWRF.
4. Nalogovaya real'nost' v tsifrakh i faktakh // Pravovest Audit. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
5. Vystuplenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Vladimira Putina na soveshchanii s pravitel'stvom // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. URL:
<http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
6. Il'in A.Yu. Vzaimodeistvie nalogovykh i sledstvennykh organov pri vyvaylenii i rassledovanii nalogovykh prestuplenii // Nalogi. 2016. № 19. S. 18-19.
7. Ryapolova Ya.P. "Staryi" novyi poryadok vozbuздeniya ugolovnykh del o nalogovykh prestupleniyakh // Rossiiskii sledovatel'. 2023. № 10. S. 15-19. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-10-15-19. EDN: TQUOC.
8. Soglashenie o vzaimodeistvii mezhdu Sledstvennym komitetom Rossiiskoi Federatsii i Federal'noi nalogovoi sluzhboi (zaklyucheno 13.02.2012 № 101-162-12/MMV-27-2/3) (v red. ot 24.12.2018) // SPS "Konsul'tantPlyus". (data obrashcheniya: 04.07.2025).

9. Aleksandrov A.R. Vliyanie obespechitel'nykh mer v arbitrazhnom protsesse na napravlenie materialov nalogovykh proverok v sledstvennye organy // Nalogi. 2025. № 2. S. 19-22.
10. Soglashenie o vzaimodeistvii mezhdu Ministerstvom vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i Federal'noi nalogovoii sluzhboi (utv. MVD Rossii № 1/8656, FNS Rossii № MMV-27-4/11 ot 13.10.2010) (v red. ot 26.10.2017) // SPS "Konsul'tantPlyus". (data obrashcheniya: 12.07.2025).
11. Nazarenko B.A. Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva v nalogovoi sfere: aktual'nye problemy i perspektivy // Finansovoe pravo. 2024. № 1. S. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-1-27-30. EDN: MMWREW.

Electronic Form of Agreement: Legal Problems of Identifying the Person Who Expressed Will

Dzhumagulov Daniil Dmitrievich

Postgraduate Student; Faculty of Law; National Research University Higher School of Economics (HSE)

109028, Russia, Moscow, Basmanny district, Bolshoy Trekhsvyatelsky lane, 3

✉ ddzhumagulov@hse.ru

Abstract. The research subject encompasses domestic and international approaches to legal qualification of electronic civil law agreements and identification of persons expressing will in such transactions. Particular attention focuses on interpreting article 160 of the Russian Civil Code requirement to "reliably determine the person who expressed will" in electronic transactions. The author examines opposing doctrinal approaches: conservative (limiting electronic form recognition to enhanced qualified electronic signatures) and liberal (allowing any identification methods). The study analyzes Russian civil law, case law, UNCITRAL conventions, and private law unification acts, examining practical consequences for contract validity. The methodology comprises formal-legal, judicial practice analysis, comparative-legal, systematic analysis, and functional methods.

Scientific novelty manifests in two aspects: first, developing a classification of electronic transaction form qualification approaches, substantiating conservative and liberal approaches, and systematizing their arguments; second, creating an original approach to electronic form qualification and person identification within domestic legal order. The author proposes understanding the legislative identification requirement as an evaluative criterion allowing written form compliance when using any technical means ensuring reliable participant determination. Enhanced qualified electronic signature creates only authenticity presumption but is not the sole permissible identification method. To resolve contradictions between approaches, a cumulative will expression approach is proposed, transitioning from analyzing single will expressions during transactions to analyzing totality of expressions made before and after transaction execution.

Keywords: voidness of transaction, witness testimony, electronic signature, handwritten signature, evaluative criterion, identification of person, freedom of form, written form, electronic form, cumulative expression of will

References (transliterated)

1. Tsitovich P.P. Obyazatel'stva po russkomu grazhdanskому pravu: Konspekt lektsii.

- Kiev, 1894. 106 s.
2. Kucher A.N. Zaklyuchenie dogovora v sootvetstvii s Venskoi konventsiei OON o dogovorakh mezhdunarodnoi kupli-prodazhi tovarov: dis. ... kand. yurid. nauk. M.: MGU, 2001. 163 s. EDN: NLWKUD
 3. Denisov S.A. O poryadke zaklyucheniya dogovora // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. M., 1998. S. 246-247.
 4. Bogdanov E.V. Spornye voprosy zaklyucheniya grazhdansko-pravovogo dogovora // Sovremennoe pravo. 2017. № 7. S. 34-40. EDN: ZBKNQJ
 5. Semenukh T.B. Davnii spor o kvalifikatsii oferty: sdelka ili stadiya zaklyucheniya dogovora // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 1(205). S. 277-280.
 6. Manigk A. Razvitie i kritika ucheniya o voleiz"yavlenii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2008. № 4. S. 192-215.
 7. Manigk A. Razvitie i kritika ucheniya o voleiz"yavlenii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2009. № 1. S. 224-250.
 8. Manigk A. Razvitie i kritika ucheniya o voleiz"yavlenii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2009. № 2. S. 231-260.
 9. Manigk A. Razvitie i kritika ucheniya o voleiz"yavlenii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2009. № 3. S. 235-253.
 10. Efimova L.G. Pravovye osobennosti elektronnoi formy bankovskikh sdelok // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2017. № 1. S. 22-41. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.022-041 EDN: YTPEWP
 11. Efimova L.G. Ponyatie i pravovye osobennosti elektronnogo dogovora // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2019. № 7. S. 84-90. EDN: MYVAKS
 12. Demin A.A. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya vozniknoveniya dogovornykh obyazatel'stv v tsifrovoi srede // Tsivilist. 2023. № 2. S. 15-20. EDN: NYSBPY
 13. Savel'ev A.I. Elektronnaya kommersiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. 2-e izd. M.: Statut, 2016. 640 s.
 14. Tatarkina K.P. Forma sdelok v grazhdanskem prave Rossii: monografiya. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet sistem upravleniya i radioelektroniki, 2012. 262 s. EDN: QSSPDJ
 15. Shelepina E.A. Primenenie elektronnykh dokumentov v grazhdanskikh pravootnosheniyakh: usloviya i vozmozhnosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. № 10. S. 31-39. EDN: ZTCDOV
 16. Tanaga A.N. Moment zaklyucheniya dogovora v rossiiskom grazhdanskom prave. M.: Prospekt, 2023. 120 s. EDN: YKREW B
 17. Savel'ev A.I. Elektronnaya kommersiya v Rossii bez ETsP: illyuziya ili real'nost'? // Vestnik grazhdanskogo prava. 2013. № 3. S. 43-88.
 18. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: Postateinyi kommentarii k stat'yam 807 - 860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii / Otv. red. A.G. Karapetov. M., 2019. 1282 s.
 19. Karlash D.S. Elektronnyi dokumentooborot: voprosy pravovogo regulirovaniya // Pravo i ekonomika. 2019. № 8. S. 22-28. EDN: PTQCTP
 20. Avtonova E.D., Astapenko P.A., Boreisho D.V. [i dr.]. Kommentarii k Postanovleniyu Plenuma VS RF ot 25.12.2018 № 49 "O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o zaklyuchenii i tolkovaniyu dogovora" // Vestnik ekonomiceskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2019. № 9.

S. 68-118. EDN: ENPKWF

21. Kozlovskaya S.V. Problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya sdelok, zaklyuchayemykh v ramkakh elektronnogo vzaimodeistviya // Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statei / A.E. Ageenko, I.I. Akimova, V.A. Volgina i dr.; ruk. avt. kol. i otv. red. A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. M.: Statut, 2018. Vyp. 2. S. 195-230.
22. Erdelevskii A.M. Zaklyuchenie i tolkovanie dogovora v sudebnoi praktike. SPS Konsul'tantPlyus, 2019. 120 s.
23. Ramberg Ya. Mezhdunarodnye kommercheskie tranzaktsii / per. s angl. pod red. N.G. Vilkovoii. 4-e izd. M.: Infotropik Media, 2011. 896 s. EDN: QSIZT
24. Rozenberg M.G. Kontrakt mezhdunarodnoi kupli-prodazhi. Sovremennaya praktika zaklyucheniya. Razreshenie sporov. M.: Mezhdunarodnyi tsentr finansovo-ekonomiceskogo razvitiya, 1996. 768 s.